

Г. Г. Матюхин

ПРОБЛЕМЫ КРЕДИТНЫХ ДЕНЕГ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

**Историчность форм денег
и их функций.**

Деньги и кругооборот капитала.

**Идентичная эволюция
мировых и национальных денег.**

**Единство денежных
и валютных кризисов,
их функциональный
и циклический характер.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. Г. Матюхин

ПРОБЛЕМЫ
КРЕДИТНЫХ ДЕНЕГ
ПРИ
КАПИТАЛИЗМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1977

В монографии впервые в советской экономической литературе современные кредитные деньги рассмотрены в качестве самостоятельной формы денег, обладающей специфическими денежными функциями.

Исходя из концепции историчности денег, автор показывает, что постепенный уход золота из обращения и его замена кредитными деньгами вызваны сменой способов товарного производства. Кредитные деньги тесно связаны с кругооборотом капитала и поэтому в наибольшей степени соответствуют капиталистическому производству. Данная закономерность определяет ход эволюции денег как в рамках национальных границ, так и в международных отношениях. Но кредитные деньги, являясь движущей силой, в то же время подрывают капитализм, резко обостряя его внутренние противоречия. В этой связи в книге исследуются денежные и валютные кризисы, как тесно между собой связанные и взаимно переплетающиеся явления.

**Ответственный редактор
доктор экономических наук
В. Н. ШЕНАЕВ**

Георгий Гаврилович Матюхин

Проблемы кредитных денег при капитализме

*Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР*

*Редактор В. Н. Морозов. Редактор издательства А. М. Радченко
Художник Ф. Н. Буданов. Художественный редактор А. Н. Жданов
Технические редакторы В. В. Волкова, Т. С. Жарикова
Корректоры М. М. Баранова, Г. И. Сурова*

*Сдано в набор 20/X 1976 г. Подп. к печати 21/XII 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 1800. Т-22416.
Заказ 1854. Цена 96 коп.*

*Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

М $\frac{11105-361}{042(02)-77}$ 267-77

© Издательство «Наука», 1977 г.

Предисловие

Проблема сущности денег занимает одно из важнейших мест в марксистско-ленинской теории. К. Маркс не случайно начинает анализ капиталистической формации с товарного обращения и денег. Последние, однако, претерпевают большие изменения по мере развития капитализма. В частности, возникновение монополий и усиление экономической роли государства оказали существенное влияние на процесс воспроизводства капитала, кредит, финансы и деньги.

Большой вклад в изучение новых явлений в сфере денежного обращения монополистического капитализма, и прежде всего в вопросы теории денег, внесли советские ученые З. В. Атлас, С. М. Борисов, Ф. П. Быстров, Е. С. Варга, Г. А. Козлов, В. Т. Кротков, И. А. Трахтенберг, Я. И. Фрей, А. Б. Эйдельмант и др. Наиболее значительны в этой области труды академика И. А. Трахтенберга. Однако после выхода в свет его последней работы прошло более 20 лет.

За это время сузилась сфера господства капитализма, усилилась мировая система социализма, рухнула колониальная опора империализма, обострилась классовая борьба. Произошло дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, что нашло свое отражение во внутренних процессах воспроизводства и обращения в капиталистических странах. Государственно-монополистическое регулирование распространилось ныне и на сферу производства, и на внутреннее денежное обращение, на занятость и состояние платежного баланса, на отраслевую структуру экономики и положение национальных валют.

В этих условиях активизировались исследования буржуазных экономистов, разрабатывающих «модели развития» капитализма и дающих свои рецепты по его лечению. Рассчитывая на незыблемость капиталистиче-

ских производственных отношений, они, естественно, устремили свои взоры на регулирование процесса производства через сферу обращения. Этим, в частности, объясняется появление на Западе множества работ, авторы которых пытаются оторвать деньги и кредит от производства, доказывая, что все недуги капитализма кроются в неполноценности денег.

Все это не может пройти мимо внимания ученых-марксистов. В последнее время вышло в свет много исследований советских экономистов по проблемам инфляции, кредитных систем капиталистических стран и кризиса валютных отношений капитализма. Однако работ по теории денег современного капитализма явно недостаточно.

Как отразился на денежном обращении отход от золотого стандарта во всех его формах? Что представляют собой современные деньги? Сохраняют ли они связь с золотом и если да, то каким образом? Какова теперь роль золота? Что нового в функциях денег? Какова эволюция форм денег и чем она обусловлена? Какие деньги функционируют в международном товарообороте и в чем различие между мировым и национальным денежным обращением? Все эти вопросы имеют огромное значение для понимания сущности многих явлений в практике современного капитализма. Ответить на них можно, лишь проанализировав новые явления в развитии капитализма в комплексе.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, автор данной монографии предлагает читателю концепцию, содержащую ответы на поставленные выше вопросы. На основе большого исторического материала он убедительно показывает, что каждой общественно-экономической формации присущи свои формы денег. В этом он видит единство формы и содержания. В рамках отдельных формаций, особенно в условиях многоукладности экономики, выступают различные формы денег, но в конце концов одна из них берет верх и становится господствующей. Для современного государственно-монополистического капитализма основной формой денег являются кредитные деньги. В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о демонетизации золота.

Демонетизация золота, или утрата им в период общего кризиса капитализма функций денег,— процесс

исторический. Он так же объективен, как и выдвижение золота в свое время в качестве главной формы денег, основы денежного обращения и валютных отношений капитализма. Огромной заслугой К. Маркса является то, что в условиях домонополистического капитализма при наличии множества видов денег и при длительном существовании биметаллизма он научно обосновал вытеснение золотом серебра. Гениальное предвидение К. Маркса полностью подтвердилось: в конце XIX — начале XX вв. во всех главных капиталистических странах был установлен золото-монетный стандарт. Выпускавшиеся время от времени казначействами разных стран бумажные деньги, равно как и кредитные деньги банков, подчинялись закономерностям обращения золотых монет и были их представителями. Весь этот процесс хорошо проиллюстрирован в книге.

Объективный характер появления новых закономерностей развития капитализма на его монополистической стадии был научно обоснован В. И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», где, в частности, раскрывается новая роль банков как монополистических объединений. Это не могло не наложить свой отпечаток на банковские системы, оказавшие собственное влияние на характер денег и их функции.

В этой связи и имея в виду другие новые явления в развитии капитализма, автор справедливо отмечает, что демонетизация золота является не случайным, а объективным и закономерным процессом, соответствующим новым условиям развития капитализма. С отменой золотого стандарта во всех его формах золото уходит не только из обращения, но и перестает выполнять функцию меры стоимости, а следовательно, и быть всеобщим эквивалентом. Это положение разделяют многие советские экономисты и ученые-марксисты зарубежных стран. В то же время ряд советских исследователей не согласны с этой точкой зрения. Так, например, М. Ю. Бортник, И. Д. Злобин, А. И. Стадниченко, Я. А. Кронрод, Б. В. Майоров и некоторые другие считают, что без золота денежное обращение функционировать не может. Главный аргумент отстаиваемой этими учеными позиции сводится к тому, что денежное обращение не может функционировать без действительных денег, которыми, по их мнению, может быть только золото.

Г. Г. Матюхин в своей работе справедливо утверждает, что демонетизация золота вовсе не означает, будто капитализм остается без действительных денег. Возникла другая форма действительных денег — кредитные деньги, которые, хотя и существуют на бумаге, не могут называться бумажными деньгами. Кредитные деньги не являются символами или знаками товара-денег (например, золота). Они вполне самостоятельны и равноправны с золотом. Эти две формы денег (товар-деньги и кредитные деньги) не развивались стадийно, т. е. когда одна форма как бы перерастала в другую. Наоборот, они развивались каждая на своей основе и сосуществовали таким образом, что одна форма денег постепенно вытесняла из обращения другую. Этот процесс сопровождался обычно значительными кризисными потрясениями.

Автор не только раскрывает процесс демонетизации золота, но и показывает, что его место как основы современного денежного обращения заняли кредитные деньги. Последние выполняют не только функции покупательного и платежного средства, но и функцию меры стоимости. Отсюда делается вывод, что современные кредитные деньги, в отличие от прежних (периода до монополистического капитализма) и от бумажных денег, не являются знаками золота.

Может возникнуть вопрос, что же представляют собой современные кредитные деньги? Каким образом, не обладая стоимостью, они выполняют функцию меры стоимости? Автор не уходит от ответа и на эти сложные вопросы. Развитие кредитных денег при капитализме он справедливо связывает с кругооборотом капитала и превращением денег в капитал. Функции кредитных денег и метаморфозы денежной формы капитала рассматриваются в монографии как единый процесс. Это позволяет автору сделать вывод о том, что кредитные деньги непосредственно связаны с движением капитала в его производительной и товарной формах. Как одна из форм капитала деньги отражают товарные стоимости без опосредствования металла.

Выполнение кредитными деньгами функции меры стоимости обусловлено тем, что они обладают меновой стоимостью, не имея собственной абстрактной стоимости. В этом их отличие от золота как товара-денег.

обладавших двумя потребительными стоимостями (как конкретного товара и как денег), а также абстрактной и меновой стоимостями. Еще К. Маркс убедительно показал, что по мере превращения золота в деньги в нем утрачивали свое значение как потребительная стоимость конкретного товара, так и его абстрактная стоимость.

Потребительная стоимость денег состоит в том, что они, независимо от их формы, являются носителями меновой стоимости. Опираясь на это положение К. Маркса, автор отмечает, что уже в условиях металлического обращения истершаяся монета обращалась наравне с полноценной лишь потому, что обе они обладали одной и той же меновой стоимостью при различии заключенных в них абстрактных стоимостей. Это Марксово положение о различии между меновой и абстрактной стоимостями послужило автору методологической основой для анализа сущности кредитных денег. Деньги, по мнению автора, сохраняя меновую стоимость, постепенно лишаются собственной абстрактной стоимости, представляющей собой материализацию затрат человеческого труда. Это имеет принципиальное значение для кредитных денег. Последние обладают только меновой стоимостью, являющейся денежным выражением абстрактных стоимостей товаров.

Таким образом, у автора есть логическая, основанная на марксистской методологии концепция сущности современных кредитных денег, которая состоит в том, что кредитные деньги основаны на кругообороте капитала, то есть на движении реальных товарных стоимостей. Кредитные деньги выполняют все денежные функции, включая и меру стоимости, а следовательно, они являются всеобщим меновым эквивалентом. Последнее обусловлено тем, что в кредитных деньгах воплощена меновая стоимость товаров, а не собственная абстрактная стоимость.

Вместе с тем следует отметить, что с некоторыми выводами автора мы не можем согласиться. Речь идет о развернуто-денежной форме стоимости. Автор убежден, что приобретение меновой стоимостью в кредитных деньгах большей степени самостоятельности, чем в товаре-деньгах, позволило продвинуться дальше спирали диалектического развития стоимости от простой формы стоимости к развернутой и от развернутой к денежной.

Произошло возвращение к развернутой форме меновой стоимости, но на более высокой ступени развития товарного производства. Если прежняя форма была развернуто-товарной формой стоимости, утверждает он, то теперь это развернуто-денежная форма стоимости. Однако что бы ни писал автор о «спирали развития» или «новом витке», любая развернутая форма стоимости исключает всеобщий эквивалент. Да и вообще, возможна ли развернуто-денежная форма стоимости? При такой постановке вопроса деньги не могут выполнять функцию меры стоимости. На наш взгляд, это также противоречит некоторым положениям книги.

Если товарное обращение невысказано без денег, то это означает, что товары невысказаны без цен. Следовательно, всем товарам противостоят деньги, или, иными словами, всеобщий эквивалент. Товары не могут непосредственно сравниваться между собой иначе, как в денежной форме их стоимостей. В этом, собственно, и состоит значение всеобщего менового эквивалента, через который и выполняется функция меры стоимости. Поэтому тезис автора о появлении какой-то новой развернутой формы стоимости, а тем более денежной уводит в сторону от логической в целом концепции.

Весьма спорной, по нашему мнению, является трактовка неэквивалентного обмена.

Большой интерес представляет раздел книги, посвященный денежному обращению на мировом капиталистическом рынке. Привлекает к себе внимание прежде всего вопрос о мировых деньгах. Безусловно правилен вывод автора о том, что современные мировые деньги лишь повторяют (конечно, в специфической форме) тот путь, который прошли национальные деньги. Здесь золото также утратило свои функции денег, сохранив лишь роль резерва международных ликвидных средств, а господствующее положение заняли кредитные деньги.

Автор отмечает также различия эволюции кредитных денег в национальном и мировом обороте. В национальных масштабах развитие кредитных денег имело следующую последовательность: вексель — акцептованный вексель — банкноты — чеки и расчетные деньги. В международном обороте до сих пор отсутствует такое важное звено, как мировая банкнота. На ее место претендуют национальные банкноты, или валюты крупнейших

капиталистических стран. Это порождает антагонистические противоречия между капиталистическими странами, обостряет кризисы международной валютной системы.

В работе прослеживается борьба между немецкой маркой, французским франком, английским фунтом стерлингов и американским долларом с начала XX в. В этой борьбе победил доллар, которому после второй мировой войны удалось завоевать господствующее положение среди валют капиталистических стран. Однако попытка разрешить противоречие между интернациональным характером мировых валютных отношений и национальной природой кредитных денег не увенчалась успехом.

Читатель найдет в этой книге обширный материал, доказывающий неспособность национальных валют бесперебойно выполнять функции мировых денег вне зависимости от экономической мощи той или иной страны. Это отчетливо видно в нынешних условиях, когда после краха Бреттон-Вудской валютной системы функции мировых денег выполняют несколько национальных валют. Буржуазные экономисты и государственные деятели капиталистических стран пытаются выработать новые принципы международной валютной системы, которые отвечали бы изменившимся условиям. Однако противоречия капиталистического производства и обращения оказались сильнее их стремления к единству в этих вопросах.

Оригинальная по постановке проблем книга Г. Г. Матюхина, безусловно, найдет живой отклик у читателя, она поможет разобраться во многих вопросах не только внутреннего денежного обращения, но и в сфере запутанных международных валютных отношений.

*Шенаев В. Н.,
доктор экономических наук*

ВВЕДЕНИЕ

Успешное претворение в жизнь Программы мира, принятой на XXIV и развитой далее на XXV съездах КПСС, привело к качественному изменению экономических связей между социалистическими и капиталистическими государствами. Это выразилось прежде всего в быстром развитии кредитных отношений. В настоящее время Советский Союз имеет соглашения по кредиту с целым рядом государств: Японией, ФРГ, Англией, Францией, США, Австрией и др.

Кредитные отношения привели, с одной стороны, к активному использованию социалистическими странами новых денежных форм и механизмов межгосударственных расчетов. С другой — они поставили на практическую основу бывшие ранее чисто академическими исследования таких проблем, как эволюция форм денег при капитализме, своеобразие в выполнении современными деньгами капиталистических стран своих функций, пути формирования международной капиталистической валютной системы и новых видов мировых денег и т. п.

Кредитные отношения, однако, характерны не только для капиталистических стран или международных экономических связей. Они органически присущи также и социалистическому обществу. Отсюда вытекает потребность дальнейшего более глубокого анализа общих и отличительных сторон денег при капитализме и социализме. Кредит — важнейший фактор строительства коммунистического общества. Он, как известно, порождает кредитные деньги. Но эта форма денег пока еще изучена далеко не достаточно. Несмотря на обилие научных трудов по проблемам кредита в условиях двух социально-экономических систем, ни в советской, ни в мировой литературе до сих пор нет специального иссле-

дования по кредитным деньгам как таковым, во всем своеобразии их форм и отношений с другими видами денег, в частности, с золотом. Лишь в трудах немногих авторов (зарубежных — Р. Гильфердинга и советских — И. Трахтенберга, З. Атласа) кредитным деньгам отведены отдельные главы. Бытует точка зрения, что кредитные деньги являются не более как символами золота, а потому не заслуживают самостоятельного изучения.

Между тем К. Маркс подчеркивал самостоятельную природу и характер кредитных денег. «Подобно тому, как... взаимные авансы производителей и купцов друг другу образуют подлинную основу кредита,— писал он,— так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим базисом не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение»¹. При жизни К. Маркса кредитные деньги не получили еще той зрелости и распространения, которые они приобрели в XX в. Это объяснялось тем, что кредитные деньги принадлежат, по словам К. Маркса, «к более высокой ступени процесса производства»². Поэтому свой анализ капитализма К. Маркс ограничил той формой денег, которая была в его время наиболее развита, а именно товаром-деньгами в виде золота, серебра и их символов.

Деньги, как и другие экономические категории, не могут застыть в своем развитии на какой-то одной ступени. Историчность подхода к деньгам общепризнана советскими экономистами, особенно когда речь идет о деньгах при социализме. Можно привести следующее замечание по этому поводу советского экономиста Э. Андреса: «По нашему мнению,— пишет он,— при анализе природы и сущности денег в условиях развитого социалистического общества надо исходить из таких методологических предпосылок: 1) природа денег обусловлена всегда характером товарного производства (каково товарное производство, таковы и деньги); 2) природа денег зависит от всей системы производственных отношений, господствующих в обществе, с изменением характера товарного производства и всей системы производственных отношений меняется природа денег (принцип историчности); 3) природа и функции

денег едины; 4) форма проявления функций денег полностью соответствует их содержанию»³.

С этими положениями нельзя не согласиться. Однако при конкретном анализе денег при социализме Э. Андрес отстывает от им же провозглашенных принципов. Подчеркивая особый характер товарных отношений при социализме и доказывая, что денежные функции в этих условиях претерпели существенные изменения, он в то же время отстаивает неизменность форм денег, утверждая, что, каковы бы ни были особенности товарного обращения при социализме, роль денег продолжает выполняться золотом, а «бумажные деньги продолжают быть представителями золота в обращении, знаками денег»⁴. В принципе, разделяя выводы Э. Андреса о том, что функции денег при социализме существенно меняются, что «особенностью денег при социализме является их ограниченность как всеобщего средства непосредственной обмениваемости», что претерпело изменение и такое «важнейшее свойство денег, как самостоятельной формы стоимости — быть всеобщим воплощением общественного богатства»⁵, мы не можем совместить их с мыслью о том, что все они относятся к деньгам-золоту. На наш взгляд, здесь возникает альтернатива: либо золото перестало быть деньгами, либо никаких функциональных изменений денег не произошло. Оставлять золото на положении денег и утверждать, что оно тем не менее не служит всеобщим средством обмена и всеобщим воплощением общественного богатства, по меньшей мере нелогично.

Неубедительными представляются и позиции Я. А. Кронрода, И. И. Конника, И. Д. Злобина и других исследователей, которые отстаивают принцип неизменности форм денег и видят их историчность лишь в том, что золото как деньги выражает при социализме социалистические производственные отношения, а золото как деньги при капитализме — капиталистические производственные отношения, и считают, что меняются не сами функции (деньги при социализме, по их мнению, выполняют, как и прежде, известные пять функций), а назначение этих функций и т. п.

В данной работе принцип историчности денег рассмотрен шире и не ограничивается лишь сменой капиталистических производственных отношений социали-

стическими. По нашему убеждению, эволюция форм денег и их функций происходила постоянно на всем протяжении развития человеческого общества, причем главными вехами этой эволюции были изменения характера товарного производства, т. е. замена простого товарного производства капиталистическим товарным производством и капиталистического товарного производства социалистическими товарно-денежными отношениями. Вследствие этого, если при простом товарном производстве и в период раннего капитализма золото было наилучшими деньгами, то при развитых капиталистических производственных отношениях, особенно на этапе их государственно-монополистического развития, оно перестает отвечать предъявляемым к деньгам требованиям и постепенно демонетизируется. Здесь мы разделяем точку зрения таких советских экономистов, как А. В. Аникин, С. М. Борисов, Я. А. Певзнер, Д. В. Смыслов, Г. П. Слюс, В. М. Усоскин, В. Н. Шенаев, А. Б. Эйдельмант и другие, которые отстаивают тезис о демонетизации золота.

Демонетизация золота, однако, не означает того, что капитализм остается без действительных денег. Возникла другая их форма — кредитные деньги, которые, хотя и существуют на бумаге, не могут называться бумажными деньгами. К сожалению, данная точка зрения имеет широкое распространение в советской экономической литературе. Такое отождествление возможно лишь в ограниченных пределах, когда кредитные деньги перерождаются в бумажные. Термин «бумажные деньги» нами используется в строго политэкономическом смысле, когда речь идет о символах действительных денег, к которым, кроме золота, мы относим и кредитные деньги.

Кредитные деньги не являются символами или знаками товара-денег (например, золота). Они вполне самостоятельны и равноправны с золотом. Обе эти формы денег (товар-деньги и кредитные деньги) не развивались стадийно, т. е. одна форма не перерастала в другую. Наоборот, они развивались каждая на своем базисе и сосуществовали таким образом, что более прогрессивная форма денег в ходе борьбы с менее прогрессивной постепенно вытесняла последнюю из оборота, причем каждый шаг такого процесса сопровождался

крупными коллизиями, усилением антагонизма и серьезными кризисными явлениями в сфере капиталистических производственных отношений.

Кредитные деньги как самостоятельная форма денег имеют собственные функции, которые в значительной степени отличаются от функций товара-денег. Однако в период совместного обращения золота и кредитных денег золото выполняло часть функций кредитных денег, а те в свою очередь — часть функций золота. Это обусловлено тем, что при капитализме деньги превращаются в капитал, а капитал — в деньги. В данном случае такое превращение выражалось в том, что часть товара-денег, вовлекаемая в кругооборот капитала, становилась капиталом, тогда как часть кредитных денег, выпадающая из кругооборота капитала, становилась знаком товара-денег, обслуживающих простой товарообмен.

По мере поглощения капиталистическими отношениями всех сфер жизни общества кредитные деньги все прочнее занимали положение единственной формы действительных денег, а их специфические функции превратились в доминирующие. Иными словами, смена функций денег происходит потому, что меняются их формы, — в этом заключается единство формы и содержания. Поэтому нельзя согласиться с теми экономистами, которые, доказывая факт изменения денежных функций, продолжают отстаивать неизменность денежных форм.

В работе не ставится задача проследить все изменения форм денег как при капитализме, так и в докапиталистический период. В ней дается лишь краткий очерк их эволюции. Центральным объектом анализа являются кредитные деньги как продукт капиталистических производственных отношений.

Выдвигаются и обосновываются пять главных позиций*.

* В той или иной форме эти положения высказывались автором в монографии «Горячие деньги: проблемы спекулятивного, «блуждающего» капитала» (М., 1974) и в статьях (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 8; «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 6; «Деньги и кредит», 1973, № 6; «Экономическая газета», 1974, № 33).

1. Каждый тип товарного производства порождает собственные действительные деньги, отличительная черта которых заключается в том, что они выполняют свои специфические денежные функции. Действительными деньгами капиталистического товарного производства являются кредитные деньги.

2. Полностью денежные функции выполняются лишь действительными деньгами. Символы, знаки или любые заменители действительных денег имеют лишь часть функций, причем функций тех действительных денег, которые они представляют.

3. В кредитных деньгах произошел подрыв роли денег как всеобщего эквивалента. Оставаясь всеобщим меновым эквивалентом, кредитные деньги перестают быть всеобщим стоимостным эквивалентом. Это объясняется, во-первых, тем, что они не несут в себе материализованной стоимости (вместо подлежащего передаче эквивалента выступает правовой титул — свидетельство на получение части общественного богатства) и, во-вторых, представляют капитал, находящийся в постоянном стоимостном изменении и самовозрастании.

4. Мировые деньги повторяют путь развития национальных денег.

5. Кредитные деньги, хотя и являются продуктом капиталистического товарного производства, в современных условиях уже не служат его движущей силой, а подрывают капитализм, доводя его внутренние противоречия до крайнего антагонизма и глубокого кризиса.

О первой позиции уже говорилось. Что касается второй позиции, то наиболее спорным нам представляется вопрос о том, что считать деньгами. Поэтому сделаем некоторые уточнения. По определению К. Маркса, деньги представляют собой прежде всего единство меры стоимости и средства обращения. Однако это относится к действительным деньгам. Монеты и бумажные деньги уже не несут такого единства, а выполняют только часть денежных функций. Да и сами действительные деньги, как показано в тексте, не сразу приобретают все денежные функции и не сразу их теряют, когда сходят со сцены: они еще длительное время продолжают выполнять часть функций денег. В этом смысле золото и ныне может считаться одной из форм мировых

денег (хотя и исчезающей), поскольку до сих пор оно все еще выполняет одну из денежных функций — функцию сокровища.

В нашем исследовании мы относим к деньгам не только те их формы, которые обладают единством меры стоимости и средства обращения (товар-деньги и кредитные деньги), но также и денежные инструменты, которые имеют лишь несколько денежных функций. В конечном счете последние — не более как символы или знаки тех действительных денег, которые господствуют в экономике. Исходя из такой позиции, мы относим к деньгам акции и облигации, называя их квазикредитными деньгами. Помимо своего прямого назначения — быть титулом собственности и формой проявления фиктивного капитала — они обладают рядом денежных функций: как средство накопления и средство перераспределения прибавочной стоимости. Акции и облигации служат также средством обращения, но не всего капитала во всех его формах (денежной, производительной, товарной, фиктивной), как кредитные деньги, а только фиктивного капитала. Поэтому то, что ими нельзя оплачивать товары и услуги, не говорит против нашего определения. Да и по внешним признакам они имеют много общего с другими видами кредитных денег. Облигация, например, почти полностью сходна с векселем. Как и вексель, она выступает в качестве обязательства платежа, как и вексель, она включает выплату фиксированного процента, начисляемого на срок ее действия. Отличие состоит в том, что она является долгосрочным платежным обязательством, а вексель — главным образом краткосрочным, она выпускается на предъявителя, а вексель — преимущественно именной.

Кредитные деньги есть форма проявления денежного капитала, квазикредитные деньги — форма проявления фиктивного капитала. В этом их различие. Но в этом же заключается единство и всеобъемлемость закона перехода денег в капитал и капитала в деньги.

Третья позиция также требует пояснения. Мы четко разделяем, согласно учению К. Маркса, понятия меновой и абстрактной стоимостей. Анализ эволюции форм денег приводит к выводу, что деньги, сохраняя меновую стоимость, постепенно лишаются собственной абстрактной стоимости как материализации затрат человеческого

труда. Этот процесс завершается у кредитных денег. Последние обладают только меновой стоимостью — денежным выражением соотношения абстрактных стоимостей товаров, представляемых кредитными деньгами. Соответственно этому кредитные деньги, оставаясь всеобщим меновым эквивалентом, перестают быть всеобщим стоимостным эквивалентом.

В докапиталистическую эпоху для участников меновых отношений было важно сохранить в процессе обмена плоды своего труда. Поэтому первые деньги могли возникнуть лишь в форме всеобщего стоимостного эквивалента. Золото в слитках как денежный товар было всеобщим стоимостным эквивалентом. Однако в процессе обращения золотая монета истиралась. Последнее обстоятельство подготовило условия к тому, что деньги стали терять свойство быть всеобщим стоимостным эквивалентом.

При капитализме основным объектом меновых отношений становится не товар как таковой, а товарный капитал. Капиталист в свою очередь отдает не деньги, а денежный капитал, вследствие чего имеет место не метаморфоза товара, а метаморфоза капитала из товарной формы в денежную и наоборот. Поэтому для капиталиста, приобретшего товарный капитал, важна не стоимость этого товара и не его потребительная стоимость как конкретного товара, а его потребительная стоимость как капитала. Для капиталиста полученный им в обмене товар является не стоимостным эквивалентом, который его в данном случае не интересует, а свидетельством того, что по истечении известного времени можно будет получить возросшую стоимость.

Когда К. Маркс объяснял закон стоимости, он подчеркивал, что хотя на практике этот закон проявляется через постоянные отклонения цены от стоимости, на макроуровне, в масштабе всего общества, соблюдается эквивалентность. Для объяснения же функционирования денег как механизма обмена на микроуровне важна другая сторона этого закона, а именно то, что цена лишь в исключительных случаях совпадает со стоимостью.

При простом товарном производстве, когда цены колебались вокруг стоимости, такие несовпадения были

незначительны и ими можно было пренебречь, даже на микроуровне, особенно при анализе товара-денег, содержащих в себе материализованные затраты человеческого труда.

Другое дело при капиталистическом товарном производстве. Обмен на базе цены производства сделал отклонения от стоимости не только значительными, но и в большинстве своем односторонними. Это тем не менее не нарушило производственного процесса, ибо в отличие от простого товарного производства, условием которого было возмещение стоимости, капиталистическое товарное производство основывается на ином принципе — обеспечении средней прибыли. Последнее достигается за счет перелива на микроуровне части прибавочной стоимости из одной отрасли производства в другую с помощью неэквивалентного обмена, хотя в масштабе общества конечная эквивалентность остается.

Такого рода неэквивалентный обмен имеет еще одно важное назначение. Дело в том, что получаемая в результате эксплуатации прибавочная стоимость не остается у истоков своего зарождения, а распределяется среди капиталистов и их политического аппарата. Это распределение осуществляется различными путями. Одним из важнейших путей или методов распределения уже созданной прибавочной стоимости является неэквивалентный обмен. Он обеспечивается с помощью кредитных денег. Называя деньги свидетельством на общественное благосостояние, В. И. Ленин при этом подчеркивал, что денежные знаки служат для эксплуатации неимущих и являются свидетельством на получение дани с трудящихся⁶.

Относительно четвертой позиции, т. е. тезиса о том, что мировые деньги повторяют путь развития национальных денег, необходимо подчеркнуть следующее. Выделение у золота функции мировых денег не означает, что формула «золото=мировые деньги» предполагает обязательное обратное равенство: «мировые деньги=золото». В сфере международных отношений наблюдается та же постоянная эволюция денежных форм, что и на уровне национальных хозяйств. Некоторая специфика функций мировых денег не заслоняет главной тенденции современности — замены товара-денег кредитными деньгами.

Пятая позиция основывается на положении К. Маркса о двойственном характере кредита, который, с одной стороны, «ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка», с другой — «ускоряет насильственные взрывы... кризисы и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства»⁷. По мере углубления общего кризиса капитализма вторая сторона кредита становится все более определяющей. За сложной гаммой функциональных и общеэкономических причин этого усиления элементов разложения старого способа производства лежит тот факт, что «товарный капитал во время кризиса и вообще во время застоя в делах в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы»⁸. Кредитные деньги, таким образом, теряют свое основное назначение быть формой капитала и перестают быть общественной связью капиталистического общества. Но там, где деньги сами не являются общественной связью, подчеркивал К. Маркс, они должны разлагать общество⁹.

Перечисленные позиции, конечно, не охватывают всех проблем кредитных денег при капитализме, в частности современной инфляции. В свете нового подхода к деньгам проблема инфляции уже не может быть представлена каким-то небольшим разделом книги. Для ее разбора требуется отдельная работа. В этом причина того, что нами сознательно был ограничен материал, который связан с инфляцией или из которого вытекают те или иные стороны инфляционного процесса.

Автор выражает глубокую благодарность товарищам А. В. Аникину, О. С. Богданову, Е. Н. Гребенниковой, С. А. Далину, Л. Н. Красавиной, В. И. Кузнецову, А. Г. Куликову, В. А. Мартынову, Я. А. Певзнеру, М. А. Портному, Д. В. Смыслову, Г. П. Солюсу, В. М. Усоскину, Е. С. Хесину, В. Н. Шенаеву и Ю. И. Юданову за их ценные критические замечания по отдельным разделам монографии при ее подготовке к печати.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФОРМ ДЕНЕГ

1. Товар-деньги

Меновые отношения. В среде независимых друг от друга товаропроизводителей общественный характер труда проявляется лишь через обмен их продуктов. Меновые отношения здесь — главная форма общественных связей. Основная функция этих отношений заключается в обеспечении общественного производства и воспроизводства.

В докапиталистической формации акты обмена товарами между отдельными товаропроизводителями связывали последних в общество, в котором каждый благодаря этим актам получал свою долю в подлежащем распределению продукте всего общественного производства. Через обмен товаров устанавливалось, был ли индивидуальный труд общественно необходимым трудом. Приведя индивидуальный труд к общественному и обеспечив через обмен условия для распределения общественного продукта, меновые отношения создали тем самым предпосылки для возникновения денег — инструмента, с помощью которого осуществлялись такие процессы.

Роль меновых отношений в возникновении первых форм денег этим не ограничивалась. Меновые отношения выявили товар, пользовавшийся наибольшим спросом, который и стал на первых порах деньгами. Это происходило постепенно. Пока обмен имел непостоянный характер, в его сфере находились только внезапно образовавшиеся излишки или предметы роскоши. С ростом товарного производства и разделением общественно-го труда производство на рынок все более оттесняло на второй план производство для собственных потребностей. Обмен товаров перестает быть случайным актом,

он становится регулярнее, постояннее. В то же время в зависимости от местных условий определенные товары начинают иметь больший спрос, охотнее принимаются в обмен, чем другие. Это соль и финики в пустыне Сахаре, слоновая кость у африканских негров, какао-бобы в древней Мексике, дичь у охотничьих народов, рыба у рыболовецких племен, скот в скотоводческих районах. Теперь все продукты обмениваются, например, только на скот. Следовательно, продукт является общественно необходимым только в случае, если его можно обменять на скот. Способность продукта быть обмененным на скот становится уже для всякого частного продукта свидетельством заключенного в нем общественно необходимого труда. Отныне в скоте воплощен общественный труд.

Денежный товар как низшая ступень товара-денег. Выделение одного товара среди других товаров означало огромный шаг вперед в первоначальном формировании денег. На сцене появился товар, который охотно принимался каждым товаропроизводителем и в обмен на который каждый готов был отдать свой товар даже тогда, когда не предполагалось использовать его в качестве предмета потребления. Каждый знал, что в последующем в обмен на этот товар он получит любой другой товар, который и удовлетворит его потребности.

Такое могло случиться лишь тогда, когда акт обмена обеспечивал сохранение заключенной в товаре стоимости. Иными словами, товаровладелец соглашался обменять свой товар только на его стоимостной эквивалент. Выделившийся же товар был не только единичным стоимостным эквивалентом (эквивалентом для товара данного товаровладельца), но и всеобщим стоимостным эквивалентом. Тем желаннее был обособившийся товар и тем в большей уверенности находился товаровладелец, полагая, что, обменяв свой товар на этот эквивалент, он сможет впоследствии через обратный обмен удовлетворить другие свои потребности. Он сознавал, что вследствие такого обмена ни одна часть его труда не окажется затраченной понапрасну.

Таким образом, первые деньги могли возникнуть лишь в форме всеобщего стоимостного эквивалента, обеспечивающего, по словам К. Маркса, во-первых, то, что «тело товара, служащего эквивалентом, всегда вы-

ступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда», во-вторых, «конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда», в-третьих, «частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме»¹.

Допустим, что крупный рогатый скот сделался товаром, который чаще и охотнее всего берется в обмен. Следовательно, он приобрел новую потребительную стоимость помимо той, которую имеет скот как домашнее животное. Новая потребительная стоимость обусловлена не столько ее природными свойствами, сколько ее ролью на рынке, благодаря которой рогатый скот как всеобщее средство обмена превратился в деньги.

В то же время крупный рогатый скот не потерял своей природной потребительной стоимости и, будучи широко и повсеместно используемым в качестве жизненного средства, должен был оставаться в роли обычного товара. В данной связи первые деньги содержали в себе две потребительные стоимости и были в действительности не деньгами со всеми присущими им функциями, а денежным товаром. Они участвовали в обмене, с одной стороны, как товар, а с другой — как всеобщий стоимостной эквивалент и всеобщее средство обмена.

Итак, денежный товар мог возникнуть лишь в форме всеобщего стоимостного эквивалента. Но в ходе развития меновых отношений этого оказалось недостаточно. Участникам меновых отношений важно было не только получить за свой товар эквивалент на момент обмена, но и чтобы данный эквивалент не терял своей ценности и в течение длительного периода в нем можно было бы сохранять плоды своего труда, причем в такой форме, которая в любое время могла быть обменена на всякий иной продукт общества. Скот, соль, сахар, дичь, рыба, какао-бобы, чай и другие подобные товары для такой цели не годились и потому вскоре были заменены металлами как денежными товарами.

Металл пользуется всеобщим спросом как материал для всякого рода орудий. Вначале металл обращается в торговле так же, как сырой материал, — в слитках и

только по весу. У греков в качестве денежного товара первоначально применялось железо, у римлян — медь, у китайцев — смесь меди и свинца. Значительно позже входят в употребление, а также и в торговый оборот благородные металлы: серебро и золото.

В эволюции денежного товара главную роль сыграло стремление участников меновых отношений сохранить на возможно более длительный срок плоды своего труда. Благородные металлы лучше всего отвечали подобной задаче. Они не изменяли со временем своих физических свойств, их можно было легко спрятать. Иначе говоря, здесь наиболее полно могла развиваться функция денег как сокровища, которая и оказала решающее воздействие на материальное воплощение денежного товара.

Но еще раньше этой функции возникла функция меры стоимости, с которой, собственно, и было связано появление денежного товара. Функция средства обращения у денежного товара, хотя он и выделился из обмена, была развита слабо. Не случайно К. Маркс начинает в «Капитале» анализ функций денег с меры стоимости, называя ее первой функцией денежного товара. «В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения,— подчеркивает К. Маркс,— что денежным товаром является золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости... Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и прежде всего в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — становится деньгами»².

Другими словами, цена товара, предполагаемого к обмену, еще до продажи должна быть точно установлена в сознании производителя. Вот почему в качестве средства обращения денежный товар в ряде случаев был менее необходим, чем в качестве измерителя ценностей. На заре товарного оборота часто случалось, что денежный товар служил только мерой стоимостей, обмен же носил натуральный характер. Но это не значит, что денежный товар в обращении совершенно отсутствовал.

Египтяне, например, уже в III столетии до н. э. использовали медь и золото в качестве денежного товара

и всеобщего мерил стоимости, хотя измеряемые как ценности при помощи денег товары еще обменивались большей частью непосредственно.

Благородные металлы как денежный товар. Итак, для денежного товара характерны в основном две развитые функции денег: сокровища и меры стоимости. Действительно, что могло быть лучшим сокровищем, чем благородные металлы? Как уже отмечалось, они не портились со временем, содержали в малом объеме большую ценность, удобно транспортировались и легко укрывались. Лучше всех других металлов мерой стоимости служили серебро и золото. Именно они обладали наибольшей устойчивостью ценности, которая требует не только устойчивости условий производства, но вместе с тем и устойчивости качеств, определяющих их потребительную стоимость. Благодаря этим функциям скот, соль, финики, какао-бобы и другие товары уступили роль денежного товара меди, железу, латуни и другим металлам, а те в свою очередь — серебру, потом золоту. «Низшие металлы раньше высших, — отмечал К. Маркс, — серебро раньше золота, медь раньше серебра — служили мерой стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона»³.

Появление серебра и золота в меновых отношениях ни в коей мере не означало, что благородные металлы сразу выступили как развитые деньги со всем набором присущих им функций. Они еще очень долго принимались в торговле по весу, в необработанном специально для обращения виде. Простой кусок серебра, который сегодня отдавался в обмен на муку, завтра мог пойти на изготовление украшений.

Дольше всего на положении денежного товара оставалось золото, которое вплоть до XIX в. служило чаще в качестве предмета потребления, чем в качестве денег. А в международных меновых отношениях золото так и не развилось дальше денежного товара. Как мировые деньги оно продолжало содержать в себе две потребительные стоимости: с одной стороны, участвовало в обмене как товар, с другой — как всеобщее средство обмена. «Только на мировом рынке, — отмечал К. Маркс, — деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем

непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto»⁴.

Мы обращаем внимание на данное обстоятельство, чтобы подчеркнуть, что денежный товар, хотя и находился в обращении, выполнял преимущественно две функции: меры стоимости и сокровища. Другие денежные функции выполнялись им эпизодически или же передавались знакам и символам.

Серебряная и золотая монеты как завершающая ступень формирования товара-денег. Для превращения денежного товара и, в частности, благородных металлов в действительные деньги необходимо не только обращаться самим, но и заставлять обращаться другие товары, т. е. выполнять функцию средства обращения. А это возможно не иначе, как с помощью специального орудия обращения. Функция средства обращения и выделила это орудие в форме монеты. «Из функции денег как средства обращения,—подчеркивал К. Маркс,—возникает их монетная форма»⁵. Благодаря чеканке, удостоверяющей определенное весовое количество денежного материала в монете, последняя оказалась весьма удобным средством обращения, так как исключала необходимость взвешивать деньги при каждой сделке — достаточно было их просто считать.

Форму развитых денег принимает лишь монета того металла, который выполняет в данное время роль денежного товара. В этой своей форме она следует эволюции денежного товара. Так, во времена древнего Рима, когда денежным товаром был скот, своеобразной монетой служили кожаные деньги. На Руси были известны «меховые деньги», в основном из меха куницы.

Примерно с IV—III вв. до н. э. в мире в качестве денежного товара стало утверждаться и служить серебро. С тех пор вплоть до XIX в. широкое распространение получила серебряная монета: римская серебряная монета, дирхемы арабские, динарии многочисленных светских и духовных правителей феодальной Европы, серебряный талер Западной Европы и Америки, доллар, песо, скудо, патагон, крона и др.

Повсеместное употребление серебряных монет не означало, однако, что не имели хождения медные и золотые монеты. Но медные монеты как представители уже вытесненного денежного товара были не более как

знаком или заместителем серебра, а золотые монеты выпускались в весьма незначительных количествах, часто употреблялись как украшения и не могли служить повсеместным средством обращения.

Вместе с тем сами серебряные монеты, хотя и занимали господствующее положение в меновых отношениях многих стран, не сразу стали развитыми деньгами. Пожалуй, до XVI в. они не могли отделиться от серебряного денежного товара. Причина этого была, во-первых, в том, что эти монеты, как и золотые их собратья, широко использовались не по назначению, а как обычные украшения. В древних кладах встречаются монеты со специальными отверстиями или следами ушек. Во-вторых, ввиду недостаточно развитого товарного производства и национальных рынков серебряные монеты после выпуска тотчас же «изгонялись» далеко за пределы своей страны. Если соединить на карте, например, места находок кладов арабских дирхемов с местами их чеканки, то десятки линий протянутся в сторону Средней Азии, Закавказья, Ирана, Афганистана, Месопотамии, средиземноморского побережья Африки и даже Испании.

В исторической литературе можно встретить утверждение, что в период обращения дирхемов на Руси их рассматривали в основном не как монеты, а как одну из форм измельченного серебра и что платежи серебром-монетой производились по весу. В ряде случаев в кладах вместе с дирхемами находили весы и гирьки, пользуясь которыми можно было отвешивать монеты-серебро. Поэтому для славян слово «сребро» долго было синонимом денег, подобно слову *l'argent* в современном французском языке.

Монеты тогда превращаются в развитые деньги, когда их потребительная стоимость сводится исключительно к тому, что они выполняют функцию орудия обращения и вне ее не находят себе применения. И если хотя бы использовать монеты иначе, то для этого требуется сначала избавиться от формы монеты, расплавить ее.

В XIX в. золотая монета, получив функцию орудия обращения, постепенно вытеснила серебряную монету, низведя ее во внутреннем обращении до положения своего заместителя. Золото стало действительными деньгами, превратившись в единство денежного товара

и монеты, т. е. в единство меры стоимости и средства обращения, что окончательно завершило формирование товара-денег.

Между тем данное единство, при котором золотая монета и золото в слитках различались, казалось бы, только чисто внешне, заключало в себе существенные различия и глубокие внутренние противоречия. Золото в слитках как денежный товар было всеобщим стоимостным эквивалентом. Золотая монета, т. е. «золото как средство обращения,— отмечал К. Маркс,— отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует»⁶. Золотая монета в процессе обращения стирается. Золото в слитках как денежный товар содержало в себе две потребительные стоимости: как конкретный товар и как средство обмена, золотая монета — только одну: средство обмена. Золото в слитках было определенным продуктом человеческого труда, а в золотой монете всякое воспоминание о происхождении денег от обыкновенного продукта уже исчезло. Чеканный золотой кружочек сам по себе не пригоден ни для чего другого, не годится ни для какого иного употребления, кроме как служить для обмена. Именно поэтому в предмете, который сам по себе не имеет смысла и назначения,— в золотой монете, как раз и получает свое наиболее чистое и наиболее законченное выражение общественный характер денег, характер их как всеобщего товара.

Завершение формирования товара-денег знаменовало собой в результате развития данных различий и противоречий начало их конца. Функционирование золотой монеты делало излишним существование золота как товара. Для золотой монеты уже не имело значения, сколько она содержит золота. Вследствие изнашивания и стирания она уже с первых своих шагов в обращении обозначала всегда больше металла, чем в действительности содержала. Золотая монета как бы ежесекундно, ежечасно и в массовом масштабе превращалась в знак золота, перерождаясь в заурядный символ действительных денег.

2. Символы товара-денег

«Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания,— отмечал К. Маркс,— отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами... Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости,— бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью»⁷.

Данное обстоятельство было замечено еще древними и средневековыми правителями, которые использовали его в своих интересах. В результате к стихийно возникающим символам денег (стертой золотой или серебряной монете, монете вытесненного денежного товара, например, меди и т. д.) начали сознательно добавлять испорченные монеты или же бумажные деньги — продукт уже государственной власти. Таким образом, хотя у самого денежного товара была слабо развита функция средства обращения, последняя не останавливалась в своем развитии, ее успешно выполняли монета и символы денег.

Проблема доверия. Как отмечалось, товаровладелец мог согласиться обменять свой товар на деньги (т. е. на потребительную стоимость, которая была ему не нужна, но благодаря которой он надеялся с помощью другого акта обмена приобрести необходимый ему товар) лишь в том случае, если получал за него стоимостной эквивалент. Если же ему вместо этого эквивалента предлагали неполноценную монету или другой знак, либо символ денег, не обладающие необходимой собственной стоимостью, он соглашался их принять только при условии гарантии того, что на них он все же получит стоимостной эквивалент в другом нужном ему товаре.

Какой бы мимолетной ни была роль денег в процессе товарных метаморфоз, товаровладелец не рисковал начать обмен без доверия к деньгам. Ему не было дела

до того, что эти монеты и символы по сути своей представляли всеобщий эквивалент, он их постоянно взвешивал до тех пор, пока не появилось на рынке третье лицо, облеченное доверием покупателя и продавца, которое метило отдельные куски денежного металла своим штампом, удостоверяющим, что они взвешены правильно, неподдельны и содержат точно определенное количество металла. Таким третьим лицом мог быть, например, уважаемый в данной округе коммерсант. Снабженные его штампом куски денежного металла, которые он пускал в обращение, принимались, конечно, без возражений только теми, кто его знал и ему доверял. Простампованные куски металла стали приниматься всеми и подолгу циркулировать без проверки, лишь когда их стала пускать в оборот длительно существующая и всеми признанная организация — государство. Последнее обладало не только требуемым доверием, но и необходимыми средствами принуждения наказывать всякую подделку простампованных им кусков металла.

Но если для обращения полноценных монет требовалось доверие, тем более оно нужно было символам товара-денег, бумажным деньгам. «Определенная, относительно лишенная стоимости вещь, например, кусочек кожи, бумажка и т. д., — отмечал К. Маркс, — становится первоначально в силу обычая знаком денежного материала, но утверждается в этой роли только тогда, когда бытие ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев, т. е. когда она приобретает обусловленное законом бытие и, поэтому, принудительный курс»⁸. Разница во времени между выпуском первых монет (Лидия, VII в. до н. э.) и первых бумажных денег (Китай, XII в. н. э.; Европа и Америка — XVII—XVIII вв.) показывает, какой путь прошло государство, чтобы оказаться способным обеспечить доверием и внедрить в обращение ничего не стоящие бумажки. В этом смысле можно сказать, что государство создает деньги.

Отсюда понятны истоки номиналистической теории денег. Подметив объективный момент в развитии денег, авторы этой теории затем его абсолютизировали и довели до абсурда. Еще средневековые мыслители утверждали, что металлическое содержание монет несущественно для их ценности и что государь своим штампом

и обозначением монет может дать деньгам ход и ценность. Наиболее полное развитие эта теория нашла у Кнаппа, который рассматривал деньги с формально-юридической точки зрения. Он считал, что значимость или сила каждого денежного знака устанавливается законами, указами и распоряжениями соответствующих властей и не зависит от того материала, из которого сделан денежный знак.

Наша критика денежнотворческой теории не означает полного отрицания роли государства в создании определенных денежных форм. Несомненно, что монета не могла появиться без государства. Тем более это относится к бумажным и еще в большей степени — к кредитным деньгам. Без понимания довольно важной роли государства в создании денег невозможно продвинуться и в объяснении денежных систем XX в., которые характеризуются полным уходом из обращения золота и серебра.

Главный недостаток теории номиналистов состоял не столько в утверждении, что государство создает деньги, сколько в том, что оно за счет этого якобы увеличивает богатство нации и создает материальные ценности. Номиналисты не способны были видеть в господствовавшем тогда товаре-деньгах единство двух элементов: денежного товара и монеты, благодаря которому и могли выполняться все их основные функции. Поэтому отрыв монеты, или символа денег, от денежного металла (приостановка свободной чеканки, введение неразменности на золото или серебро) всегда приводил в те времена к полному расстройству денежных систем и неизменно заставлял возвращаться к золотому или серебряному обращению.

Кроме того, хотя государство уже могло обеспечить достаточным доверием знаки или символы денег, чтобы пустить их в обращение, оно в силу ряда причин еще не способно было поддерживать это доверие путем регулирования меновых отношений. «Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями,— писал К. Маркс,— но этим механическим актом и прекращается его контроль. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги, подпадают под власть его имманентных законов»⁹. Доверие к монете обеспечива-

лось поэтому, кроме штампа, и количеством содержавшегося в ней материализованного богатства, т. е. серебра или золота, а доверие к бумажным деньгам — их разменом на денежный товар. Вот почему наилучшей формой товара-денег были полноценные монеты или разменные бумажные деньги: и те, и другие обладали двойным доверием.

Неразменные бумажные деньги. Для эпохи господства в меновых отношениях товара-денег неразменные бумажные деньги были не типичны. Они не обеспечивали стабильности денежных систем и вводились правительствами в исключительных случаях (войны, стихийные бедствия, общий упадок народного хозяйства и т. д.). В России, например, неразменные бумажные деньги вводились: в 1769 г. (война с Турцией), в 1812 г. (война с Наполеоном) и в 1853 г. (Крымская война). Во всех случаях это приводило к быстрому обесценению ассигнаций и расстройству денежной системы, что вынуждало вскоре предпринимать те или иные попытки к ее оздоровлению.

К. Маркс называл государственные бумажные деньги с принудительным курсом законченной формой знака стоимости. При неразменном обращении бумажные деньги — не только символ монеты, но еще и символ денежного товара, который как всеобщий стоимостной эквивалент уходил из меновых отношений, оставляя вместо себя лишь свидетельства на эквивалент, причем подписанные только государством. Это коренным образом меняет характер действия функции меры стоимости, поскольку бумажные деньги не несут в себе (конечно, не в абсолютном понимании) материализованных затрат труда. Та стоимость, которую бумажные деньги имеют, приобретает ими лишь в процессе обращения и мимолетна для них. «В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость,— отмечал К. Маркс,— бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются»¹⁰. Они отрываются здесь от золота и ведут независимое от него существование, самостоятельно выполняя функции товара-денег.

Другой особенностью неразменных бумажных денег является то, что, раз попав в обращение, они не могут быть больше выброшены из него. Поэтому уже не сумма товарных цен определяет количество денег в обраще-

ний, а количество денег в обращении определяет уровень товарных цен. «В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается вместе с повышением или падением товарных цен,— писал К. Маркс,— товарные цены повышаются или падают, по-видимому, в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении»¹¹. Но неразменные бумажные деньги для того и вводятся государством, чтобы можно было злоупотреблять правом эмиссии. Поэтому законом их обращения является постоянное несоответствие количества средств обращения потребностям в них товарооборота и платежей.

Однако, несмотря на существенное отличие неразменных бумажных денег от товара-денег, первые — все же символы последних, а не самостоятельная форма денег. Во-первых, неразменные бумажные деньги появляются непосредственно из металлического обращения и металлическим же обращением заменяются, когда денежная система снова стабилизируется. Во-вторых, их основной функцией остается функция быть средством обращения товаров, а не капитала, что присуще кредитным деньгам.

3. Кредитные деньги

Непосредственная форма товарного обращения есть $T — Д — T$, т. е. превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар. Товары для своего обращения здесь выделяют из своей среды специфический товар, который наделяется денежными функциями. На ступени капиталистического производства, когда повсеместным становится не обращение товара, а обращение капитала, последний также выделяет из своей среды часть капитала, которой придаются денежные функции. Формула движения таких денег совпадает поэтому с формулой движения капитала и выглядит как $Д — T — Д'$, т. е. превращение денег в товар и обратно выступает как превращение денежного капитала в товарный, как купля ради продажи.

При простом товарном производстве, к которому относится формула $T — Д — T$, обращение отделено от про-

изводства, и товары находят общественное признание лишь благодаря их превращению в деньги, которые в данном случае должны быть воплощением абстрактного человеческого труда, принявшего форму общественно необходимого. Деньги обслуживают общественную связь между покупателем и продавцом. Поэтому те самостоятельные денежные формы, которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, лишь опосредствуют обмен товаров и исчезают в конечном результате движения товаров.

При капиталистическом производстве, которое характеризуется формулой $D—T—D'$, обращение — лишь один из моментов производства, переходная фаза производства, что и записывается более полно формулой $D—T...P...T'—D'$. Товару в данном случае нет необходимости получать общественное признание только через деньги. Он находит его в самом процессе производства, выступая как капитал, который сам является общественным отношением. Деньги выражают здесь общественную связь, которая уже сложилась прежде чем они начали функционировать. Те денежные формы, которые стоимость товара принимает в этом обращении, — не результат отделения ее от потребительной стоимости, как при $T—D—T$, а переход одной формы самодвижущейся, саморазвивающейся стоимости в другую ее форму. Деньги играют здесь роль лишь одной из форм стоимости, потому что их здесь две. «В обращении $D—T—D$, — подчеркивает К. Маркс, — и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости... Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект. Если фиксировать отдельные формы проявления, которые возрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получают такие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар»¹².

При капиталистическом производстве доминирует форма $D—T—D'$, ибо его конечной целью является не обмен потребительными стоимостями, а получение прибавочной стоимости. Поскольку основным объектом меновых отношений при капитализме становится не товар как таковой, а товарный капитал, то функцию денег

выполняет не денежный товар, а денежный капитал. Не деньги выступают в форме денежного капитала, а денежный капитал в форме денег. Именно вследствие этого имеет место не перенос функций товара-денег на денежный капитал, а приобретение последним своих собственных функций.

Прежде всего здесь налицо полный отрыв денег от какой-либо материализованной субстанции. Если при акте купли и продажи в формуле $T - D - T$ стоимость товара в виде денег всегда остается в руках продавца, хотя сам товар переходит к покупателю, то в случае $D - T - D'$ стоимость, наоборот, уступается, с тем чтобы вернуться назад в ином, уже возросшем, количестве. На руки к капиталисту переходит не более как свидетельство на получение стоимости (в виде товара торговому капиталисту или бумажного документа — ссудному капиталисту). Сумма стоимости отдается без эквивалента, чтобы возвратиться по истечении известного времени. Наиболее отчетливо это видно на примере ссудного капитала. Ссужающий капиталист отдает свой капитал промышленному капиталисту, не получая никакого стоимостного эквивалента, кроме расписки в виде долгового обязательства или иного платежного титула.

В случае с промышленным капиталистом данное обстоятельство завуалировано тем, что, отдавая деньги, он получает товар. Здесь внешне как бы сохраняется принцип простого товарного обращения: происходит метаморфоза, и собственность на товар уступается покупателю. Но это лишь чисто внешнее обманчивое впечатление.

Промышленный капиталист отдает не деньги, а денежный капитал, и получает взамен не товар, а товарный капитал (для упрощения мы здесь пренебрегаем предметами потребления, также получаемыми капиталистами, так как их доля по сравнению с долей товарного капитала относительно невелика), вследствие чего имеет место не метаморфоза товара, а метаморфоза капитала. Поэтому для промышленного капиталиста, приобретшего товарный капитал, важна не стоимость этого товара и не его потребительная стоимость как того или иного конкретного товара, а его потребительная стоимость как капитала.

Стоимость денежного капитала и товарного капитала определяется не их стоимостью как денег или товара, а тем количеством прибавочной стоимости, которую они производят для своего владельца. Поэтому для промышленного капиталиста полученный им в обмене товар является не эквивалентом, а свидетельством того, что по истечении известного времени, когда этот товар пойдет в производство, можно будет получить возросшую стоимость. В данном случае капиталиста не интересует эквивалент, ибо это означало бы перерождение капиталистического производства в простое товарное производство.

Формулу $D - T \dots P \dots T' - D'$ (промышленного капитала), так же как и формулу $D - T - D'$ (торгового капитала), нельзя разрывать, полагая, что одна их часть подчиняется одним законам, а другая — другим, т. е. имеет место как эквивалентный, так и неэквивалентный обмен. Эти формулы действительны лишь в своей целостности, коль скоро каждая из них отражает только один тип производственных отношений.

Конечно, определенная аналогия с формой товарного обращения здесь имеется. Например, денежный капитал также обладает двумя потребительными стоимостями: одной как деньги, а другой — как капитал. Но если у денежного товара его потребительная стоимость как товара выражалась лишь в одном конкретном товаре (золоте или серебре), то у денежного капитала его потребительная стоимость как ~~денег~~^{капитала} выражается во всех участвующих в производстве товарах. Далее, если потребительная стоимость денежного товара как денег заключается в его способности служить средством обмена, то потребительная стоимость денежного капитала как денег состоит в его способности постоянно приносить прибыль.

С другой стороны, как денежный товар, так и денежный капитал выполняют функции меры стоимости и аккумуляции вещественного богатства. Однако если денежный товар выполняет функцию меры стоимости через единичную форму стоимости, то денежный капитал — через развернутую форму стоимости. Точно так же, если денежный товар осуществляет аккумуляцию вещественного богатства с помощью функции сокровища, то денежный капитал — с помощью функции накопления.

Наконец, так же как превращение денежного товара в действительные деньги увязывалось с необходимостью выполнения им функции обращения, так и денежный капитал, чтобы стать действительными деньгами, должен был начать выполнять эту функцию. А это могло произойти не иначе, как через появление специального орудия обращения. Если при простом товарном обращении это была полноценная монета, то при капитализме — кредитные деньги.

Как видим, при внешней аналогичности явления налицо существенные и принципиальные различия. В обращении $T — Д — T$ деньги в конце концов превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, деньги затрачиваются окончательно. Напротив, сама формула $Д — T...П...T' — Д'$ выражает, по словам К. Маркса, то, «что деньги не расходуются здесь как деньги, а лишь авансируются, и потому являются лишь денежной формой капитала, денежным капиталом. Эта формула, далее, выражает, что не потребительная стоимость, а меновая стоимость есть самоцель, определяющая движение»¹³. Именно поэтому кредитные деньги имеют совершенно отличные от товара-денег характеристики и подчиняются совершенно иным законам.

Как будет показано в дальнейшем, кредитные деньги наилучшим образом отвечают требованиям денежного капитала. Поэтому в период становления капитализма (последняя треть XVII и начало XVIII в.), когда появились первые признаки демонетизации благородных металлов, возникли иллюзии насчет чудотворного влияния кредита. Это было время повсеместного учреждения банков и ожесточенной борьбы представителей старой и новой формаций не только в сфере производства, но и в сфере денежного обращения.

Касаясь Англии тех лет, К. Маркс писал: «Шотландец Уильям Патерсон, основатель Английского и Шотландского банков, имеет несомненное право на титул Ло Первый...»¹⁴ Далее Маркс цитирует английских исследователей Т. Б. Маколея и Дж. Фрэнсиса, авторов сочинений о банковском деле: «Против Английского банка «все золотых дел мастера» и закладчики подняли яростный вой»... «В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями;

сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... «золотых дел мастера» (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банковского дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника»¹⁵.

Эволюция кредитных денег. Кредитные деньги развились на базе кредита, органически связанного с капиталистическим способом производства. Можно сказать, что без кредита не было бы капитализма, хотя в то же время и кредит не мог полностью развиваться при докапиталистическом способе производства. Однако при коренном отличии сущности и функций кредита при капитализме и в докапиталистическую эпоху современные формы кредита ведут свое начало от докапиталистических форм. То же самое можно сказать и о кредитных деньгах.

Зародыши первых кредитных денег в форме платежных обязательств появились еще в древнем Риме. Это обуславливалось функцией денег как платежного средства. Дело в том, что обращение $T — Д — T$ содержит в себе возможность разрыва акта $T — Д$ или акта $Д — T$. Это может произойти, например, оттого, что производство различных товаров связано с различными временами года, что один товар находится в непосредственной близости к рынку, а другой еще должен быть доставлен на рынок, что один товаровладелец продает наличный товар, а другой выступает как представитель будущих денег, и т. д. В докапиталистическом мире такого рода разрыв определялся еще и политическими факторами, борьбой между должником и кредитором. Так, неуплата налога в установленный срок зачастую влекла за собой закрепощение должника. В римских провинциях сборы, которые вымогали проконсулы и пропреторы, являлись крупнейшим фактором развития платежных связей. Однако во всех случаях сами платежи там производились металлическими деньгами или их представителями, а кредитные или платежные обязательства обычно оставались на руках у кредитора до наступления срока платежа и не были кредитными средствами обращения, то есть кредитными деньгами.

То же самое характерно и для первой формы кредитных денег — векселя, появление которого обусловливалось торговым капиталом. Еще в Риме и Греции меняла одной страны выдавал путешественнику платежное требование или вексель на менялу другой страны. Но и такой вексель являлся не более как зародышем кредитных денег. Торговый капитал мог обслуживаться тогда только товаром-деньгами, так как он был относительно редкой и почти единственной формой капитала в мире господствовавшего повсюду простого товарного производства и обращения. «Так как торговый капитал,— отмечал К. Маркс, касаясь этой древнейшей свободной формы существования капитала,— не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы опосредствовать обмен товаров, то,— если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли,— для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения»¹⁶.

Действительные кредитные деньги возникают тогда, когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно другую, чем раньше, измененную и специфическую форму. Они вырастают не из обращения, как товар-деньги в докапиталистической формации, а из производства, из кругооборота капитала.

Будучи представителями денежного капитала, кредитные деньги отражают в обмене: 1) неравенство стоимостей, возникающее из движения $D - T - D'$, когда капиталист бросает деньги в обращение с намерением вновь овладеть ими, уже в большем объеме; 2) всеобщее авансирование, включая систему оплаты рабочей силы, поскольку при капитализме всякий труд оплачивается по его окончании; 3) не застывшую стоимость, которая может быть выражена через товар-деньги, а движущуюся, функционирующую, изменяющуюся стоимость промышленного капитала, что возможно лишь благодаря тому, что кредитные деньги сами не несут в себе материализованной стоимости.

Хотя кредитные деньги, как и символы товара-денег, не имеют собственной стоимости, а приобретают ее в форме меновой стоимости, однако это происходит не только в процессе обращения, как, например, у бумаж-

ных денег, но и с помощью юридических норм. Любая сделка с кредитными деньгами выступает как юридическая то ли в форме договорных обязательств, то ли в форме обоснованного доверия кредитора к должнику, но всегда подкрепляемого силой закона. Они теряют всякую стоимость не только когда выпадают из обращения, как в случае с бумажными деньгами, но и в случае невозможности экономического принуждения к должнику (его банкротства, полной материальной несостоятельности и т. д.), или когда они оказываются без поддержки закона (например, выписка векселя не по форме и т. п.). Потребительная стоимость кредитных денег заключается в их способности быть формой проявления капитала.

Современные виды кредитных денег складываются в начальный период промышленного капитализма, когда под влиянием требований первоначального накопления капитала промышленники все чаще предоставляют друг другу кредит, расширяя тем самым возможности своего производства. Действительно, если можно купить средства производства или сырье без денег, выписав продавцу товара вексель, то это равносильно наличию дополнительного капитала. Если же «А» не просто дает кредит «В», но и сам пользуется кредитом у «С» и уплачивает «С» векселем «В», и если же и «С» получает кредит у «В», который затем погашает векселем последнего, то здесь совершается акт купли-продажи без всякого вмешательства наличных денег. Вексель «В» сам выполняет функцию средства обращения и заменяет собой деньги. Вексель тем лучше выполняет роль средства обращения, чем большим доверием обладает. Основное здесь — гарантия платежа, причем в большинстве случаев только благодаря такой гарантии купцы и промышленники и соглашались продавать свой товар в кредит. При этом гарантия важна не сама по себе, но как форма создания кредитных средств обращения.

Вексель с одной подписью малоизвестного коммерсанта имеет ничтожную способность к обращению. Но если «А» передает вексель торговца «В» коммерсанту «С» и ставит на нем передаточную надпись (жиро), то он повышает способность этого векселя к обращению, так как берет на себя наряду с «В» ответственность за платеж по нему. Поэтому всякое новое жиро на векселе

увеличивает его циркулярную силу. Максимальной силой такого рода обладали те векселя, на которых уже не оставалось места для жиро и к которым приходилось приклеивать бумажные полосы — место для новых жироантов.

Тем не менее эти векселя продолжали иметь ограниченное обращение, поскольку предполагалось, что лицо, принимающее вексель, знает о платежеспособности жироантов. Однако никакая система информации не могла обеспечить получение таких сведений в рамках более или менее обширного района, а тем более страны или мирового капиталистического хозяйства.

Проблему решил банковский акцепт. Появление на векселе банковской подписи внесло принципиально новый момент в вопрос о платежеспособности по векселю, ибо он приобретал нечто большее, чем просто сумму частных гарантий. Акцептованный крупным банком вексель получал денежно-платежную гарантию со стороны общественного института, поскольку банк в своих кредитных операциях целиком и полностью является общественной организацией более или менее широких капиталистических кругов. В свое время советский экономист З. В. Атлас писал, что «акцептование векселя в местном банке, его дисконтирование в крупном депозитном банке и, наконец, переучет векселя в центральном эмиссионном банке, все это и есть процесс становления векселя как средства обращения»¹⁷. Но и после этого вексель остается низшей формой кредитных денег. Во-первых, его нельзя раздробить. Допустим, «В» продал товар «А» на 10 000 долл. и получил от него вексель на 10 000 долл. В то же время «А» необходимо закупить оборудование у «С» на 5000 долл., сырье у «Д» на 3000 долл., заплатить 1000 долл. за аренду и столько же рабочим в виде заработной платы. Полученным же векселем он может уплатить только в одни руки и только всю сумму 10 000 долл. Возникает противоречие между данной формой кредитных денег и ее функциональным назначением как средства обращения. Во-вторых, векселя выполняют платежные функции лишь в той части, в какой взаимно компенсируются. Возникновение разницы должно уравниваться наличными деньгами.

Появившиеся противоречия разрешились переходом к высшей форме кредитных денег — банкноте.

Банкнота — это вексель банка. Первоначально она и внешне мало отличалась от обычного векселя: по образцу векселей на ней проставлялись круглые суммы, она не всегда выпускалась на предъявителя или была бессрочной. Свою родословную банкнота ведет с докапиталистической эпохи, когда банки еще не выполняли специфически кредитных функций, а служили лишь расчетными центрами. Таким чисто расчетным банком был, например, Амстердамский банк (учрежденный в 1609 г.). Он принимал вклады на хранение по весу металлических монет и выпускал банкноты, которые были простыми свидетельствами о наличии вкладов. Вследствие государственно-феодальной раздробленности, приводившей к существованию множества денежных систем, широкое распространение получили подделка монет самими феодалами, а также порча монет в обращении. В результате такие банкноты довольно быстро распространились в качестве средства обращения, поскольку заемщики предпочитали их металлической наличности.

Все банкноты имели полное металлическое покрытие (такowymi были, например, в Англии «билеты золотых дел мастеров» — *goldsmith notes*), писались от руки, и платеж по ним мог производиться частями. Постепенно банкноты приняли более современный вид и стали не именными свидетельствами на вклад, а безличными обязательствами банкиров к уплате данной суммы в металле всякому, предъявившему свидетельство к размену.

Коренное изменение роли банкноты по существу произошло тогда, когда банки стали выпускать их под коммерческие векселя промышленных и торговых капиталистов. Вместо того чтобы акцептовать эти векселя и тем самым брать на себя солидарную ответственность по платежу, банки начали покупать их, а взамен выпускать свои собственные. Банкир как бы сам превращается в лицо, оказывающее кредит и единолично отвечающее по своим векселям. В виде банкноты кредитные деньги приобретают всеобщую значимость, которая зависит теперь от общественного положения банка-эмитента.

С образованием буржуазных государств правительства начинают предпринимать меры по ограждению экономики страны от злоупотреблений банкиров эмиссионным правом. Частные банки и банкиры постепенно ли-

шаются эмиссионно-банкнотных функций, последние становятся привилегией либо государственных банков, либо одного или нескольких частных банков, находящихся в тесной связи с правительством. Анализируя последствия такого рода событий, З. В. Атлас справедливо отмечал, что ликвидация частных эмиссионных банков и превращение их в централизованные, общественные и опирающиеся на правительственную власть эмиссионные банки привела к принципиальным, качественным различиям между первичной формой кредитных денег (векселем) и его развитой формой (банкнотой). «Как развитие формы стоимости приводит к превращению товара в деньги-всеобщий товар, — писал он, — так и развитие формы векселя приводит к превращению частных кредитных денег во всеобщее средство обращения и платежа. По своей платежной и покупательной силе банкнота становится равноценной действительным деньгам»¹⁸.

Банкнота центрального эмиссионного банка ликвидирует главные недостатки векселя. Поскольку она выпускается учреждением, выступающим от имени правительства, ее надежность как векселя гарантируется экономической и политической мощью государства. Это повышает ее циркулярную способность до уровня средства обращения национального масштаба, благодаря чему она имеет законную платежную силу на всей территории страны. Как средство обращения банкнота обладает значительными техническими преимуществами по сравнению с векселем: она дробима, бессрочна, выпускается на предъявителя. Она служит средством платежа во всех случаях, а не только когда платежи взаимно уравниваются. В результате отпадает необходимость в металлических деньгах для сальдирования расчетов.

Все перечисленное внешне приравнивает банкноту к государственным бумажным деньгам. По сути же дела она остается формой кредитных денег, особенность которых в том, что они непосредственно представляют товары.

Как известно, вексель выписывается на основании того, что один капиталист дает в кредит товары другому капиталисту. Вексель, таким образом, гарантируется товарной сделкой частного капиталиста. В свою очередь банкнота основывается на обращении векселей. Ее вы-

пуск ограничен количеством дисконтированных векселей, число которых ограничивается количеством совершенных меновых актов. Банкнота гарантируется этими векселями, а через них — товарными сделками всех частных капиталистов, которые являются клиентами банка. Банкнота же центрального банка обеспечена, кроме того, общественно необходимым минимумом товарного обращения нации.

Одним из первых буржуазных экономистов, обративших внимание на непосредственную связь кредитных денег с товарами, был Ф. Бендиксен. Будучи учеником Кнаппа, он тем не менее оказался более прозорливым, чем его учитель. Все еще употребляя для характеристики банкнот термин «создание» денег, Бендиксен в то же время строго ограничил сферу этого «создания» функцией обращения уже произведенных, имеющихся у общества в наличии и реализуемых ценностей. «Только проданные товары могут служить базисом для создания денег»¹⁹, — писал он. Векселя как раз и являются свидетельством уже совершенной продажи.

Это обстоятельство еще не могли понять ни Рикардо, ни Р. Пиль, ни Оверстон. Очевидно, частично это объясняется тем, что в то время банкноты еще выпускались расчетными банками и «золотых дел мастерами» в качестве свидетельства на вклады в металлической монете. Не принимая во внимание то, что последующая банкнотная эмиссия стала базироваться на ином принципе, т. е. на совершившейся уже в процессе коммерческого кредита вексельной эмиссии, сторонники «денежной школы», которая существовала в Англии в середине XIX в., в соответствии с учением Рикардо пришли к выводу о необходимости полного золотого покрытия банкнот, и актом Пилля на практике было проведено ограничение банкнотной эмиссии золотой наличностью. Как отмечал Ф. Энгельс в примечаниях третьего тома «Капитала», Р. Пиль вновь вернул капиталистическое общество к тому противоречию производства и обращения, которое и была призвана разрешить банкнотная эмиссия. В итоге этот акт, «вместо того чтобы устранять кризисы... их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковский акт»²⁰. Поэтому действие акта Пилля периодически приостанавливалось (например, в 1847, 1857, 1866 гг.), а с началом

первой мировой войны и после нее этот акт превратился фактически в формальность.

Вернемся, однако, к эволюции кредитных денег. Поскольку вексель выполняет платежные функции, когда имеет место сальдирование взаимных требований, то его нормальное обращение возможно до тех пор, пока кредит непоколеблен. В условиях же кризиса, когда товары обесцениваются или не находят сбыта, кредитная цепочка разрывается. Владелец средств производства, рассчитывавший продать свою машину, чтобы оплатить полученным от такой сделки векселем другой вексель, который он сам ранее выдал, приобретая чугунные и стальные заготовки, уже не может этого сделать. И здесь проявляются преимущества банкноты. Будучи результатом не частной сделки, а общественного акта, она и в условиях кризиса продолжает оставаться средством платежа, приемлемым для всех, замещая собой вексель. В результате кругооборот денежного капитала не прекращается совсем, а лишь меняет форму.

Анализируя первые денежные кризисы и акт Пиля, Ф. Энгельс отмечал: «Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуском имевшегося старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, был приостановлен кризис и тем самым было доказано, что даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно: ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом...»²¹

Сокращение вексельного обращения и замещение его банкнотой (вследствие ли кредитных кризисов или же по причинам собственных недостатков векселя как низшей формы кредитных денег) не привело к повсеместному превращению кредитно-денежных систем в банкнотно-денежные. Дело в том, что банкнота, хотя и является высшей формой кредитных денег, тем не менее имеет ряд недостатков с точки зрения капиталистического производства. Во-первых, она выпускается под уже совершенные сделки купли-продажи, будучи наличными деньгами товарного обращения в статике (т. е. на какой-то отрезок времени), а не в динамике (т. е. без учета ближайшего увеличения или сокращения производ-

ства). Во-вторых, оказавшись в руках буржуазного государства, она то и дело подвергается злоупотреблениям с его стороны (т. е. эмитируется сверх потребностей кругооборота капитала), что создает угрозу для ее превращения в бумажные деньги.

Капиталистическое производство стремится выработать такую систему обращения, которая бы гибко следовала за ним, с тем чтобы по возможности сохранить единство движения товарного и денежного капиталов. Банкнота, следовательно, должна была дополняться такими кредитными инструментами, которые сохранили бы гибкость векселя, но были свободны от его недостатков. Развитие банков, рост монополий, сращивание промышленного и банковского капиталов привели к почти полной концентрации платежных расчетов в банках, что и разрешило в некотором смысле данное противоречие.

Трансформация форм кредитной эмиссии выражалась, в частности, в том, что вместо покупки векселя за банкноты банки стали открывать кредиты по своим счетам, причем должник банка становился его вкладчиком. Последний расплачивался с кредиторами чеками на банк, а получатель этих чеков платил ими банкиру, который обменивал их в расчетной плате на чеки, выданные на него. Кредит для капиталовложений стал обслуживаться с помощью так называемых контокоррентных операций, которые позволяли должнику — владельцу контокоррентного счета в банке располагать кредитом в условленной сумме целиком или частями и соответственно во всякое время производить обратные платежи. «Банки, заменяя неизвестный кредит своим собственным, более известным, повышают способность кредитных денег функционировать в сфере обращения, — писал Р. Гильфердинг, — тем самым они делают возможным взаимное погашение требований платежа: пространственно — в более обширной области, и во времени на более значительном его протяжении, умножая таким образом возможности компенсации»²². Когда платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально, как расчетные деньги или мера стоимости.

Чеки и расчетные деньги вначале наибольшее распространение получили там, где существовали более строгие ограничения частной банкнотной эмиссии и где банки своей депозитно-чековой или жироэмиссией запол-

няли недостаток капиталистического общества в средствах обращения. Что касается векселя, в том числе его акцептной формы, то он сохранялся главным образом в отношениях между мелкими фирмами и банками и имел ведущее положение в международном обороте.

Постепенно чеки и расчетные деньги оттеснили на второй план банкнотную форму. Ею уже обслуживается более мелкий оборот, осуществляются платежи рабочим и служащим, а также межбанковское сальдирование жи-рооборота. Анализируя денежное обращение Англии середины XIX в., К. Маркс отмечал: «...за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась... Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1 000 ф. ст.) упала... Это объясняется следующим образом:

„8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Расчетной палаты акционерные банки, и вскоре после этого Английский банк стал производить окончательные безналичные расчеты. Ежедневные расчеты совершаются теперь путем переводов на счета, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты крупных купюр, которыми раньше банки пользовались для взаимного погашения счетов“»²³.

В дальнейшем такая тенденция сохранилась, и в конце XIX — начале XX в. чеками и расчетными деньгами обслуживалось 98% всего коммерческого оборота в Англии, 95% — в США и около 85% — в Германии.

В целом эволюция кредитных денег развивалась следующим образом: вексель — акцептованный вексель — банкнота — чеки и расчетные деньги. Причем если вексель имел наибольшее распространение при капитализме частных, независимых предприятий, то акцептованный вексель — при капитализме акционерных компаний, а банкнота, чеки и расчетные деньги получили наибольшее развитие в условиях монополистического и государственно-монополистического капитализма.

Роль банков. Если металлические деньги не нуждаются в специальном институте, который обеспечивал бы их функционирование, то кредитным деньгам такой ин-

ститут необходим. Этим институтом являются банки. Даже из одного анализа эволюции кредитных денег видно, какую огромную роль они играли в этом процессе. Без банков не было бы кредитных денег или по крайней мере они не развились бы дальше своей низшей формы — обычного векселя. Будучи знаками стоимости, кредитные деньги не могли бы осуществлять общественную связь между продавцами и покупателями, обслуживать кругооборот капитала и быть представителями всеобщего богатства, если бы за ними не стояли такие важнейшие институты общенационального масштаба, как банки.

В целом роль банков в эволюции кредитных денег сводится к двум моментам: приданию банкноте статуса законного платежного средства и развитию депозитно-эмиссионной практики. В отличие от золота кредитные деньги, как уже отмечалось, не содержат в себе материализованного богатства, они лишь являются свидетельством на получение такового. Поэтому при расчетах между покупателем и продавцом или между заемщиком и кредитором одна из сторон может отказаться от принятия таких денег. Однако, когда, например, банкноте законом придается сила обязательного платежного средства, никто уже не сможет отказаться от ее принятия. Можно отказаться от чека, почтового перевода, но не от банкноты центрального банка. Несколько иное положение с разменной монетой. Она служит законным платежным средством только до определенной суммы, например, 50-пенсовые монеты — до 10 ф. ст., другие монеты — до 5 ф. ст.

Что касается денежно-эмиссионной практики, то здесь банки прежде всего осуществляют концентрацию денежного капитала. Как только банки начинают платить проценты по вкладам, в них стекаются денежные сбережения и незанятые деньги всех классов и слоев населения. Мелкие суммы, сами по себе неспособные функционировать в качестве денежного капитала, объединяются в крупные суммы и таким образом формируют экономическую силу. Происходит накопление денежного капитала, часть которого, т. е. незанятый денежный капитал, и выполняет функцию денег. Это, по словам К. Маркса, капитал, «авансированный» на выполнение функций денег ²⁴.

Банки, однако, не просто аккумулируют незанятый денежный капитал. Они также непосредственно осуществляют превращение денежного капитала в кредитные деньги и кредитных денег обратно в денежный капитал. Банковские депозиты, будучи важнейшей составной частью денежной массы, представляют в то же время элемент накопленного фонда денежного капитала. Стоимость капитала на стадии обращения существует лишь в двух формах: денежного капитала и товарного капитала, при этом последний всегда является одновременно и денежным капиталом, определенной суммой стоимости, выраженной в цене товара. Поэтому когда капиталист выписывает вексель, он тем самым не более как идентифицирует денежный капитал на бумаге. Когда же банк акцептует данный вексель, он делает его способным к обращению, иначе говоря, превращает денежный капитал в деньги. То же происходит при учете векселей и выпуске под них банкнот, при выдаче банком чековой книжки и т. д. Обратный процесс наблюдается, например, при открытии в банке депозитных счетов.

Банки связывают все формы кредитных денег (вексель, акцептованный вексель, банкноту, чек, расчетные деньги) в единую цепочку. Так, «А», покупая товар у «В», расплачивается собственным векселем на банк «Е». Далее «В» акцептует этот вексель у банка «Е» и затем, учтя его в банке «К», получает текущий счет, т. е. право выписывать чек. Наконец, банк «К» переучитывает или получает онкольную ссуду под данный вексель у центрального банка. Такая ссуда может быть выдана в банкнотах из эмиссионного фонда, если центральный банк в данный момент располагает на это правом, если же нет, то центральный банк эмитирует не банкноты, а жиро-счета.

Через банки осуществляется балансирование долговых требований и регулирование всего денежного обращения, т. е. не только банкнот, но и других форм кредитных денег. Хотя такое регулирование при капитализме не может быть идеальным (о чем еще будет идти речь), оно тем не менее довольно значительно и позволяет оказывать влияние даже на ход капиталистического цикла.

Кроме предоставления ссуды денег и их получения банки производят также выдачу ссуды капитала и его

мобилизацию с помощью займов. Образующий с помощью кредита денежный капитал функционирует уже не как средство обращения, а как капитал, приносящий проценты. В данном случае отчуждается потребительная стоимость, которую кредитные деньги имеют благодаря своей способности превращаться в форму проявления капитала. Поэтому при обращении они не только сохраняют первоначальную величину стоимости, но и реализуют в результате своего движения определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль.

Банки осуществляют здесь управление капиталом, приносящим проценты, или денежным капиталом. Уплата денег, прием их, ведение счетов, хранение резерва покупательных средств, резерва средств платежа, незанятого капитала в денежной форме, сальдирование балансов, т. е. все то, что необходимо для регулирования денежного обращения и управления капиталом, также обеспечивается банками в виде технических операций, требующих особого труда и особых издержек — издержек обращения. «Разделение труда, — отмечал К. Маркс, — приводит к тому, что эти технические операции, обусловливаемые функциями капитала, выполняются, насколько возможно, для всего класса капиталистов особым подразделением агентов или капиталистов как их исключительные функции или сосредоточиваются в их руках»²⁵.

4. Квизикредитные деньги

Превращение векселя в действительные деньги — лишь одна ветвь эволюции кредитных денег. Другая ее ветвь — развитие векселя в акции и облигации, обозначаемые нами как квазикредитные деньги. Помимо титула собственности, акция есть не что иное, как своеобразный вексель, удостоверяющий, что акционер внес в капитал данной компании определенную сумму, которую он вправе затребовать обратно по выходе из компании. За такого рода кредит акционер получает вознаграждение в виде дивиденда. Еще больше похожа на вексель облигация. Как и вексель, она является обязательством платежа и включает выплату фиксированного процента, начисляемого на срок ее действия. Однако если вексель

представляет собой краткосрочное платежное обязательство, то облигация — долгосрочное, а акция — бессрочное обязательство платежа. Общность акций и облигаций с кредитными деньгами состоит также в том, что они выполняют ряд денежных функций: функцию накопления, функцию перераспределения прибавочной стоимости, функцию обращения капитала. Тем не менее они могут быть отнесены лишь к квазиденьгам (якобы деньгам), точнее — квазикредитным деньгам.

Кредитные и квазикредитные деньги соответствуют двум формам денежного капитала — денежного капитала как денег и денежного капитала как капитала, приносящего проценты, т. е. фиктивного капитала. Квазикредитные деньги, таким образом, есть форма проявления фиктивного капитала, имеющего ту же, что и у ссудного капитала, форму движения $D—D'$.

Образование фиктивного капитала связано с капитализацией. «Форма капитала, приносящего проценты, — писал К. Маркс, — приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого денежный доход возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — представляется именно основной суммой (*principal*), в противоположность возможному или действительному проценту, который она может приносить»²⁶.

Особенности фиктивного капитала, который квазикредитные деньги представляют, придали последним по крайней мере две отличающие их от кредитных денег черты: 1) они могут представлять не только действительный, но и потребленный денежный капитал, а также еще не созданный, ожидаемый; 2) квазикредитные деньги имеют три цены: номинальную, определяемую величиной вложенного действительного капитала, курсовую, определяемую стоимостью фиктивного капитала, и спекулятивную, приобретаемую ими в процессе обращения под влиянием спроса и предложения.

Различие и сходство кредитных и квазикредитных денег составляют основу того противоречия, благодаря

которому квазикредитные деньги не могут слиться воедино с кредитными деньгами. Их индивидуальность остается, хотя они постоянно переходят друг в друга, зачастую выполняя одни и те же денежные функции. Наиболее ярким примером такого перехода могут служить сертификаты на депозиты, получившие в последнее время очень широкое распространение. Эти сертификаты выпускаются под долгосрочные депозиты и обращаются на вторичном рынке как обычные ценные бумаги. Особенно сильно затушевывается различие между кредитными и квазикредитными деньгами, когда первые также становятся формой проявления фиктивного капитала. Так, ссылаясь на английскую буржуазную газету — орган сторонников свободной торговли «Манчестер гардиан» («Манчестерский страж») от 24 ноября 1847 г., К. Маркс указывает на практику ост-индской торговли, «где векселя выписывались не столько потому, что был куплен товар, сколько покупали товар с тем, чтобы иметь возможность выписать вексель, который можно было бы учесть, превратить в деньги...»²⁷ Такого рода мошеннические манипуляции с векселями давали возможность по несколько раз получать денежные ссуды под один и тот же товар (сначала по векселю, затем под дубликат накладной на 6 месяцев), так что ссуда денег фактически превратилась в ссуду капитала, причем ссужался, конечно, не действительный, а фиктивный капитал.

Аналогичные явления происходят, когда банки создают кредит и капитал путем выпуска банкнот без товарного покрытия, выдачи платежных приказов при корреспондентских отношениях, уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых создается передаточной надписью банка. Выпуская банкноты без покрытия, банк «создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал дает Банку добавочную прибыль...»²⁸

Такая банкнота не только приобретает меновую стоимость в результате и в процессе обращения. Она получает также капитализированную стоимость, поскольку любая сумма проставленных на ней знаков,

коль скоро эта сумма гарантирована банком, хотя и выпущена без соответствующего товарного покрытия, всегда выступает и как капитал, а потому претендует на среднюю прибыль так же, как и любой другой капитал.

Как уже отмечалось, квазикредитные деньги имеют три цены: номинальную, курсовую и спекулятивную. Рассмотрим их по порядку.

Сумма дивидендов или процентов, подлежащая уплате владельцам акций и облигаций, всегда начисляется, исходя из номинальной цены акций и облигаций. Например, владелец облигаций 4-процентного военного займа на 100 долл. будет получать ежегодно 1 июня и 1 декабря по 2 долл. в качестве процентов. Аналогично держатель 100 обыкновенных акций фирмы «Дженерал моторз» нарицательной стоимостью в 1 долл. каждая, по которым объявлен дивиденд в 10%, получит дивиденд в сумме 10 долл. Данные суммы тотчас же капитализируются в зависимости от уровня процента. Если последний равен 2%, то курс 100 долл. облигаций поднимется до 200 долл., а акций фирмы «Дженерал моторз» — до 5 долл. за штуку.

Поскольку средняя норма прибыли всегда выше средней нормы процента, ибо процент есть часть прибыли, то при капитализации курсовая цена акций и облигаций всегда будет выше их номинальной цены (за исключением случаев разводнения акционерного капитала, когда доход распределяется на большее количество частей). В момент выпуска ценных бумаг это выразится в величине учредительной прибыли, которая представляет собой разницу между капиталом, дающим среднюю норму прибыли, и капиталом, приносящим средний процент.

Капиталист, вложивший деньги в акции и облигации, рассчитывает также на учредительную прибыль, т. е. намерен получить больший доход, чем от помещения средств, например, на депозитный счет в банке. При этом его прогноз нередко сбывается благодаря тому, что общий доход в данном случае складывается из двух частей: процента или дивиденда и суммы, которая может быть получена от продажи на рынке ценных бумаг по курсовой стоимости, если она повысится. Насколько велико для капиталиста значение второго фак-

тора, видно на примере акций с отложенным дивидендом, когда владелец не получает в обычные годы дивиденда, а дожидается поры «процветания», во время которой курс акций может подскочить на небывалую высоту, обеспечив ему баснословную прибыль. Вот почему, как бы низко ни опустился курс акций, последние всегда находят себе новых покупателей, для которых получаемый по ним доход будет представлять не меньший интерес, чем для их предыдущих владельцев.

Жажда получения повышенного дохода на капитал заставляет все большее число людей приобретать акции и облигации. И если в период повышения курсовой стоимости акций и облигаций счастливы действительно пожинают плоды, то при падении курсов начинается массовое разорение их держателей, особенно мелких и средних. «Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг, — отмечал К. Маркс, — не зависит от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него»²⁹. Следовательно, капитал при таких колебаниях не создается вновь и не исчезает, а лишь перераспределяется в направлении дальнейшей централизации.

Курсовые колебания, вызываемые капитализацией, хотя и имеют регулярный циклический характер, в конечном итоге определяются изменениями уровня дохода по акциям и облигациям и процентной ставкой. Допустим, начинается фаза подъема. Полученные фирмой «Х» заказы дают основание предполагать значительное увеличение в будущем году доходов, а следовательно, и дивидендов, например, с 5 долл. до 10 долл. на 100-долларовую акцию. При уровне процента, равном, скажем, 5%, курс акций возрастет до 200. На следующий год конъюнктура повышается, теперь уже возрастает процент из-за роста спроса на заемный капитал, предположим, до 12%. В результате при тех же прогнозах уровня дивиденда в размере 10 долл. на акцию ее курс вместо подъема покажет падению до 84. Спад конъюнктуры приведет к еще большему снижению курса, так как ожидаемый дивиденд понизится. Так будет продолжаться до тех пор, пока не упадет уровень процента или не поднимутся доходы фирмы.

Кроме колебания долговременного типа курс акций и облигаций определяется изменениями спроса и предложения, т. е. чисто рыночными моментами. Это обычно происходит под влиянием политических или иных событий, неожиданных банкротств и т. д. или сознательной спекулятивной деятельности биржевых игроков. Создается искусственный спрос или предложение ценных бумаг, в результате чего цена на них поднимается или падает уже независимо от дивиденда или уровня процентной ставки.

Фондовые спекулянты извлекают барыши как от повышения, так и от понижения курсов ценных бумаг в зависимости от совпадения оценок будущего их движения с действительным движением. В последнем случае спекулянт выигрывает и, наоборот, при несовпадении оценки с действительным движением курса — проигрывает. «Удача и неудача, — отмечал К. Маркс, — равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих мелких и средних капиталистов... Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками»³⁰.

Централизация капитала с помощью акций и облигаций в огромных масштабах была бы невозможна, если бы не существовал для них специальный рынок — фондовая биржа. Иными словами, как векселя и банкноты не могут нормально функционировать без банков, так и акции и облигации — без фондовой биржи.

Роль фондовой биржи. Вначале биржа обслуживала оборот различных типов денег и векселей. Позднее она стала превращаться в рынок для государственных облигаций, а затем, по мере распространения акционерных обществ, — все более в рынок акций.

Особенность акций и облигаций заключается в том, что, будучи титулами на доход, они теряют прямую

связь с денежным капиталом и могут успешно обращаться лишь в случае, если обеспечено их превращение в деньги в любое удобное для владельца время. Иными словами, они не могут существовать без рынка. Ссудный капиталист едва ли согласился бы помещать денежный капитал в акции и облигации, если бы не был уверен в возможности обратного превращения их в денежный капитал для перенесения его в другие сферы или какого-либо иного использования.

Наличие биржи как вторичного рынка, который во всякое время может поглотить денежный и фиктивный капиталы, является необходимой предпосылкой для перехода одной формы капитала в другую, для трансформации кредитных денег в квазикредитные и обратно. Только биржа сделала возможной мобилизацию капитала посредством выпуска ценных бумаг.

В различные периоды развития капитализма роль биржи была неодинаковой. Во время господства свободной конкуренции биржа была не более как местом, где капиталисты, по словам К. Маркса, «отнимали друг у друга накопленные ими капиталы»³¹. В то время она представляла собой инструмент перераспределения капитала между отраслями и стихийный механизм выравнивания нормы прибыли. Во второй половине XIX в. по мере перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм роль биржи возрастает. Биржа начинает концентрировать «все производство, — писал К. Маркс, — как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства»³². Но уже к началу XX в. период расцвета могущества биржи заканчивается, и она теряет свойство быть автоматически действующим регулятором экономических отношений. «...Старый капитализм, — писал В. И. Ленин, — капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое»³³. Это связано с развитием банков. Сначала банки играют роль комиссионеров, выполняющих волю своих клиентов по купле-продаже ценных бумаг на бирже. Но чем больше росла их мощь и заинтересованность в курсе акций (вследствие сращивания банковского и промышленного

капитала), тем больше они переходили к торговле ценными бумагами за собственный счет. Значительная часть оборотов теперь совершается уже не на бирже. Банк уравнивает взаимные требования, с которыми к нему обращаются его клиенты, и только на сумму, которая не компенсируется, продает или покупает на бирже ценные бумаги.

Тенденция к падению значения биржи была отмечена В. И. Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Свой вывод В. И. Ленин обосновал тем, что фондовая биржа, по выражению цитируемого им журнала «Банк», «перестала быть... необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли еще размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов»³⁴. Тезис «всякий банк есть биржа» как нельзя лучше заключает в себе идею вытеснения биржи банками за счет расширения их функций. Но хотя банк отнимает у биржи часть ее функций и сам становится рынком ценных бумаг, это не ведет к ее окончательной ликвидации. Биржа оставляет за собой специфическую функцию мобилизации долгосрочного капитала. Законы сохранения ликвидности ставят здесь банкам непреодолимую преграду. Биржа также не имеет себе равных как центр спекулятивных операций. Таким образом, она продолжает быть основой обращения квазикредитных денег и механизмом централизации свободных капиталов всех классов капиталистического общества.

* * *

Рассмотрение особенностей товара-денег и кредитных денег со всеми их конкретными проявлениями показало, что эти две формы денег независимы друг от друга, что они историчны, и не только в том, что на самой ранней ступени человеческого общества их не существовало и они отомрут при коммунизме, но и в том, что им свойственно эволюционное развитие и переход из одной формы в другую.

«Деньги делает деньгами общество..., — отмечал в своих работах известный советский ученый-экономист Е. Варга, — а не внутренние свойства материала, из которого они сделаны»³⁵. Если общество простых товаропроизводителей выдвинуло в качестве денег товар в ви-

де главным образом благородных металлов, то общество капиталистических товаропроизводителей предложило на роль денег бумажные свидетельства пронизывающих все капиталистическое производство кредитных отношений.

Подведение под категорию денег всех видов кредитных обязательств, однако, не означает, что все они имеют одинаковое значение как деньги. Они классифицируются на: 1) обязательное платежное средство (банкнота) и необязательное платежное средство (чеки, почтовые переводы, кредитные карточки и т. п.); 2) менее ликвидные (акции, облигации, частные векселя) и более ликвидные (казначейские векселя, чеки, банкноты).

Смена форм денег привела к изменению их функций, а принадлежность денег к тому или иному из перечисленных выше классов определила распределение между ними этих измененных функций.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ФУНКЦИЙ

Денежные функции возникают, отмирают или заменяются одни другими в определенной исторической последовательности в зависимости от тех задач, которые те или иные формы денег призваны решать в процессе обращения товаров или капитала. Другая особенность этих функций заключается в том, что они, как правило, распределены между различными формами денег, их знаками и символами. Например, при параллельном обращении денежного товара и знаков денег функции меры стоимости и сокровища выполняет золото в слитках, а функцию обращения — золото в монетах или бумажные деньги. Вместе с тем категория денег всегда определяется двумя ведущими функциями: мерой стоимости и средством обращения, единство которых и является тем критерием, который отделяет знак или символ денег от действительных денег, независимо от того, из какого материала они изготовлены. Анализ показывает, что кроме золота эти две функции в полной мере выполняются также кредитными деньгами, что и дает основание выделить последние в самостоятельную и независимую от золота денежную форму.

1. Функции меры стоимости и масштаба цен

В разделе, посвященном товару-деньгам, уже отмечалось, что функция меры стоимости была первой функцией денег, получившая развитие на основе простого менового обмена. При господстве товара-денег функция меры стоимости выполнялась денежным товаром непосредственно. Масштаб цен в этих условиях представлял собой чисто технически-счетную операцию.

При обращении не размениваемых на золото кредитных денег выполнение функции меры стоимости усложнилось. Ее осуществление становилось возможным также и через функцию масштаба цен, которая в данной связи получила самостоятельное значение. Однако прежде чем подробно рассмотреть своеобразие выполнения кредитными деньгами функции меры стоимости, необходимо сделать некоторый экскурс в область понятий абстрактной стоимости и меновой стоимости, единичной и развернутой форм последней.

Абстрактная и меновая формы стоимости. К. Маркс обычно разделял понятие стоимости и понятие относительной или меновой стоимости. Первую он характеризовал как абстрактную стоимость, представляющую собой материализованные затраты человеческого труда, вторую — как форму проявления этой абстрактной стоимости. «Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, — писал К. Маркс, — то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару»¹.

Обмен товаров становится возможен благодаря тому, что каждый из этих товаров уже содержит в себе такую абстрактную стоимость. Поскольку же при обмене сравниваются между собой стоимости, последние не могут оставаться в абстрактной форме, а принимают форму меновой стоимости. Таким образом, меновая стоимость выступает как отношение товаров друг к другу, когда стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого товара. «Меновая стоимость какого-либо товара, — писал К. Маркс, — не проявляется в его собственной потребительной стоимости. Однако как овеществление всеобщего общественного рабочего времени потребительная стоимость одного товара поставлена в известные отношения к потребительным стоимостям других товаров. Меновая стоимость одного товара проявляется, таким образом, в потребительных стоимостях других товаров»².

К. Маркс придавал большое значение разделению стоимости на абстрактную и меновую. Критикуя Рикар-

до за то, что тот не видел такого разделения, он писал: «В этом отношении Рикардо следует упрекнуть только в том, что он не проводит строгого разделения между различными моментами в развитии понятия стоимости, — между меновой стоимостью товара, как она *выступает* или *проявляется* в процессе обмена товаров, и бытием товара как *стоимости* в отличие от его бытия как вещи, продукта, потребительной стоимости»³.

Одновременно К. Маркс предостерегал от неправильного толкования меновой стоимости, даваемого, например, Бейли, как «простого отношения товаров». Бейли не видел за отношением товаров их стоимости, объединяющей эти товары, делая их сравнимыми. Иными словами, отношение товаров может рассматриваться как меновая стоимость, так как за вещной оболочкой этого отношения скрываются отношения между людьми⁴.

Самостоятельное выражение меновой стоимости. До появления денежного товара меновая стоимость товара выражалась в бесконечном ряде сравнений со всеми другими товарами. Иначе говоря, каждый товар был мерой стоимости всех других товаров и все прочие товары были мерой стоимости каждого конкретного товара. С выделением денежного товара все товары стали сравниваться только с ним. Меновая стоимость получила в этом товаре самостоятельное существование. В процессе обмена именно вследствие того, что все товары превращаются в деньги, меновая стоимость товаров отчуждается от их потребительной стоимости. Деньги становятся меновой стоимостью для товаров, превращаются в представителя меновой стоимости вообще.

Таким образом, в отличие от обычных товаров, денежный товар несет в себе две стоимости: абстрактную и меновую — и в этом еще одна его особенность помимо наличия у денежного товара двух потребительных стоимостей (как товара и как всеобщего средства обмена).

Наличие у денежного товара абстрактной и меновой стоимостей отчетливо наблюдалось в странах, где отсутствовала свободная чеканка и где параллельно обращались неразменные бумажные деньги и благородные металлы. Денежный товар (золото или серебро) становился здесь знаком большей или меньшей стоимости, чем он действительно в себе содержал. Возникало противоречие между металлической стоимостью золота или се-

ребра и его меновой стоимостью, т. е. стоимостью как средства товарного обмена.

Р. Гильфердинг приводит следующий пример, иллюстрирующий это противоречие: «Если сумма цен обращающихся товаров повысится... с 5 млн. до 6 млн. марок, а стоимость серебра в монете, следовательно, приспособленного к потребностям обращения, составит в соответствии с его металлической стоимостью всего 5,5 млн. марок (имеется в виду вариант, когда чеканка блокирована. — Г. М.), то в таком случае значение каждой серебряной монеты в обращении настолько возрастет, что сумма их даст как раз 6 млн. марок. Следовательно, ценность монет как таковых превышает их металлическую стоимость. Это явление наблюдалось, между прочим, в повышенной оценке голландского и австрийского серебряного гульдена и позже — индийской рупии, выше их металлической стоимости, что казалось необъяснимым для таких теоретиков денег, как Лексис или Лотц...»⁵

С 1859 г. в Австрии имели хождение неразменные бумажные деньги. На серебряные монеты был лаж в $\frac{1}{6}$, т. е. меновая стоимость этой монеты на $\frac{1}{6}$ была выше ее металлической стоимости. К 1879 г. стоимость производства серебра упала на $\frac{2}{6}$. В результате на ту же серебряную монету образовалось дежажио в $\frac{1}{6}$.

Представители количественной теории денег английские экономисты Д. Локк и Д. Юм не видели того, что денежный товар имеет две стоимости. Они полагали, что золото и серебро приобретают стоимость лишь в процессе обращения. Критикуя их взгляды, К. Маркс писал: «Уже Локк говорил, что золото и серебро имеют якобы только воображаемую или условную стоимость; это — первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость. То обстоятельство, что денежное бытие золота и серебра проистекает только из их функции в общественном процессе обмена, истолковывается в таком смысле, будто они имеют свою собственную стоимость и, следовательно, величину своей стоимости благодаря общественной функции*». Та-

* Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «См. у Ло и Франклина о дополнительной стоимости, которую золото и сереб-

ким образом, золото и серебро суть вещи, не имеющие стоимости, но в процессе обращения они получают фиктивную величину стоимости как *представители товаров*»⁶.

Как и номиналисты, сторонники количественной теории абсолютизировали один из объективных моментов в развитии денег, механически перенося на денежный товар те законы, которые были характерны для государственных бумажных денег. Последние действительно, в отличие от золота и серебра, имеют всего одну, меновую, стоимость, которую они приобретают в процессе обращения. Но ни государство, которое силой своей власти наносит на бумажные деньги ценностные обозначения, ни обращение не могут придать бумажным деньгам абстрактной стоимости, если не учитывать тех мизерных затрат труда, которые идут на их изготовление.

«Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, — писал К. Маркс, — то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольно большое количество этих билетов и напечатать на них любые монетные названия: 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть оттуда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение и так как *вне* обращения они теряют всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги. Однако эта власть государства — только иллюзия»⁷.

Кредитные деньги, как и бумажные, обладают лишь одной стоимостью — меновой, которая отражает отношение абстрактных стоимостей товаров, представляемых ими. Однако в них эта стоимость получает дальнейшее развитие. Ее особенность в том, что она возникает в процессе обращения капитала. В своем движении данная форма стоимости постоянно меняет товары, которые служат ее «телесной оболочкой», ибо только благодаря такому непостоянству она существует как самовозрастающая стоимость. «Здесь перед нами не только само-

ро приобретают благодаря их функционированию в качестве денег; см. также *Форбонне*. (Прим. редактора 13-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.)

стоятельное выражение стоимости, как это имеет место в деньгах, — пишет К. Маркс, — а стоимость в процессе движения, стоимость, сохраняющая себя в таком процессе, в котором потребительные стоимости проходят через самые различные формы. В капитале, таким образом, приобретение стоимостью самостоятельности выступает в гораздо большей степени, чем в деньгах»⁸.

Но не только бóльшую степень самостоятельности характеризует данное непостоянство этой стоимости по отношению к товарам. Оно означает также ее возвращение, но уже на иной основе, на основе не просто товара, а капитала, к развернутой форме стоимости.

Единичная и развернутая формы меновой стоимости. Если вернуться к первым актам товарного обмена, которые имели большей частью случайный характер, то там мы найдем простую, единичную или случайную форму стоимости. Стоимостное отношение одного товара к другому единичному товару давало наиболее простое выражение стоимости данного товара. С развитием меновой торговли каждому товару стали противопоставляться многие товары. По мере того как один и тот же товар вступал в стоимостные отношения то с тем, то с другим товаром, возникали различные простые выражения его стоимости. Ряд таких простых выражений стоимости, который мог быть удлинен до бесконечного числа участвующих в обращении товаров, приводил к развернутой форме меновой стоимости. Но как только из товаров выделился один товар, в котором все остальные товары стали измерять свою стоимость, и этот товар завоевал себе монополию в выражении стоимостей товарного мира, он сделался денежным товаром. Произошло возвращение к единичной форме стоимости, но на более высокой ступени, так что единичная форма уже перестает быть простой, а становится всеобщей формой стоимости вообще. «Простая товарная форма, — писал К. Маркс, — есть поэтому зародыш денежной формы»⁹.

Новая единичная форма имела ту особенность, что не уничтожала полностью развернутой формы меновой стоимости, а сосуществовала с ней. Иными словами, если все товары измеряли свою стоимость в одном и том же денежном товаре, то сам денежный товар измерял свою стоимость в бесконечном ряде товаров, находившихся в обращении. «В то время как товары всесторон-

не выражают свои меновые стоимости в золоте, — писал К. Маркс, — золото непосредственно выражает свою меновую стоимость во всех товарах»¹⁰. В виде формулы это можно представить так:

$$\frac{C \text{ товара}}{C \text{ золота}} = \text{меновая } C \text{ товара};$$

$$\frac{C \text{ золота}}{C \text{ товара «А»} \dots C \text{ товара «Б»} \dots C \text{ товара «В»} \dots} = \text{меновая } C \text{ золота.}$$

По мере развития обращения денежная форма делается все более мимолетной. Одновременно товары все в большей степени получают общественное признание не столько через деньги, сколько непосредственно в процессе производства. Коль скоро заключающееся в них рабочее время уже в процессе производства начинает выступать в какой-то степени как общественно необходимое, они оказываются способными соотноситься друг с другом уже на этой ступени, а не после предварительного приравнивания к денежному товару в обращении, как это имело место на первоначальных этапах товарного производства. Роль денег в этом случае сводится также и к тому, что они превращают способность товаров к взаимному отношению в действительность.

Таким образом, наблюдается возвращение к развернутой форме меновой стоимости, но на более высокой ступени товарного производства. Если прежняя форма была развернутой товарной формой стоимости, то теперь это развернутая денежная форма стоимости.

Уже при обращении неразменных бумажных денег развернуто-денежная форма стоимости выступает довольно отчетливо. Деньги выражают свою меновую стоимость непосредственно в бесконечном ряде других товаров. Благодаря этим товарам деньги приобретают меновую стоимость. В свою очередь товары выражают собственную меновую стоимость через меновую стоимость денег, являющуюся развернутой формой стоимости.

Более полно развернутая форма меновой стоимости проявляется при чистом кредитном обращении. Товары здесь не могут выражать свою меновую стоимость через абстрактную стоимость денежного товара не только потому, что такой денежный товар в обращении отсутствует, как в случае с неразменными государственными

оумажными деньгами, но и главным образом потому, что товары теперь, т. е. при капитализме, приравниваются друг к другу не только по стоимости, а и по цене производства, формирующейся как раз путем горизонтального и вертикального непосредственного приравнивания товаров, точнее товарных капиталов, друг к другу. С появлением капиталистического способа производства «...товары обмениваются не просто как *товары*, — отмечал К. Маркс, — но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости»¹¹.

В данной связи нельзя не отметить противоположных позиций советских экономистов Я. Певзнера и Я. Кронрода.

Я. Певзнер считает, что прежде установление цен «происходило окольным путем, через золото (или с помощью банкнот и бумажных денег как представителей золота), а теперь — непосредственно, путем установления меновых пропорций между товарами с разными потребительскими свойствами. Эти пропорции фиксируются в виде цен, реализуемых с помощью бумажных денег, которые в прошлом были жестко привязаны к золоту и лишь через него — ко всем другим товарам, а теперь — прямо к последним»¹².

Подвергая критике данную точку зрения, Я. Кронрод восклицает: «Но ведь такие меновые пропорции между товарами — это возврат от всеобщей денежной формы стоимости к развернутой форме стоимости, что было бы не изменением сущности денег, а просто-напросто их ликвидацией. И никаких цен, рефлектуемых бумажными деньгами, на этой основе существовать не может... то есть дело обстоит как и в те времена, когда аналогичную гипотезу развивал Р. Гильфердинг»¹³.

На наш взгляд, точка зрения Я. Кронрода теоретически недостаточно аргументирована, даже если иметь в виду ссылку на Р. Гильфердинга, который, как представляет, не всегда был не прав. Думается, что панически бояться тезиса о возврате к уже известным формам нет оснований, тем более что подобный возврат всегда происходит «по спирали», т. е. на более высокой ступени. К тому же, как справедливо отметил советский экономист Г. П. Солюс, хотя К. Маркс показал, что про-

цесс соединения стоимостей «изменялся от простой формы к развернутой, от развернутой к всеобщей и от всеобщей к денежной, он нигде не говорил, что на этом развитие форм стоимости приостановилось»¹⁴. Если, как мы отмечали, однажды имело место возвращение к единичной форме меновой стоимости, то почему не может такого произойти с развернутой формой? Непонятно другое, каким образом совмещается известный закон всеобщего спиралевидного диалектического развития с положением о том, что золото, как сотни лет назад, продолжает, по утверждению Я. Кронрода, выступать в роли «всеобщего эквивалента, меры стоимости, мировых денег, сокровища... основы ценообразования»¹⁵.

Нам кажется, что корни подобных утверждений кроются в слишком прямолинейном понимании того факта, что выражение товарных стоимостей в золоте носило идеальный характер, или что товары в своих ценах только в идее превращались в золото. Именно на основании этого, очевидно, создано представление, что золото может выполнять функцию меры стоимости, вообще не обращаясь, а находясь глубоко в подвалах национальных банков или даже за тысячи километров, в далеком американском Форт Ноксе.

Между тем золото идеально выполняло функцию меры стоимости лишь благодаря тому, что оно реально обращалось. В данном случае товаровладелец, придавая своим товарам идеальную золотую цену, всегда мог проверить правильность своей идеи, превратив их в настоящее золото. Если же золото уходило из обращения и дело ограничивалось лишь идеей, тогда выполнение им данной функции не могло происходить иначе, как мистическим путем. «Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, — подчеркивал К. Маркс, — цена всецело зависит от реально-го денежного материала»¹⁶.

В условиях обращения неразменных бумажных или кредитных денег цена находит свое подтверждение непосредственно в товарах, а не в золоте. Следовательно, она есть форма проявления менового отношения данного товара ко всем товарам, а не специфически к одному желтому металлу.

Цена. Итак, цена — форма проявления меновой, а не абстрактной стоимости. Абстрактная стоимость товаров

служит для того, чтобы сделать меновые отношения возможными. Но чтобы возможность стала действительностью, необходимы деньги. Однако требования к деньгам на стадии формирования меновых отношений совсем другие, чем к деньгам товарооборота, достигшего определенного уровня совершенства.

Первые деньги должны были сами нести в себе абстрактную стоимость, которая была нужна для организации регулярных меновых товарных отношений. Появление цены на первоначальном этапе товарообращения облегчалось, следовательно, тем, что в качестве меры стоимости деньги выступали в форме товара, который сам был сгустком затрат человеческого труда. Но даже тогда, как отмечал Ф. Энгельс, количественные отношения товаров с затратами труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным размером продукции, например, для скота и хлеба, и при этом у людей, не умеющих считать, устанавливалось, «очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей»¹⁷.

После установления первоначальных цен дальнейший процесс ценообразования протекал без непосредственного участия абстрактной стоимости денег, которые в последующем постепенно ее и утратили. Меновая стоимость получает в деньгах все в большей степени самостоятельное существование, а цена какого-то товара определяется уже не только с помощью его сравнения с деньгами, но и путем сравнения его с другими товарами, а также товарами, его составляющими (например, цена костюма складывается из цены ткани, ниток, цены труда швеи, из сравнения этого товара с ценою одного пиджака, брюк и т. п.).

«Определение всех товаров как цен, — пишет К. Маркс, — как измеренных меновых стоимостей, — это процесс, развертывающийся лишь постепенно, предполагающий частый обмен, а потому и частое сравнение товаров как меновых стоимостей; но как только существование товаров как цен уже стало предпосылкой, которая сама есть продукт общественного процесса, результат общественного процесса производства, — определение новых цен представляется делом простым, так

как элементы издержек производства тогда уже сами имеются в наличии в форме цен, стало быть — надо просто сложить их»¹⁸.

Конечно, в данном случае простота относительна. При налаженном общественном хозяйстве с регулярными устойчивыми пропорциями между потребительскими стоимостями выполнение функции меры стоимости упрощается в том смысле, что отпадает необходимость пользоваться посредствующим звеном — специальным измерительным товаром. Другими словами, вместо того, чтобы взвешивать каждый товар с помощью гирьки, а потом товары сравнивать, теперь товары сравнивают непосредственно, помещая их сразу на обе тарелки весов.

Особенно отчетливо своеобразие действия функции меры стоимости на этапе развитого товарного обращения прослеживается у кредитных денег, которые сами не обладают абстрактной стоимостью, а лишь представляют ее, и то не застывшую, как у товара-денег, а постоянно движущуюся и изменяющуюся. «Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, — отмечал К. Маркс, — забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu**. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается»¹⁹.

Поскольку кредитные деньги — форма проявления денежного капитала и обслуживают они не обращение товара, а обращение капитала (следовательно, их собственное обращение не ограничивается сферой обмена, а включает и сферу производства), то выполнение функции меры стоимости ими осуществляется не только в сфере обмена, но и в сфере производства. А в этой области, когда за счет формирования цены производства товарам задаются цены задолго до соприкосновения с деньгами, и не идеально, как при простом товарном производстве, а реально, в результате сложения реальных затрат и реальной средней нормы прибыли, потребность в абстрактной стоимости денег отпадает. Иными словами, при капитализме цена формируется не только

* В действии. (Прим. редактора 24-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.)

на рынке, а в сфере производства и на рынке, где происходит ее окончательная корректировка.

То, что абстрактная стоимость денег на стадии развитого товарного оборота не участвует непосредственно в ценообразовании, видно даже на примере товара-денег. Если взять издержки производства золота, то можно заметить, что при капитализме они, по сути дела, не влияют на меновые отношения товаров.

Когда в конце XIX — начале XX в. стал наблюдаться постоянный и повсеместный рост дороговизны, господствующие классы выдвинули идею, что ее причиной является повышение заработной платы рабочим (в настоящее время эта идея получила законченное развитие в теории «инфляционной спирали заработной платы и цен»). О. Бауэр и К. Каутский предложили иной тезис. По их мнению, дороговизна объяснялась изменениями в условиях производства золота. Р. Гильфердинг и Е. Варга, наоборот, доказывали, что затраты золотодобычи здесь ни при чем. Возникшая в связи с последним дискуссия нашла свое отражение на страницах газеты «Нойе цайт» за 1912—1913 гг. и в других публикациях того времени.

О. Бауэр следующим образом объяснял, как удешевление золота вызывает дороговизну: «Владельцы золотых рудников поставляют добытое золото на монетные дворы и в банки. За это они получают монеты или векселя, денежные переводы. Все это служит прежде всего для оплаты производства золота. Избыток добытого золота над стоимостью добычи его остается у них. Он тем больше, чем меньше стоимость производства. На этот избыток они затем покупают товары. Производители золота не увеличивают запасы товаров, так как они производят не товары, а золото: но они увеличивают спрос на товары. Они повышают его тем сильнее, чем больше избыток производства над стоимостью его, — чем, следовательно, ниже стоимость. Увеличенный спрос на товары при неизменном запасе их увеличивает товарные цены. Таким образом, вследствие понижения стоимости добычи золота цены на товары растут»²⁰.

Как писал О. Бауэр, он пришел к данному выводу на основании исследования того, что, во-первых, сокращение издержек производства в какой-то одной отрасли общественного производства изменяет распределение ка-

питала между отдельными отраслями производства. Во-вторых, благодаря перераспределению капитала изменяется соотношение между спросом и предложением на товарном рынке; все более усиливается рост предложения продуктов той отрасли промышленности, издержки производства которой сокращаются; во всех же остальных отраслях промышленности он замедляется. В-третьих, вследствие роста предложения товаров, издержки производства которого сократились, падает его цена и одновременно, ввиду сокращения предложения другими отраслями промышленности, повышаются цены всех прочих товаров ²¹.

На наш взгляд, из данного исследования напрашивается иной вывод: прогресс техники в любой отрасли, а не только и не обязательно в золотопромышленности, так как не все страны имеют эту отрасль, вызывает (при неизменном положении в других отраслях) рост цен всех товаров относительно цены того товара, где такой прогресс техники имел место (имеется в виду средняя многолетняя цена). Золото в данном случае ничем не отличается от остальных товаров. Причем более вероятно, что именно другие товары могут оказать на общее состояние цен гораздо большее воздействие, чем золото, если учесть долю последнего в мировом или даже национальном (за исключением ЮАР) производстве.

И нельзя не согласиться с замечаниями Е. Варги, который писал: «Ценность всей продукции горной промышленности составляла в 1897 г. 4118 млн. марок, а в 1906 г. — 8051 млн. марок. Из этой совокупной ценности на уголь приходилось 81,9%, на железную руду — 9,5%, на золотую и серебряную руду — 1,3% ценности готовой продукции всего капиталистического мира (в 1910 г. она составляла 124 млрд. марок, ценность же продукции золотопромышленности — 1910 млн. марок = 1,5% ценности мирового производства)... Я... утверждаю, что при нынешних условиях это реально ничтожные величины, что вследствие этого не могут возникать изменения в меновом соотношении между золотом (деньгами) и товарами, а, стало быть, не может быть объяснена этим и современная дороговизна» ²².

Комментируя позицию Е. Варги, Р. Гильфердинг пишет: «Е. Варга защищает тезис: «изменение в производстве золота не могло быть причиной дороговизны».

Я держусь того же мнения... Варга утверждает, что, каковы бы ни были издержки производства 10 марок золота, эти последние *всегда* будут обмениваться на А метров полотна, Б кг соли и т. д., если условия производства полотна, соли и т. д. останутся неизменными. Этот тезис с первого взгляда кажется противоречащим всякой теории ценности, и J. v. G. в своей статье *... выражает по поводу него сомнения... Варга обратил внимание на решающий момент... я имею в виду «неограниченный спрос» на золото и своеобразное регулирование денежного обращения государственными эмиссионными банками... **

Разбирая вопрос о влиянии изменения стоимости золота на товарные цены, К. Маркс подчеркивал, что «изменение стоимости золота не препятствует... его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше»²³.

* Имеется в виду статья «Добыча золота и движение цен», написанная J. v. G.

** В статье «Добыча золота и дороговизна» («Neue Zeit», 1913. № 16, р. 557) Е. Варга писал: «Понижение рыночной цены наступило бы лишь в том случае, если бы, благодаря берегающим труд нововведениям, на рынке появилось бы такое количество нового золота, что часть его оказалась бы излишней. Тогда цена упала бы, и часть рудников, находящихся в худших условиях, приостановила бы добычу. Если за последнее десятилетие применялись берегающие труд нововведения, то они повысили бы ренту, добываемую рудниками, но не понизили бы ценности золота».

В статье «Стоимость золота в учении Маркса о стоимости» («Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», с. 181) Е. Варга отмечал, что сокращение издержек производства золота приведет к всеобщему повышению цен, когда «...свободная чеканка не прекращается. Центральные эмиссионные банки продолжают закупать золото до тех пор, пока банкноты не будут целиком вытеснены из обращения и весь товарооборот не будет обслуживаться золотом. В обращение поступают, однако, все новые количества золота в монетах. Возросшему предложению золота золотых монет не противостоит увеличение предложения товаров («золотая инфляция»). Результатом этого является всеобщее повышение цен... Идет ли моя концепция вразрез с Марксовой теорией стоимости? Я думаю, что нет».

Независимость меновых соотношений товаров между собой от изменений абстрактной стоимости золота говорит за то, что даже в условиях золотого обращения этот денежный товар выполнял функцию меры стоимости не только потому, что был сгустком затрат человеческого труда, но и потому, что являлся самостоятельной формой меновой стоимости. Особенно это относится к периоду золотого стандарта, когда повсеместное распространение получили золотые монеты, которые, как мы отмечали, с первых своих шагов теряли свою абстрактную стоимость. Более отчетливо данная закономерность проявляется при обращении неразменных бумажных денег и не обмениваемых на золото кредитных средств обращения.

И все же данная проблема пока не сходит со страниц печати. В последние годы, например, она снова широко обсуждалась в связи с выходом книги С. М. Борисова²⁴. Автор отстаивает ту же точку зрения, что и Е. Варга, утверждая, что «в золотодобыче нет внутриотраслевой конкуренции, т. е. отсутствует механизм, который сводит индивидуальные стоимости к отраслевой средней»²⁵. Внутриотраслевая конкуренция могла бы иметь место лишь в том случае, если бы при сохранении повышенной (сравнительно с прежней) производительности труда можно было добыть любое количество золота или если бы рынок золота был ограниченным. Но так как этого нет, то цена золота может оставаться неизменной, а, следовательно, дороговизна не имеет отношения к абстрактной стоимости золота как денежного товара.

Такое заключение можно сделать из положения об отсутствии внутриотраслевой конкуренции в золотодобыче. И хотя выводы С. Борисова касаются иного аспекта, т. е. особенностей формирования стоимости золота, тем не менее А. Гальчинский, например, подвергает критике именно этот его тезис и доказывает, что и «в новых условиях изменения в стоимости золота влияют на процесс ценообразования»²⁶, хотя и не непосредственно, а косвенно. Не рискуя слишком обобщать свой вывод, А. Гальчинский делает оговорку, что «отклонения стоимости золота от стоимости других товаров могут оказывать ощутимое влияние на динамику цен лишь в тех немногих странах, где золотодобывающая промышлен-

ность занимает существенное место в валовом производстве и накоплении капитала страны»²⁷.

Рассмотрим приведенную А. Гальчинским таблицу динамики индексов розничных цен и производительности труда в золотодобывающей и обрабатывающей промышленности ЮАР (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Динамика индексов розничных цен, производительности труда в золотодобывающей и обрабатывающей промышленности ЮАР

Промышленный цикл (годы)	Индекс цен (1914=100)		Индекс добычи золота на одного работающего в год		Индекс выработки на одного работающего в обрабатывающей промышленности	
	в среднем за цикл	изменения (+, -)	на конец периода (1914=100)	изменения (+, -)	на конец периода (1914=100)	изменения (+, -)
1914—1922	138	+38	121	+21	112	+12
1922—1932	134	- 4	111	-10	141	+29
1932—1939	124	-10	82	-23	157	+16
1939—1946	153	+29	76	- 6	145	-12
1946—1957	233	+80	106	+30	171	+26
1957—1963	308	+75	158	+52	221	+50

Источник: Государственно-монополистический капитализм. Экономические проблемы, с 97.

Из таблицы следует, что в 1914—1922 гг. производительность труда в золотодобывающей промышленности увеличивалась на 9 пунктов быстрее, чем в обрабатывающей промышленности, в то же время индекс цен показал рост на 38 пунктов. В 1922—1932 гг. разрыв между ростом производительности труда в обрабатывающей промышленности и ее падением в золотодобыче составил 39 пунктов вместо 9 пунктов, а цены на товары практически не изменились, упав всего на 4 пункта. Почти аналогичная картина наблюдалась в 1932—1939 гг. После второй мировой войны производительность труда в золотопромышленности росла почти так

же, как в обрабатывающей промышленности, однако цены, вместо того чтобы оставаться неизменными, увеличивались с огромной скоростью: за 1946—1957 гг. на 80 пунктов, а за 1957—1963 гг. — на 75 пунктов. Таким образом, анализ таблицы показывает, что даже и для ЮАР не сохраняется связь цен и стоимости золота и что сделанный А. Гальчинским на ее основании вывод о том, что «движение цен в основном соответствует изменениям в соотношении производительности труда в золотодобывающей и обрабатывающей промышленности страны»²⁸ неверен.

К. Маркс писал: «...Такие товары, стоимость которых повышается одновременно и в одинаковой мере со стоимостью денег, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то понижение или повышение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.»²⁹ В данной же таблице такой зависимости не прослеживается, и потому наш вывод отличается от вывода А. Гальчинского, хотя оба они сделаны из одной и той же методологически правильно построенной таблицы. Представляется, что в странах, где золотодобывающая промышленность занимает существенное место в валовом производстве и накоплении капитала страны, динамика цен больше уже не зависит от колебаний абстрактной стоимости золота.

Масштаб цен. Итак, на стадии формирования меновых отношений абстрактная стоимость денег сыграла ту роль, что приравнивала к денежному товару все другие товары, сделав их соизмеримыми не просто как величины человеческого труда, а как части одной и той же материи — золота или серебра. В результате товары начали относиться друг к другу в постоянной пропорции, возник масштаб цен как определенный вес золота, фиксированный в качестве единицы измерения.

С развитием меновых отношений товары все больше приравнивались друг к другу непосредственно как величины человеческого труда. Но поскольку это происходило с участием товара-денег, который заключал в себе абстрактную стоимость, последняя оказывала на эти отношения то влияние, что изменяла масштаб цен. Таким образом, изменение стоимости золота влияло не на ценностные пропорции, а на масштаб цен. «Если стои-

мость унций золота вследствие изменения рабочего времени, требуемого для ее производства, падает или повышается, — писал К. Маркс, — то она падает или повышается *равномерно* для всех других товаров, следовательно, она по-прежнему представляет по отношению ко всем товарам рабочее время *данной* величины. Те же самые меновые стоимости оцениваются теперь в больших или меньших количествах золота, чем прежде, но они оцениваются соответственно величине своей стоимости, следовательно их стоимости сохраняют то же самое отношение друг к другу. Отношение 2:4:8 есть то же самое, что отношение 1:2:4 или 4:8:16»³⁰. То есть отношения 2:4:8, 1:2:4, 4:8:16 как меновые стоимости равны, а как масштаб цен — различны.

Абстрактная стоимость денег, потеряв способность влиять на цены, не осталась тем не менее «безработной», она превратилась в фактор изменения масштаба цен. Произошло превращение мерил стоимости в масштаб цен.

«Если имеется налицо процесс, посредством которого золото стало мерой стоимостей, а меновая стоимость — ценой, — отмечает К. Маркс, — то все товары в своих ценах суть лишь мысленно представляемое золото различного количества. Как такие различные количества одной и той же вещи, золота, они приравниваются друг к другу, сравниваются друг с другом и измеряются друг другом; таким образом возникает техническая необходимость относить их к определенному количеству золота как к *единице измерения*; последняя развивается далее в масштаб благодаря тому, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части. Но количества золота, как таковые, измеряются по весу. Следовательно, масштаб находится уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении служат первоначально также масштабом цен. Так как товары относятся друг к другу уже не как меновые стоимости, подлежащие измерению рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые в золоте, золото превращается из *меры стоимостей* в *масштаб цен*»³¹.

При обращении товара-денег сохраняется единство меры стоимости и масштаба цен, так же как в самих

деньгах сохраняется единство меновой и абстрактной стоимостей. Но уже при обращении товара-денег масштаб цен начинает приобретать самостоятельное значение. Сначала он складывается стихийно, по весу, а с возникновением монетной формы все в большей степени начинает определяться государством. Сам факт чеканки означает не что иное, как удостоверение того, что отчеканенный экземпляр денег содержит определенное весовое количество денежного материала. Если раньше данный материал (золото или серебро) делился и измерялся по весу, то потом он стал делиться уже на основе иного, произвольного масштаба, построенного с помощью государства.

Основанный на масштабе денежной единицы (1 долл. = 100 центам, 1 ф. ст. = 10 шиллингам и т. д.), масштаб цен тем не менее формирует цены товаров и в этом имеет сходство с меновой стоимостью. Государственное вмешательство здесь не может быть произвольным, а осуществляется в рамках исторически сложившихся меновых соотношений товаров. С такой оговоркой можно сказать, что масштаб цен является первой функцией денег, санкционированной государством.

При обращении неразменных бумажных и кредитных денег масштаб цен окончательно оформляется в самостоятельную функцию денег. Объяснение этому, на наш взгляд, заключается в следующем. Как уже отмечалось, золото, еще до того, как оно поступает в обращение, имеет абстрактную стоимость и способность делиться на весовые части. У бумажных денег такой стоимости нет, они имеют отштампованные цифры, в соответствии с которыми и делятся. Между тем такие цифры символизируют уже не абстрактную стоимость, как весовые единицы золотых слитков, а меновую стоимость бумажных денег. Однако последняя зачастую не принималась во внимание. В частности, например, Гильфердинг вводил в обращение бумажные деньги без стоимости. Критикуя взгляды Гильфердинга, В. И. Ленин писал, что у него «деньги входят в обращение без стоимости»³². Отсюда возникает парадокс в теории Гильфердинга, заключающийся в том, что стоимость бумажных денег определяется суммой товарных стоимостей в обращении и в то же время цены товаров определяются в зависимости от количества бумажных денег в обра-

щении, т. е. от стоимости бумажных денег. Возникает вопрос, каким образом товары получают цену еще до того, как установлена стоимость денег?

Этот парадокс перестает быть таковым, если принять во внимание, что бумажные деньги вводятся в обращение не без стоимости вообще, а без абстрактной стоимости. Они имеют меновую стоимость, выраженную в развернутой стоимости всех участвующих в обращении товаров, которая количественно выступает не иначе как через проставленный на них номинал. Меновая стоимость товаров проявляется теперь также и через масштаб цен. Вследствие этого мы не можем сказать, насколько соответствуют одному и тому же объему товарного обращения денежные знаки суммой в 1 млрд. или в 2 млрд. единиц. Все дело здесь в масштабе цен. При соответствующем масштабе цен и 1 млрд. и 2 млрд. могут соответствовать потребностям товарообращения. Поэтому, когда хотят ликвидировать излишек бумажных денег в обращении, уменьшают масштаб цен, но не затрагивают меновых соотношений. Новые деньги обмениваются на старые в пропорции 1 : 10, 1 : 100, 1 : 1000 и т. д.

Ошибка Гильфердинга состояла в том, что при объяснении бумажных денег он не смог до конца отойти от категорий товара-денег. «Если золото заместили бумажными знаками,— писал он,— то, что бы ни было оттиснуто на этих знаках, сумма их во всяком случае должна представлять сумму товарных стоимостей, следовательно, в нашем примере — 5 млн. марок. Если отпечатано 5000 знаков равного достоинства, каждый будет равен 1000 марок; если напечатано 100 000 знаков, каждый будет представлять 50 марок»³³. На практике же не бывает так, что сначала печатают денежные знаки, а затем, в зависимости от суммы товарных цен, проставляют на них номинал. Деньги печатаются уже с номиналом. И если 5000 знаков будет отпечатано с номиналом 500 марок каждый, то нельзя сказать, что они будут представлять не 2,5 млн. марок, а, например, 1,25 млн. марок. 500 никогда не равны 250, тем более что ни те, ни другие не имеют абстрактной стоимости, а их меновая стоимость может не измениться, так как цены не всегда точно следуют за изменением денежной массы. В данном случае просто произойдет перестройка масштаба цен.

Если же исходить из исторического хода развития денежного обращения и иметь в виду, что бумажноденежное обращение формировалось не на пустом месте, а на основе постепенного отмирания золотого обращения, тогда можно согласиться, что в определенный момент становилось известно, чему равна стоимость товарного обращения (конечно, в золотых деньгах). Ведь сначала, как правило, бумажные деньги обращались совместно с золотом, потом золото исчезало, а бумажные деньги, оставаясь в обращении, продолжали некоторое время иметь ту же стоимость, что и при совместном с золотом обращении. Затем образовывалось ажио на золото, по которому можно было судить, насколько оставшиеся в обращении бумажные деньги соответствуют (но опять же в золотом исчислении) товарному обращению и определяются суммой товарных стоимостей.

Примером могут служить события в США после гражданской войны 1861—1865 гг. Чрезвычайно возросшие государственные расходы заставили правительство Соединенных Штатов Северной Америки наряду с повышением налогов и выпуском займов прибегнуть к выпуску бумажных денег. В 1862 г. поступило в обращение на 73 млн. долл. больше государственных бумажных денег (т. н. «гринбеки», greenbacks), а в 1864 г. — уже на 415 млн. долл. больше. Следствием явилось все увеличивавшееся обесценение денег и рост цен. В результате в том же 1864 г. лаж на золото составил 185%.

После войны была сделана попытка уменьшить (не сразу, а постепенно) число «гринбеков» путем ежемесячного их извлечения до 4 млн. долл. Мероприятие это, однако, вызвало сопротивление фермеров и от него пришлось отказаться. С 1868 г. количество «гринбеков» оставалось неизменным — 328 млн. долл. Вследствие роста суммы товарных стоимостей ценность бумажных денег возрастала из года в год. В 1879 г. золотой и бумажный доллар находились уже на одном уровне.

Такие примеры были характерны для XIX в. Но как быть, если золото совершенно отсутствует? Ведь тогда установить соответствие или несоответствие количества бумажных денег сумме товарных стоимостей невозможно. К тому же данное соотношение постоянно меняется.

Вчера золото ушло из обращения, а сегодня сократившееся или возросшее товарное обращение изменило сумму товарных стоимостей, количество же бумажных денег осталось прежним, оно не среагировало на это, как золото, которое могло уйти в сокровище или, наоборот, поступить из сокровища. В этом случае начинает действовать совершенно другой закон: с изменением объема товарного обращения или количества денег в обращении изменяются не меновые пропорции товаров, а масштаб цен. Это происходит от того, что в обращении оказывается либо избыток, либо нехватка бумажных денег, меновая стоимость которых в данном случае определяется их количеством.

При обращении неразменных кредитных денег механизм действия меры стоимости и масштаба цен несколько меняется. Стоимость банкноты проистекает из стоимости представляемых ею товаров, то есть из развернутой меновой стоимости. Но банкнота тоже может быть выпущена в избытке. Тогда стоимость банкнот будет определяться, как и у бумажных денег, также еще и их количеством в обращении.

Цена товаров в этих условиях будет формироваться под влиянием двух факторов: развернутой формы меновой стоимости и количеством денег в обращении, то есть денежной формой меновой стоимости. Но если первая оказывает воздействие на стоимостное соотношение товаров или их пропорции, то вторая — лишь на масштаб цен.

2. Функции средства обращения

Деньги в качестве средства обращения функционируют как покупательное средство и как средство платежа. Если метаморфоза $T — Д — T$ не прерывается во времени, то обращение товаров происходит на основе действия функции покупательного средства. Если же происходит разрыв цепочки, то деньги выступают как средство платежа, и обращение товара в таком случае обязано второй функции.

Формула $T — Д — T$, как мы уже показали, символизирует обращение товаров, где в роли денег выступает товар-деньги. Она соответствует простому товар-

ному производству, при котором платежные отношения еще только зарождаются. Обращение товаров в этот период происходит преимущественно благодаря действию функции покупательного средства. Товар-деньги, следовательно, выполняет функцию механизма обращения через функцию покупательного средства.

Такой вывод вытекает не только из факта количественного превалирования сделок, где деньги употребляются как покупательное средство, а не как средство платежа. Товар-деньги по существу не приспособлен самостоятельно выполнять функцию платежа, поскольку последняя предполагает в качестве необходимого условия принуждение, гарантию, доверие. Если в функции покупательного средства обе стороны свободны в своих действиях, то в функции платежа наступает принуждение: покупатель должен внести обусловленную сумму денег в определенный срок, определенному лицу, за определенный товар, который он получил ранее и который он должен оставить у себя независимо от того, подходит он ему или нет. Все это записывается в платежное обязательство, основным представителем которого является вексель.

Деньги здесь выступают как средство платежа, но в качестве такового они еще не представляют капитала. Поэтому простое товарное обращение создает правовые отношения, представляющие лишь аналогию с ссудным капиталом. Такой характер они сохраняют до той поры, пока капиталистические производственные отношения не становятся господствующими.

Иное положение складывается при капиталистическом товарном производстве. Здесь доминирует формула $D - T - D'$ и деньги, как правило, являются не средством обращения товара, а средством обращения капитала. Функция платежа в этих условиях получает развитие не как результат случайного или эпизодического разрыва процесса метаморфозы товара, а как результат кредита, на котором по сути дела базируется весь кругооборот капитала. В формуле $D - T_{Pc}^{Cn} \dots T' - D'$ почти все делается в кредит: капиталист покупает оборудование и сырье у другого капиталиста в кредит, пролетарий в кредит продает свою рабочую силу капиталисту, готовая продукция в кредит реализуется у оптовика и т. д.

Конечно, есть и исключения. Например, при приобретении товаров личного пользования деньги продолжают еще быть покупательным средством, да и то во все уменьшающемся размере, ввиду быстрого развития потребительского кредита. «С развитием торговли и капиталистического способа производства... в общем и целом деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, т. е. товар продается не за деньги, а под письменное обязательство платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей», — отмечал К. Маркс³⁴.

Однако если при простом товарном производстве продавец, уступающий товар в кредит, записывает в платежное обязательство лишь сумму кредита, то при капитализме, когда ссудный капитал и взимание процента получают всеобщее распространение, договор покупки содержит уже нечто большее, чем простое обещание уплатить денежную сумму в определенный срок, он также включает обязательство уплатить сверх нее договорный процент. В векселе сразу обозначается сумма, в которую включены помимо основного долга также и проценты.

Таким образом, напрашивается еще один вывод: кредитные деньги выполняют функцию средства обращения через функцию платежного средства. Если подойти с другой стороны, то эти же выводы можно сформулировать и так: функция платежного средства больше присуща кредитным деньгам, а функция покупательного средства — товару-деньгам. При этом у каждой из названных функций имеется своя специфика. Если товар-деньги в функции покупательного средства приводит в движение товары, которые сами по себе неподвижны, то кредитные деньги в функции платежа, наоборот, сами приводятся в движение товарами, которые переходят из рук в руки задолго до обращения денег. Товар-деньги в функции покупательного средства формирует общественную связь между продавцом и покупателем, кредитные деньги в функции средства платежа выражают общественную связь, которая уже сложилась и обеспечена капиталом. Благодаря отмеченным особенностям кредитные деньги сделали обращение независимым от золота.

Хотя функция платежного средства присуща кредитным деньгам, а функция покупательного средства — товару-деньгам, это не значит, что каждая из форм денег не может выполнять обеих функций. Как были возможны платежи в древнем Риме в форме монет, так возможно и использование капиталистами кредитных денег в качестве покупательного средства, когда они приобретают друг у друга товары за наличные. Просто каждая из разбираемых функций больше соответствует определенному виду денег.

И все же существо различия между металлическими и кредитными деньгами кроется не в том, что они по-разному выполняют функцию средства обращения, а в том, что первые опосредствуют движение товара, а вторые — капитала. К. Маркс писал: «Средства обращения обращаются, с одной стороны, как *монета* (деньги), поскольку они опосредствуют *расходование доходов*, следовательно, обмен между индивидуальными потребителями и различными торговцами... Напротив, поскольку деньги опосредствуют *передачу капитала*, в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собой *капитал*. Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты... различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — отличие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не отличие средств обращения от капитала, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, *обращается* определенная по своему количеству часть денег, и потому в *обеих* этих функциях деньги в одинаковой мере служат *средством обращения*»³⁵.

3. Функции сокровища и накопления

В выполнении этих функций также имеет место различие между товаром-деньгами и кредитными деньгами. Для первых характерна функция сокровища, для вто-

рых — функция накопления. Несмотря на внешнее сходство, каждая из этих функций имеет свое собственное экономическое содержание и играет свою собственную роль в производственных отношениях общества.

Функция сокровища. Данная функция возникла из простого товарного обращения, в котором господствовал эквивалентный обмен и в котором участники меновых отношений стремились по возможности оградить себя от потерь или сохранить неизменной величину стоимости. «Что касается самого процесса образования сокровища, то он присущ всякому товарному производству, в качестве же самоцели играет некоторую роль только при неразвитых, докапиталистических формах этого производства»³⁶, — подчеркивал К. Маркс.

Требование сохранить величину стоимости в форме денежного сокровища, как мы уже отмечали, было одной из причин эволюции денег в направлении от наиболее употребительного товара к благородным металлам. Деньги в виде скота не могли выполнить функцию сокровища. Их владелец должен был кормить скот, чтобы сохранить его. Пределы запасов кормов и площадей пастбищ являлись одновременно пределами для функционирования «денег-скота» как сокровища. Все это стало ненужным, как только в качестве денег выступили благородные металлы.

Существование функции сокровища в докапиталистической формации вызывалось потребностью в ней товарного и денежного обращения. Накопление денежных сокровищ в качестве торговых, оборотных и резервных фондов было объективной необходимостью для нормального хода товарного оборота. Само товарное производство также нуждалось в сокровище, часть которого периодически можно было выбрасывать на рынок, как только туда поступал новый товар. Сокровище служило регулятором денежного обращения. При сокращении товарооборота деньги уходили в сокровище, а при его увеличении — вновь пускались в оборот.

Следующим фактором, обеспечивавшим выполнение деньгами данной функции, было стремление к сокровищу (т. е. золоту) как знаку богатства. Золото было символом обладания потребительными ценностями общества. Человек считался тем богаче, чем большим количеством золота он владел

Несмотря на, казалось бы, чисто психологическую сторону собирания золотых сокровищ как знака богатства, данное явление наряду с ростовщичеством объективно сыграло огромную роль в деле так называемого первоначального накопления. Золото в функции сокровища дало мощный толчок развитию капиталистического способа производства. Затем в условиях капитализма эта функция стала постепенно отмирать. По свидетельству К. Каутского, прусские короли принадлежали к последним собирателям сокровищ в звонкой монете. Капитализм отверг собирание сокровищ как застывших форм материализованного богатства. В то же время он создал условия для накопления сокровищ как самовозрастающих богатств. Если простое товарное производство развивает стремление к безграничному накоплению золота и серебра, то капиталистический способ производства заменяет золотой голод жаждой наживы. Накопление «мертвых» денежных сокровищ считается грехом против духа капитала.

Накопление денег как капитала, а не как денежных сокровищ из экономической потребности обращения становится экономической потребностью также и производства. Из формы бытия в виде товара-денег оно превращается в форму бытия в виде кредитных денег.

Функция накопления. Кредитные деньги по своей природе, так же как и денежный капитал, который они представляют, не могут быть сокровищем, поскольку они не могут представлять праздно лежащие капиталы. Зато они прекрасно могут выполнять функцию накопления денежного капитала. «Если рассматривать класс капиталистов как целое,— писал Р. Гильфердинг,— то деньги уже не лежат праздно. Если в одном месте деньги застывают в качестве сокровищ, то кредит немедленно превращает их в активный денежный капитал в другом процессе обращения»³⁷.

Так же как капитал не есть вещь, а процесс, так и кредитные деньги остаются таковыми, пока они находятся в процессе движения. Стоит кредитным деньгам уйти в состояние покоя, как они превращаются из действительных денег в бумажные символы денег. Кредитные деньги накапливаются, не застывая в сундуках, как товар-деньги, а постоянно обращаясь,— в этом их особенность и специфика функции накопления.

Кредитные деньги обладают развитым механизмом для накопления. Например, для накопления краткосрочного капитала используются такие технические средства, как расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения и т. д.

Накопление долгосрочного капитала осуществляется с помощью главным образом квазикредитных денег. Акции и облигации являются тем поистине бездонным резервуаром, в который стекаются высвобождающиеся денежные средства и из которого они извлекаются в случае необходимости. В эпоху становления капитализма такого рода накопления осуществлялись в ряде стран на уровне государственной политики. Касаясь Англии начала XIX в., К. Маркс приводит следующие сведения из письма английского банкира к шотландскому народу, которое было опубликовано в Эдинбурге в 1845 г. под названием «The Currency Theory Reviewed» («Теория денежного обращения»): «В Англии происходит постоянное накопление богатства, имеющее тенденцию принять в конечном счете денежную форму. Но вслед за желанием приобрести деньги наиболее настойчивым является желание снова освободиться от них путем какого-нибудь приложения, дающего проценты или прибыль, потому что деньги как деньги ничего не приносят... В течение многих лет государственные займы были главным средством поглощения избыточного богатства Англии»³⁸.

Выполнение кредитными деньгами функции накопления необходимо прежде всего для осуществления расширенного воспроизводства. «Так как пропорции, в которых может расширяться процесс производства, устанавливаются не по произволу, а предопределяются данной техникой,— подчеркивал К. Маркс,— то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов может возрасти до такого размера (следовательно, должна накапливаться до такого размера), при котором она действительно может функционировать как добавочный капитал или войти в кругооборот капитальной стоимости, совершающей свой процесс... Накопление, или производство в расширенном масштабе... составляет одну из сторон общей тенденции капиталистического производства...»³⁹

Кроме того, функция накопления обнаруживается и в движении оборотного капитала. В непрерывном процессе производства постоянно образуется резервный денежный капитал, идущий на накопление. Сегодня, например, поступили платежи, а производить очередные выплаты потребуется позже; сегодня проданы большие партии товаров, а покупка следующей партии произойдет лишь в последующие дни, в результате в образующие промежутки та или иная часть оборотного капитала постоянно находится в денежной форме.

Выполнение кредитными деньгами функции накопления необходимо и для сглаживания нарушений в кругообороте капитала. Например, если процесс $T' — D'$ затягивается сверх его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму значительно задерживается или если, после того как такое превращение совершилось, цена, скажем, средств производства, в которые в последующем должен был превратиться денежный капитал, поднялась выше уровня, существовавшего в начале кругооборота, то кредитные деньги функционируют как фонд накопления.

Проблема золотого запаса. Функция сокровища уступила место функции накопления, но остался золотой запас. Желтый металл продолжал сосредотачиваться не только в централизованных государственных запасах, но и в децентрализованном владении частных субъектов денежного оборота — фирм, банков, отдельных лиц. Золотой запас в частном владении и во владении центральных банков до сегодняшнего дня остается реальным фактом.

На наш взгляд, две причины способствовали данному обстоятельству. Первая обязана так называемому золотому фетишу. Еще в XV—XVII вв. меркантилисты доказывали, что всемерное накопление драгоценных металлов в стране и в государственной казне должно являться основой экономической политики. И хотя позднейшие их представители отказались от поисков источников обогащения нации в примитивном накоплении сокровищ, вплоть до середины текущего столетия было распространено мнение, будто бы престиж нации определяется величиной ее золотого запаса, а ценность ее банкнот — степенью их золотого покрытия.

Считалось, что самая богатая страна должна иметь и самые большие резервы в золоте. Вот почему правительство США в течение многих лет поощряло ввоз в страну желтого металла. В сентябре 1949 г. в США было сосредоточено 75% всех золотых резервов капиталистического мира (около 21,9 тыс. т). В 1950 г. золотые резервы на 200% покрывали долларовые обязательства США перед границей⁴⁰.

Психологический фактор имел столь большое значение, что было общепризнано: США не должны допускать падения величины своих золотых резервов ниже 10 млрд. долл., или 10 тыс. т по цене 35 долл. за 1 тр. унцию, хотя никакого экономического объяснения такому минимальному пределу не существовало. «Поэтому, когда возникла угроза, что золотые резервы США упадут ниже 10 млрд. долл., — писал по этому поводу вице-президент «Фёст нэшнл сити бэнк», — Никсон приостановил выполнение обязательства США, принятого страной в 1934 г. об обмене долларов на золото по просьбе со стороны иностранных правительств и центральных банков. Соединенные Штаты не продали свое золото до последнего слитка, а остановились на уровне 10 млрд. долл., который в течение длительного времени рассматривался как минимум благополучия»⁴¹.

Золотой фетиш продолжает существовать и в сознании частных лиц. «Хотя накопление золота не дает процентов и дорого в смысле обеспечения безопасности хранения, страхования и транспортировки, — признает президент Федерального резервного банка Далласа Ф. Коулдвелл, — имеется активный рынок тезавраторов, включающий по крайней мере треть мирового населения... Многие люди по привычке, предубеждению и опыту все еще рассматривают золото как последнюю гарантию их сбережений»⁴².

Между тем расчеты показывают, что золото — не самая выгодная форма помещения средств. Покупка золота прежде всего связана с организацией его надежного хранения. Затраты же на это могут быть настолько значительными, что перекроют получаемые выгоды. Кроме того, возможны потери от того, что цена на золото будет повышаться медленнее, чем пойдет обесценение валюты. Выступая 28 октября 1969 г. со статьей в газете «Монд», министр финансов Франции

писал: «Представим себе, что перед первой мировой войной три человека приобрели на одинаковую сумму: первый — золото, второй — облигации с фиксированным доходом, третий — акции различных предприятий. Сегодня, подводя итоги, первый увидит, что покупательная способность золота уменьшилась на 32%. Следовательно, он понес потери в таком же размере. Потери второго были гораздо значительнее. Реальная стоимость его капитала упала на 94%. И только третий человек нашел, что его капитал возрос за 55 лет примерно на 66%, т. е. в среднем в год увеличивался более чем на 1%».

Тем не менее проблему золотого запаса нельзя объяснять одними субъективными факторами. Была еще, а в некоторой степени существует и теперь, объективная причина, заключающаяся в новой роли золота как товара, придающего доверие кредитным деньгам.

Мы уже отмечали, что кредитные деньги не могут функционировать без должного к ним доверия. Главная роль в обеспечении такого доверия принадлежит государству. Однако в период своего становления буржуазное государство еще не было настолько авторитетным, чтобы придавать банкнотам безусловную платежную силу. Доверие к ним создавалось дополнительно свободным разменом кредитных денег на золото как на материализованное богатство.

Если функция сокровища, создающего золотой запас, была функцией золота как действительных денег, то новая функция — обеспечение доверия кредитным деньгам, была функцией золота как драгоценного товара, а не как товара-денег. Подтверждением является то, что даже в период расцвета золотого стандарта золотые монеты больше выступали как гаранты кредитных денег, но не только как деньги, а для этого достаточно было их минимальных количеств. И, действительно, мы видим, что доля золотых монет в обращении неуклонно снижалась, а доля кредитных денег возрастала (см. табл. 2).

С переходом к государственно-монополистическому капитализму необходимость обеспечивать доверие к кредитным деньгам внутри стран с помощью золота отпала, она сохранялась лишь в международных отношениях.

Структура денежного обращения Англи, Франции и США (1815—1913 гг.) (на конец года, в % к общей массе обращающихся средств)

Форма денег	1815	1848	1872	1892	1913
Металлические:	67	63	41	24	13
золото	33	17	28	16	10
серебро	34	46	13	9	3
Кредитные:	33	37	59	76	87
банкноты и билонная монета	26	20	32	22	19
остатки на чековых депозитах	6	17	27	54	68
Итого, млрд. долл.	1,0	1,6	4,3	8,1	19,8

Источник: Triffin R. Our International Monetary System: Yesterday, Today and Tomorrow N. J. Random House, 1968, p. 26.

Дело в том, что веками функцию мировых денег выполняло золото. Будучи материализованным богатством, оно служило универсальным платежным средством, которое принималось во всех уголках земного шара. С развитием капитализма, интеграционных процессов и интернационализации национальных хозяйств золото стало вытесняться и из международных расчетов. Как и во внутреннем обращении, непосредственно вытеснение золота было вызвано развитием кредита, обусловленным переходом во внешнеторговых операциях от купли-продажи товаров за наличные деньги к сделкам за счет заемных средств, расширением и углублением практики постоянной отсрочки окончательного сальдирования взаимных обязательств между государствами, широкими кредитными связями фирм и банков разных наций и народов.

В отличие от условий построения национальных денежных систем в международных отношениях действительные мировые деньги — золото, не были заменены действительными международными кредитными деньгами в форме банкнот. Их просто не было, и мировое ка-

питалистическое хозяйство оказалось перед необходимостью использовать в качестве суррогата мировых денег национальные кредитные деньги наиболее могущественной капиталистической державы. Так на роль мировых денег сначала выдвинулся фунт стерлингов, а затем — доллар США.

Если уход золота из внутреннего обращения компенсировался усилением регулирующей деятельности государства и эмиссионных банков по поддержанию доверия к банкнотам юридическими нормами или их товарным обеспечением, то за пределами национальных границ данные факторы не обладали достаточной эффективностью, чтобы обеспечить, например, доллару возможность функционировать в роли мировых денег. Потребовались дополнительные формы обеспечения доверия, в частности, золотом, что и проводило американское правительство вплоть до августа 1971 г. Действие же в этом плане межбанковских соглашений и таких международных организаций, как Международный валютный фонд (МВФ) и Банк международных расчетов (БМР), было ограниченным, ибо сами страны-участницы опасались наделять доллар слишком большой силой власти. Поэтому ни доллар, ни другая национальная валюта не могли первоначально выступать в роли мировых денег без реального золотого обеспечения. В этом одна из причин того, что, несмотря на высокие издержки накопления и хранения золота, центральные банки еще продолжают удерживать золотые запасы.

4. Функция распределения и перераспределения прибавочной стоимости

Данная денежная функция не принадлежит к числу классических. Мы ее выделили потому, что при капитализме деньги принимают на себя еще одну задачу — распределять и перераспределять созданную за счет эксплуатации прибавочную стоимость.

Строго говоря, деньги с давних пор время от времени служили инструментом перераспределения богатства путем неэквивалентного обмена. Это происходило в те времена, когда правительства прибегали к порче монет или выпуску бумажных денег, получая таким путем

средства для ведения войны или на другие непроизводительные нужды. Приведем пример, который дает яркое представление о такого рода свойстве денег.

Во время осады Альхамы в 1483 г. (война Реконкисты с маврами в Испании) казна графа Тендильи была настолько опустошена, что не было золота и серебра даже на выплату жалованья солдатам, которые начали роптать, так как не имели денежных средств для приобретения необходимых им товаров. Чтобы разрешить проблему, командир выдал им клочки бумаги, на которых проставил различные цифры, большие или маленькие, как этого требовал обмен, и подписал их собственноручно. Граф в свою очередь выпустил манифест, в котором приказал населению Альхамы принимать клочки бумаги по той цене, что была на них написана, обещая выкупить их в будущем за золото и серебро. Население, обнадеженное таким обещанием, а также боясь ослушаться приказа, стало принимать их как настоящие деньги без малейших колебаний. Здесь, как видим, неэквивалентный обмен совершился в пользу солдат и графа.

Для докапиталистических отношений такая функция была нетипична, как в целом нетипичны порченые монеты и бумажные деньги. Лишь при капитализме получила развитие функция распределения и перераспределения прибавочной стоимости. Дело в том, что созданная прибавочная стоимость не остается у своих истоков, а постоянно перераспределяется между различными капиталистами. Происходит это уже на фазе обращения капитала с помощью денег. Наиболее наглядно неэквивалентный обмен обнаруживается в обращении ссудного капитала ($D - D'$). Менее наглядно, но все же довольно очевидно он проявляется в обороте торгового капитала ($D - T - D'$).

Понятие неэквивалентного обмена и вульгарная теория создания дополнительной стоимости при обмене — это разные вещи. К. Маркс решительно критиковал тех экономистов, которые считали, что промышленные капиталисты получают прибыль благодаря тому, что все товары продаются дороже, чем стоит их производство. Рассматривая формулу $D - T - D$, он отмечал, что «деньги обмениваются на товар для того, чтобы этот же товар снова обменять на большее количество денег, так

что крайние члены D и D различны, если не качественно, то количественно. Такое количественное различие предполагает обмен неэквивалентов...»⁴³ В то же время К. Маркс подчеркивал, что ни эквивалентный обмен, ни неэквивалентный обмен не создают стоимости. «...Если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, а если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создают никакой стоимости»⁴⁴. Эта стоимость, как известно, создается рабочей силой. Но коль скоро она создана, то ее отчуждение от рабочего и перераспределение среди всех эксплуататорских классов общества осуществляется с помощью неэквивалентного обмена.

Неэквивалентность обмена. Выделив этот раздел, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет о распределении и перераспределении прибавочной стоимости, создаваемой за счет эксплуатации наемного труда.

Неэквивалентность обмена основывается на том факте, что промышленный капиталист всегда бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем из него извлекает, и, наоборот, бросает в обращение стоимостей в товарной форме больше, чем извлекает оттуда в товарной форме. «Поскольку он функционирует лишь как олицетворение капитала, как промышленный капиталист,— отмечал К. Маркс,— постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. Поэтому, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, то это означало бы, что его капитал не возрастает по стоимости; капитал не функционировал бы как производительный капитал; производительный капитал превращался бы в товарный капитал, не оплодотворенный прибавочной стоимостью...»⁴⁵

Перераспределение прибавочной стоимости за счет неэквивалентного обмена оказывается возможным благодаря тому, что при капитализме принцип «равный труд за равный» заменяется принципом «на равный капитал равную прибыль». В результате выражение неравенства через фиктивное равенство доходит до высшей точки. Равенство выгод у капиталистического товаровладельца — это уже не равенство одинаковых за-

трат труда, а равенство выгод одинаковых издержек и одинакового дохода.

Представляя стоимость через денежный капитал и не обладая своей собственной абстрактной стоимостью, кредитные деньги более эластичны, чем товар-деньги в выполнении задачи переноса и перераспределения прибавочной стоимости путем неэквивалентного обмена. В условиях обращения товара-денег, «хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей,— писал К. Маркс,— но такое отклонение является нарушением законов товарообмена. В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости»⁴⁶.

Наоборот, при обращении кредитных денег отклонение от стоимостей благодаря цене производства является законом товарооборота, и потому таким же законом может считаться неэквивалентный обмен. «Дешево купить, чтобы дорого продать,— вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов,— подчеркивал К. Маркс, касаясь движения купеческого капитала.— Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости»⁴⁷.

Неэквивалентный обмен становится одной из главных движущих сил развития капитализма. Он способствует переливу капитала из одной отрасли в другую, по-новому формирует классовую структуру общества (не по сословным привилегиям, а по доходам), усиливает и доводит до глубокого антагонизма классовые и межгосударственные противоречия.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ

До сих пор нами рассматривались товар-деньги и кредитные деньги изолированно друг от друга, что облегчало их теоретический анализ, но создавало определенную оторванность этого анализа от реальной действительности. Несколько абстрактно разбирались и функции денег, хотя и отмечалось, что все эти функции выполняются в действительности, как правило, не одной, а двумя-тремя формами денег. Все это затрудняло получение общей картины становления денег и их эволюции от простых систем, основывающихся на обращении денежного товара, до сложных структурных построений кредитных взаимосвязей и взаимозависимостей, ядром которых становится обращение банковских билетов. Данная глава восполняет этот пробел.

1. Эволюция внутренних денежных систем

Как уже указывалось, денежные системы развивались поэтапно. На первом этапе, соответствовавшем эпохе разложения первобытнообщинного строя, они базировались на обращении денежного товара в виде скота, мехов, соли, рыбы и т. д. На втором этапе, в эпоху рабовладельческого и феодального строя, когда обмен вызывался требованиями простого товарного производства, они основывались на товаре-деньгах, выступавшем в форме серебряных и золотых слитков и монет. Капитализм свободной конкуренции и монополистический капитализм дали третий этап эволюции денежных систем, когда наряду с товаром-деньгами в обращение интенсивно внедрялись совершенно новые формы действительных денег — кредитные деньги. Это было время параллельного обращения, единства и противо-

борства золота и банкнот. Наконец, период государственно-монополистического капитализма стал периодом четвертого этапа развития денежных систем, когда золото повсеместно ушло из внутреннего обращения и кредитные деньги получили абсолютное господство.

Вместе с тем, несмотря на такую довольно четкую градацию этапов, нельзя сказать, что они всегда выступали в чистом виде, т. е. обращение только денежного товара сменялось обращением только товара-денег, а товара-денег в свою очередь — обращением только кредитных денег, или что параллельное обращение имело место только в период выделенного нами третьего этапа. Не было даже того, чтобы примитивные формы денег (у товара-денег это слитки, а у кредитных денег — простые векселя) полностью бы были заменены в ходе эволюции более сложными их формами (соответственно монетами и банкнотами). Имела место лишь поэтапная смена господствующих или доминирующих форм денег, при которой обращались практически все оставшиеся от прошлого виды и формы денег, хотя их роль и значение прогрессивно уменьшались до ничтожно малых величин. Экономически это находит объяснение прежде всего в многоукладности экономики.

Многоукладность экономики и смешанные денежные системы. Утверждение, что каждому способу производства соответствуют свои формы денег, не противоречит тому, что, например, в условиях монополистического капитализма денежные формы были разнообразными, а не сводились лишь к одним кредитным деньгам и что в настоящее время кредитные деньги обслуживают, помимо кругооборота капитала, также и простую меновую торговлю.

Согласно ленинскому учению о многоукладности экономики ни одна общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности, не существовала в чистом виде. «Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать,— писал В. И. Ленин. — Написать такую систему — это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть

надстройка над старым капитализмом... Стоять на такой точке зрения, что есть цельный империализм без старого капитализма,— это значит принять желаемое за действительность»¹.

В дореволюционной России насчитывалось по крайней мере четыре общественно-экономических уклада: 1) патриархальный, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкотоварный (сюда относилось большинство крестьян из тех, кто продавал хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм и 4) государственный капитализм. А коль скоро каждый уклад имел свою форму денег, то денежная система дореволюционной России включала помимо кредитных денег и золотых монет самые допотопные формы денежного товара. По свидетельству русского экономиста Н. И. Зибера, в русских деревнях даже в конце XIX — начале XX в. коробейники вели активную меновую торговлю с крестьянами. Всякого рода мелочи — иголки, наперстки, ленты, пуговицы, трубки, мыло и т. д. — они обменивали на щетину, пух, заячьи шкурки и др.²

Аналогичное положение наблюдалось и в других странах. Так, во многих районах Соединенных Штатов простая меновая торговля была распространена еще в конце XVII в. В штате Мэриленд законодательным собранием были даже установлены относительные пропорции для взаимного обмена табака, масла, хлеба и свинины. Английский экономист Уилльям Сполдинг отмечает, что в 1620 и 1621 гг. в некоторых штатах США денежным товаром был табак. Даже в 1815 г. мальчишки еще бегали по улицам с криками: «Соли за свечи, табаку за хлеб!» и т. д.

Многоукладность характеризуется не только тем, что каждая общественно-экономическая формация содержит остатки прошлых эпох, но и тем, что она несет в себе ростки или элементы более передового общественного строя. Уже в рабовладельческих Греции и Риме существовали первые формы капитала: ростовщический и торговый, которые являлись экономической базой для появления зародышей кредитных денег. Это были обычные долговые обязательства, которые не имели самостоятельного хождения. Но, оставаясь на руках у кредиторов, они обеспечивали выполнение денежным товаром, а также серебром и золотом платежных функций.

Первоначально ссуды предоставлялись в натуральной форме. Ссудой мог быть скот, хлеб и т. д. Получив в ссуду, например, корову, должник обязан был через год вернуть ее с теленком; полученное в ссуду зерно заемщик должен был возратить с надбавкой. Денежные ссуды стали возможными лишь после того, как товарное производство и денежное обращение достигли известного уровня. Но и тогда при нарушениях процесса воспроизводства (неурожай, падеж скота и т. д.) производитель, слабо связанный с рынком и потому не имеющий денежных резервов, попадал в зависимость от владельца денег, который становился всемогущим, поскольку постоянно отдавал эти деньги в рост. Жесткие законы позволяли кредиторам превращать в рабов несостоятельных должников, что как нельзя лучше подтверждало действительность кредитных обязательств.

По мере зарождения капиталистических отношений в недрах феодального общества кредитные деньги получили дальнейшее развитие. Так, в позднем средневековье платежи наличными были господствующей формой платежей. В то время в таких торговых центрах, как Лондон и Гамбург, считалось, что солидный торговец должен вести свои операции только с собственным капиталом, а не с заемным. Но уже тогда все большее распространение получали векселя. Товарные векселя в начале своего развития и товарные векселя конца средних веков весьма существенно отличались друг от друга. Если до конца XVII в. товарный вексель оставался на руках у кредитора до наступления срока платежа и отличался неподвижностью, то в последующем путем использования передаточной надписи он превратился в кредитное средство обращения.

Рост рынка и необходимость переводить вырученные за проданные товары суммы из одной местности или страны в другую вызвали появление денежных векселей. Денежный вексель — это расписка о взносе определенной суммы денег в определенном месте в определенной валюте и обещание выплатить эту сумму в другом месте в местной валюте. Денежные векселя по преимуществу служили средством платежа при заграничных операциях, они избавляли плательщика от перевоза золота и серебра. С XV в. денежные векселя превращаются в кредитные векселя. Кредитный вексель — это приказ

о выплате частично или полностью указанной в нем суммы в известной валюте с процентной надбавкой. Сумма предоставлялась «банкиром», выписавшим вексель на другого «банкира». Распространение денежных и кредитных векселей привело к возникновению зачетных или клиринговых операций. Но лишь на базе кредитной системы, сложившейся при капитализме, клиринг достиг своей вершины и тем самым завершил развитие кредитных денег в функции платежного средства.

Влияние многоукладности экономики на деньги сопровождается и обратным влиянием денег на производственные отношения. Так, товар-деньги сыграл важную роль в разложении феодализма. Превращение ренты, оброков, податей, налогов из натуральной формы в денежную ускорило превращение натурального хозяйства в товарное. «Порча монеты в XIV—XVI вв., уменьшив реальные размеры арендной платы, сделала положение арендатора более выгодным,— пишет советский экономист В. Т. Кротков.— В XVI в. это социальное действие порчи монеты усугубляется прогрессивным падением стоимости денег, что нашло свое выражение в «революции цен». Цены на хлеб, на шерсть, мясо и другие сельскохозяйственные товары поднялись в 3—4 раза»³. При наличии арендных договоров на срок до 99 лет арендаторы быстро превращались в товаропроизводителей.

В свою очередь кредитные деньги разрушали простое товарное производство. В. И. Ленин отмечал, что «население страны с слаборазвитым (или вовсе неразвитым) товарным хозяйством представляется почти исключительно земледельческим... Развитие товарного хозяйства означает, следовательно, *eo ipso** отделение все большей и большей части населения от земледелия»⁴. Развитие денег в функции платежного средства сопровождалось образованием в деревне, с одной стороны, наемных рабочих, с другой — капиталистической верхушки.

Отношения кредитора к должнику неизбежно вели к личной зависимости последнего, к кабале, к тому, что кредитор стремился использовать в своих интересах любые затруднения должника. «...Постоянно нуждающийся в

* Тем самым. (Прим. редактора 3-го тома сочинений В. И. Ленина).

деньгах крестьянин занимает деньги у скупщика и потом отдает за долг свой товар,— отмечал В. И. Ленин.— Сбыт товара в этом случае (имеющем очень широкое распространение) всегда происходит по искусственно пониженным ценам, не оставляющим часто в руках кустика и того, что мог бы получить наемный рабочий... чем дальше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы...»⁵

Таким образом, хотя денежный товар возник во времена разложения патриархального хозяйства, благодаря многоукладности экономики он продолжал существовать в ряде стран вплоть до монополистического капитализма; хотя товар-деньги развивался на базе простого товарного производства, они продолжали по той же причине многоукладности находиться в обращении до стадии государственно-монополистического капитализма, а в виде золотого запаса существуют и поныне; хотя кредитные деньги есть продукт капиталистических производственных отношений, они были известны в далекой древности и только в последнее время стали почти единственной формой денег. Однако и денежный товар, и товар-деньги, и кредитные деньги достигали своего расцвета и приобретали наибольшее значение лишь в те промежутки истории, когда достигали своего расцвета производственные отношения, которым имманентна та или иная форма денег.

Многоукладность не является единственной причиной длительности процесса замещения одних форм денег другими. Другая причина заключается в функциональных особенностях денег.

Функциональные особенности золота и кредитных денег. Рассмотрим эту же проблему не с точки зрения производственных отношений, а с чисто денежных позиций, т. е. на основе анализа функций денег. А поскольку главный интерес для нас представляет золото и кредитные деньги, то ими мы главным образом и ограничим исследование.

Нами уже отмечалась историчность возникновения и исчезновения денежных функций: первой денежной функцией была функция меры стоимости, затем — сокровища, покупательного средства, средства платежа, накопления, перераспределения прибавочной стоимости. Применительно к отдельным формам денег это выра-

жается следующим образом: денежный товар обладал функциями меры стоимости, сокровища, покупательного средства; товар-деньги — функциями меры стоимости, сокровища, покупательного средства и средства платежа; кредитные деньги — меры стоимости, покупательного средства, средства платежа, накопления, перераспределения прибавочной стоимости.

Функциональные различия перечисленных форм денег не означали, что каждая из этих форм не выполняла тех функций, которые были присущи другой форме денег. В период совместного обращения золота и кредитных денег золото выполняло кроме своих функций также функции своего партнера (функции накопления и перераспределения прибавочной стоимости), а кредитные деньги в свою очередь — функцию золота (сокровища). Но эти функции для них были как бы «чужими», а потому не могли осуществляться должным образом.

Возьмем функции накопления и сокровища. Пожалуй, лишь в период первоначального накопления (в качестве ростовщического капитала) золото в этой функции играло созидательную роль, так как подготавливало этим приход нового общественного строя. Но как только капитализм утвердился, положение изменилось. Хотя вкладчик по-прежнему мог положить золото в банк в виде капитала и получать по нему проценты (т. е. накапливать капитал), сам банк уже не мог под проценты выдавать золото заемщикам — капиталист считал для себя дорогим удовольствием получать ссуду наличными в виде золотых слитков или монет. В банковских резервах, таким образом, золото превращалось в скрытый денежный капитал, в котором как бы «затвердевала» прибавочная стоимость. Мало того, хранение золота требовало от банка несомненно бóльших расходов, чем хранение кредитных денег.

Кредитные деньги, конечно, можно прятать «в чулок» и там их концентрировать, что и имеет место среди мелких товаропроизводителей и крестьян. Но это противоречит самой природе этих денег, ибо одна из их особенностей — мобилизация мелких и мельчайших сбережений на нужды кругооборота капитала. Кредитным деньгам чужда статика, они могут нормально существовать лишь в непрерывном движении и самовозрастании. Такого рода противоречие разрешалось постепенно,

вследствие чего также постепенно золото заменялось кредитными деньгами.

Другое противоречие (или причина) заключалось в изменении тех требований, которые денежные функции предъявляли к деньгам. Так, функция средства обращения первоначально выступала преимущественно как функция покупательного средства. И здесь золото успешно справлялось со своей миссией. Но когда обращение товаров стало все более осуществляться с помощью функции платежа, золото уже не могло обходиться без кредитных денег, ибо каждое платежное соглашение сопровождалось выпиской векселя или иного платежного обязательства. В то же время и кредитные деньги в функции платежа долгое время не могли обходиться без золота. Вначале они самостоятельно выполняли ее лишь в той мере, в какой имела место взаимная компенсация векселей, чеков и расчетных денег. Золото служило средством уравнивания окончательного баланса и оставалось в качестве покупательного средства и средства платежа в мелком обороте. Затем, после того как в полной мере развилась банкнота, кредитные деньги вытеснили золото из обращения, так как с ее помощью стало возможным осуществлять в национальных рамках окончательный расчет и прочие наличные платежи.

Второй пример — функция меры стоимости. Вначале для ее действия требовался товар с собственной абстрактной стоимостью. Затем по мере того как мера стоимости стала осуществляться на базе меновой стоимости, такая необходимость отпала. «Когда я... писал, что «деньги более или менее потеряли характер товара с собственной стоимостью», — отмечал Е. Варга, — то я этим хотел только характеризовать историческое развитие: в докапиталистическое время и даже еще в период раннего капитализма золото (а также серебро и медь) служит деньгами потому, что оно в своей нечekanенной натуральной форме имеет потребительную стоимость и в качестве продукта труда — также стоимость. При появлении монеты в центре внимания стояло количество содержащегося в ней золота (монета взвешивалась, ее проба проверялась и т. д.). При капитализме стертая монета функционировала как полноценная, а банкноты и бумажные деньги обращаются наравне с одноименными золотыми монетами»⁶. Золото само подготовило усло-

вия для своего ухода. Коль скоро его абстрактная стоимость перестала влиять на цены товаров, то исчезновение его из обращения протекало для цен и меновых соотношений незаметно, пока через некоторое время не начали проявляться новые пропорции, возникающие в связи с выделением масштаба цен в самостоятельную функцию.

Третий пример — функциональная особенность золота как товара. В разделе о золотом запасе отмечалось, что в период совместного обращения золото помимо денежных функций выполняло еще и функцию обеспечения доверия к кредитным деньгам. Это было необходимым до тех пор, пока доверие к кредитным деньгам не стало полностью обеспечиваться силой государственной власти и банками.

Во время зарождения кредитных денег государство и банки были еще довольно слабыми экономическими институтами. Поэтому кредитные деньги получали доверие в значительной степени благодаря золоту. Акт Р. Пиля требовал их стопроцентного обеспечения золотом. Постепенно практика показала, что банк мог выпускать банкноты, не опасаясь попасть в затруднительное положение из-за недостатка золота для целей обмена, в иной, чем стопроцентная, пропорции. Золотое обеспечение стало снижаться до 50, 30, 25% и т. д. Кроме того, по мере развития капитализма банки значительно расширили свои возможности по осуществлению контроля над товарооборотом, что обеспечило им, а следовательно, и их кредитным деньгам, довольно высокую степень доверия. Со своей стороны государство, национализировав эмиссионные банки, обеспечило кредитным деньгам экономическую основу в виде всех обращающихся на внутреннем рынке товаров. Необходимость в обеспечении доверия кредитным деньгам с помощью золота отпала и оно уже больше не служило во внутреннем обращении для этих целей.

Даже ведущая капиталистическая денежная единица — доллар была лишена прямой связи с золотом. Акт о золотом резерве от 30 января 1934 г. не только запрещал чеканку золотых монет, обращение и хранение золота и золотых сертификатов без лицензии казначейства США, но и ликвидировал законодательную фиксацию золотого содержания доллара (пункты 8 и 9 этого

акта позволяли министру финансов, с одобрения президента США или без такового, менять данное содержание в пределах от 35 до 42 долл. за 1 тр. унцию; лишь с 1945 г. эти полномочия были переданы конгрессу США) и золотое обеспечение долларовых банкнот (все золото, принадлежавшее резервным банкам, было передано казначейству в обмен на золотые сертификаты).

Функциональная особенность золота как товара проявилась еще и в том, что, будучи сгустком человеческого труда, оно делало достаточно высокими издержки обращения. Деньги сами по себе требовали больших непроизводительных расходов, которые шли на дополнительную добычу золота для монетарных целей, его чеканку, замену стершихся монет на новые и т. д. На эти цели отвлекалась и часть рабочей силы, которую можно было использовать в производстве более полезных обществу потребительных стоимостей. Сокращения издержек обращения требовали и законы прибыли. Отсюда тенденция свести издержки обращения к минимуму, заменив металлические деньги кредитными.

Особенности формирования национальных банковских систем. Кроме указанных моментов совместное обращение золота и кредитных денег объяснялось длительностью процесса созревания институционных основ кредитных денег — банковских систем. В судьбе кредитных денег банки сыграли наиболее важную роль. Как уже отмечалось, они фактически создали кредитные деньги и, что не менее важно, обеспечили им требуемое доверие. Поэтому от того, как в той или иной стране формировалась банковская система, зависело, насколько быстро и успешно кредитные деньги отвоевывали позиции у благородных металлов и как конкретно протекал процесс вытеснения золота и переход денежных систем в кредитно-денежные.

Обзор развития банковских систем в Англии, Франции, Германии и США может дать довольно полное представление о сложном и противоречивом характере данного явления.

Английский банк, учрежденный в 1694 г., был первым капиталистическим банком современного типа. Он основан Ассоциацией государственных кредиторов, которая предоставила правительству заем в 1200 тыс. ф. ст. В связи с неоднократными займами сумма правитель-

ственного долга постоянно увеличивалась. Затем банк получил право принимать вклады и выпускать банкноты. Однако эти банкноты скорее были выражением фиктивного, а не денежного капитала и по существу мало чем отличались от ценных бумаг: были именными, переходили из рук в руки с передаточной надписью и по ним выплачивались проценты. Действительными же деньгами были широко обращавшиеся в то время банкноты «золотых дел мастеров», которые, хотя и назывались банкнотами, фактически были золотыми, а не кредитными деньгами, так как имели 100-процентное покрытие и были тесно связаны с ювелирным промыслом.

В 1833 г. банкнотам Английского банка была придана сила законных платежных средств на территории Англии. Но сам банк, согласно этому постановлению, должен был по требованию производить платежи не банкнотами, а золотыми монетами. Согласно принятому затем акту Пилля банк мог выпускать банкноты, не обеспеченные золотом, только на 14 млн. ф. ст. Данная сумма обеспечивалась правительственным долгом и ценными бумагами. Для других банков и банкиров был установлен еще более жесткий контингент непокрытых банкнот, а именно для всех 207 частных банков и банкиров — 5,1 млн. ф. ст., и для 97 акционерных банков — 12,9 млн. ф. ст.

Таким образом, несмотря на широкое распространение в стране банкнот, они лишь на 32 млн. ф. ст. (14 млн. + 5,1 млн. + 12,9 млн.) являлись кредитными деньгами, остальные же банкноты были не чем иным, как сертификатами на металл. Обращение таких на 100% обеспеченных золотом банкнот было по существу равносильно обращению золотых монет.

Вследствие того, что банкнотная эмиссия в Англии оказалась как бы связанной, а развитие капитализма требовало быстрого роста денежных средств обращения, в стране начали ускоренно распространяться другие виды кредитных денег, главным образом акцептованные векселя и чеки. Имея широкий простор для выпуска такого рода кредитных денег в связи с мощным ростом товарооборота в Англии в течение всего XIX в., банки развивались в первую очередь как банки депозитно-эмиссионные. Организованная еще в 1775 г. Расчетная палата дала возможность этим банкам широко прак-

тиковать не только внутрибанковский, но и межбанковский жирооборот, а это, как известно,—необходимое условие депозитно-чековой эмиссии. В итоге в 1929 г., т. е. накануне краха золотого стандарта, в Англии находилось в обращении обеспеченных золотом банкнот — на 162 млн. ф. ст., необеспеченных золотом банкнот — на 260 млн. ф. ст. и кредитных требований и обязательств — на 2600 млн. ф. ст.

После кризиса 1929—1933 гг. золотое покрытие банкнот перестало играть какую-либо роль. В 1952 г. необеспеченных золотом банкнот было выпущено на сумму 1450 млн. ф. ст., в 1971 г.—3650 млн., в 1973 г.—4625 млн. ф. ст.

Французская банковская система ведет свое начало с величайшего кредитного эксперимента шотландца Джона Ло. Исходя из того, что кредит создает покупательную силу, также как и золотые деньги, и полагая, что кредит — это капитал, Джон Ло создал проект подъема благосостояния Франции за счет выпуска кредитных банковских билетов. По его мнению, эмиссия банковских билетов увеличивала массу капитала и тем самым обогащала Францию. Конечно, на деле все это оказалось иллюзией. Выпущенные на огромную по тому времени сумму без всякого соответствия с потребностями оборота капитала банкноты Джона Ло оказались не чем иным, как представляющими фиктивный капитал квазикредитными деньгами. Не имея достаточной базы в лице действительного капитала, они стали быстро обесцениваться, а созданный в 1716 г. для их эмиссии Всеобщий банк через четыре года потерпел полный крах.

Таким образом, как и в Англии, кредитная система Франции начиналась с квазикредитных денег, с той лишь разницей, что банкноты Английского банка выпускались под правительственные обязательства, а банкноты Всеобщего банка — под не обеспеченные товарными сделками векселя и ценные бумаги, вследствие чего как за теми, так и за другими не стоял действительный капитал, из которого можно было черпать прибавочную стоимость.

Эксперимент Джона Ло надолго подорвал доверие к кредиту во Франции. Длительное время кредитные функции во Франции выполняли мелкие банкиры, сбор-

щики податей и нотариусы. Только в 1776 г. был учрежден просуществовавший до 1793 г. Эмиссионный банк под названием «Касса учета». В дальнейшем (1796—1800 гг.) было открыто три частных эмиссионных банка, а в 1800 г. по инициативе Наполеона был организован Центральный эмиссионный банк — Банк Франции, за которым в дальнейшем было закреплено монопольное право банкнотной эмиссии. Хотя последний был создан как частный акционерный банк, он с начала своего возникновения по существу был государственным банком, точнее проводником государственной кредитно-денежной политики, государственным кассиром, а также органом, финансирующим госбюджет.

Отличительная черта французской банкнотно-эмиссионной системы — отсутствие каких-либо обязательств золотого покрытия банкнот. Банк Франции был связан только одним обязательством: по требованию разменивать банкноты на золото. Однако правительство в критические периоды каждый раз отменяло это обязательство, банк практиковал установление максимального предела эмиссии, который время от времени пересмагивался в сторону повышения. По этой причине французская система была более эластичной, чем английская, а банкнота являлась не золотым сертификатом, а реальным представителем кредитных денег, хотя и перерождающимся время от времени (революция, войны и т. д.) в знак денег. Лишь в 1928 г. принцип максимума эмиссии был отменен и установлено обязательное 35-процентное покрытие всей суммы банкнот и депозитов Банка Франции. Это была запоздалая не связанная с экономической необходимостью дань золотому фетишу, что и было доказано после кризиса 1929—1933 гг., когда любое золотое покрытие потеряло всякий смысл для внутреннего обращения банкнот.

В Германии банковская система современного типа начала складываться из государственных и ипотечных банков. Первый прусский банк, кредитовавший дворянское землевладение, организуется в 1770 г. К этому же времени относится появление Государственного банка Пруссии для морской торговли, Баварского государственного банка, государственных и муниципальных сберкасс. Однако с начала XIX в. ведущими становятся частные банки. Появляются крупные банкирские фирмы,

которые, финансируя правительства различных стран, а также проводя в больших масштабах спекулятивные и торговые операции, распространяют сферу своего влияния далеко за пределами Германии. Так возникли банкирские дома Ротшильдов в Вене, Париже и Лондоне, Шредера и Беринга в Лондоне, Спейера, Тельмана и других в Нью-Йорке и т. д.

Бурный рост германского промышленного капитализма во второй половине XIX в. привел к образованию целого ряда крупнейших акционерных депозитных банков, так называемых кредитных банков, которые сосредоточили свои операции на финансировании промышленности. В целом же отличительной особенностью германской банковской системы было наличие широкой сети сберегательных касс и жиро-центральных — специальных банков, объединяющих жирооборот главным образом сберегательных касс, а также разного рода учреждений, пользующихся жирооборотом, например городских самоуправлений, общин и пр. Сосредоточивая в своих руках крупные жиро-вклады, эти банки вели обширные активные операции в области краткосрочного, долгосрочного и в особенности коммунального кредита.

И вместе с тем банкнотная эмиссия в Германии долгое время оставалась распыленной и дезорганизованной. Первый банкнотно-эмиссионный банк — «Королевский банк» был основан в Берлине в 1765 г. С начала XIX в. в отдельных немецких княжествах появляются и частные эмиссионные банки, учреждаемые на акционерных началах. К 1857 г. на территории 20 таких государств функционировало 30 самостоятельных банкнотно-эмиссионных банков.

С образованием сначала Северо-германского союза государств, а позднее, в 1871 г., Германской империи, создалась почва для централизованного регулирования банкнотной эмиссии. В 1875 г. был учрежден Имперский банк («Рейхсбанк»), эмиссия банкнот которого подчинялась строгой регламентации: для банка устанавливается предел непокрытых золотой наличностью банкнот, выпуск их сверх этого предела облагался 5-процентным годовым налогом в пользу государства. За «Рейхсбанком» была закреплена большая часть всего контингента непокрытых банкнот (250 млн. марок из общей суммы 385 млн. марок), а для всех остальных

33-х эмиссионных банков этот контингент составлял всего 135 млн. марок. Последние, кроме того, были связаны разного рода обязательствами (запрещение акцепта, сделок на срок и др.), цель которых — побудить эти банки отказаться от права банкнотной эмиссии, что фактически и произошло. Тем не менее даже банкноты «Рейхсбанка» были объявлены законным платежным средством лишь в 1909 г.

После поражения Германии в первой мировой войне, когда контроль над «Рейхсбанком» перешел в руки стран Антанты, принципы эмиссии банкнот под давлением извне были изменены. Согласно новому закону, банкноты «Рейхсбанка» должны были покрываться золотом и иностранной валютой, разменной на золото, не менее чем на 40%, а остальная часть обеспечивалась векселями и чеками.

В Германии, таким образом, имело место классическое поэтапное развитие кредитных денег от простейших вексельных форм, создаваемых частными банками, до таких сложных их разновидностей, как расчетные деньги жироцентралей и банкноты «Рейхсбанка». При этом роль золота была минимальной.

Банковская система США начала формироваться позднее, чем в других развитых капиталистических странах. Созданная в 1863—1865 гг. система банкнотной эмиссии была не менее нелепой, чем система банкнотной эмиссии Англии. Закон связывал эмиссию банкнот с приобретением эмитирующими банками облигаций государственных займов, что противоречило природе кредитных денег, которые призваны были обслуживать кругооборот капитала, а не расходы государственного бюджета. Подобное регулирование банкнотной эмиссии создавало большие помехи для американского капитализма и потому потерпело провал, закончившись грандиозным крахом 1907 г.

Поскольку подобное банковское законодательство не в состоянии было задержать экономическое развитие, в США, как и в Англии, получили широчайшее распространение другие формы банковской эмиссии, а именно — депозитно-чековая. Эта форма базировалась на деятельности многочисленных банков различных размеров и состояний. На 30 июня 1928 г. в США насчитывалось 26 213 банков публикующих отчеты (reporting banks).

Американская статистика классифицировала их на шесть групп: национальные банки, банки штатов, взаимные сберегательные банки, национальные сберегательные банки, траст-компании и семейные банки.

Национальные банки первоначально были преимущественно банкотно-эмиссионными, выполнявшими функции ссудно-денежного кредита. Впоследствии они лишились права банкотной эмиссии и стали широко выполнять функции финансирования промышленности. Такой же характер имели банки штатов. От национальных банков они отличались главным образом своими размерами (часто громкое название «банк штата» имело маленькое сельское банковское учреждение). Траст-компании наряду с разнообразными комиссионными операциями сначала занимались капитальным долгосрочным кредитованием. Затем они стали практиковать депозитные операции и краткосрочное кредитование. Взаимные сберегательные банки, построенные на кооперативной основе, занимались аккумуляцией мелких сбережений и осуществляли сравнительно долгосрочные вложения, поскольку открывали не текущие счета, а счета по срочным вкладам (многие из этих банков принимали вклады только с условием предупреждения об их изъятии за один, два или три месяца). Семейные банки, хотя и осуществляли все виды банковских операций, но преимущественно занимались спекуляцией ценными бумагами, валютой и т. д.

Специфика банковской системы США — наличие сети рабочих кооперативных банков и потребительского кредита, предоставляемого как непосредственно коммерческими банками, так и так называемыми финансовыми компаниями. В результате функция покупательного средства в США оказалась почти полностью вытесненной функцией платежа. Даже расход заработной платы рабочих осуществлялся там со специальных кредитных карточек. Поэтому в США был традиционно низкий уровень золотых и серебряных монет в обращении (на 30 апреля 1929 г. менее 6% общего объема наличной денежной массы в обращении).

Возникновение первого рабочего кооперативного банка относится к 1920 г., а в 1927 г. их было 33 с капиталом 9,4 млрд. долл. Эти банки занимались активными и пассивными операциями как обычные депозит-

ные банки, но их непосредственной целью было создание финансовой базы для деятельности данного профсоюза. Они учреждались либо профсоюзами непосредственно, либо потребительскими кооперативами последних и оказывали им поддержку как в экстраординарных случаях (во время забастовки), так и в повседневной работе.

Потребительский кредит в США получил распространение в двух формах: непосредственного кредитования товарами потребителей и выдачи ссуд для приобретения предметов потребления. Банки и компании, выдавая ссуды потребителям для покупки за наличные или торговцам для продажи в рассрочку предметов длительного пользования и высокой ценности (автомобилей, тракторов и т. д.), затем учитывали полученные от торговцев или потребителей векселя или же получали ссуды в других банках под свои собственные обязательства. Таким образом почти полностью исключалось наличное обращение денег.

Появление разнообразных форм кредитных денег и их повсеместное распространение позволили американскому капитализму в течение длительного времени успешно обходиться без общенационального и строго регламентированного банкнотного обращения. Американская банкнота, таким образом, спокойно вызревала вплоть до империалистической стадии развития американского капитализма. Лишь в 1913 г. законом от 23 декабря была создана Федеральная резервная система (ФРС), что коренным образом изменило кредитно-денежную систему США. Создалась централизованная, с жестким государственным контролем система банкнотной эмиссии, которая положила конец эмиссионной самостоятельности штатов и ликвидировала царившую до тех пор анархию в национальном денежном обращении. Федеральный резервный акт установил 40-процентное покрытие всей суммы банкнотной эмиссии наличным золотом; остальные 60% — товарными и банковскими векселями.

Вся территория страны была разбита на 12 округов, в центре которых учреждались федеральные резервные банки. Это по сути дела «банки банков», поскольку их акционерами являются исключительно банки — члены ФРС.

Федеральные резервные банки сосредоточивают у себя наличные резервы всей ФРС. Кроме того, они являются также центрами междубанковского жирооборота. В Вашингтоне концентрируется жирооборот между федеральными резервными банками. Этим банкам разрешено также учитывать векселя, выдавать ссуды под золото, покупать и продавать ценные бумаги и т. д. Однако, поскольку главная их задача заключается в регулировании денежного обращения и кредита США, их активные операции не являются самоцелью, а служат лишь средством для выполнения этой задачи.

Создание общенациональной эмиссионной банковской системы и единой, обязательной для всех наличных платежей, банкноты США подготовили переход страны к чистому кредитно-денежному обращению. Уже в 1929 г., за четыре года до отмены золотого стандарта, в наличном обращении в США находились следующие виды денег и денежных знаков (в тыс. долл.):

Кредитные деньги

Федеральные резервные ноты	1 648 369
Ноты правительства США	276 227
Ноты федеральных резервных банков	3 679
Ноты национальных банков	613 639
Казначейские ноты 1896 г.	1 287

Итого	2,5 млрд. долл.
-------	-----------------

Товар-деньги; их знаки и символы

Золотая монета	372 615
Золотые сертификаты	905 602
Серебряная монета	43 784
Серебряные сертификаты	386 241
Добавочное серебро	281 039
Мелкая монета	114 172

Итого	2,1 млрд. долл.
-------	-----------------

Таким образом, в наличном обороте золото, серебро и их знаки составляли менее 50% денег в обращении. Если же учесть, что с помощью безналичного оборота, т. е. с участием таких форм кредитных денег, как векселя, чеки, расчетные деньги и т. д., в том же году были проведены операции по ссудам и инвестициям на сумму

35,9 млрд. долл., то доля золота и серебра в товарообороте и платежах окажется ничтожно малой. Поэтому серия указов президента от 1933 г. об отмене обращения, хранения, вывоза, а также сдаче в казначейство золотых монет, золота в слитках и золотых сертификатов лишь завершила то, что было подготовлено всем ходом развития денежной системы страны.

* * *

Но вернемся к нашей классификации этапов эволюции денежных систем. Несмотря на всю условность их подразделения, они все же довольно четко характеризуют процесс постепенного превращения денежных систем в кредитно-денежные системы, когда во внутреннем обращении практически нет больше никаких форм денег, кроме кредитных и их производных. Это превращение завершалось в эпоху государственно-монополистического капитализма, потому что к тому времени:

сохранившиеся еще остатки многоукладности экономики в развитых капиталистических странах уже перестали влиять на денежное обращение, а многоукладность развивающихся стран оказалась нейтрализованной действием капиталистических законов денежного обращения, навязываемых извне или проявляющихся внутри страны;

функции денег полностью перестроились на соответствующий капитализму лад, а функциональные особенности золота привели к его окончательному уходу из обращения;

банковские системы достигли столь высокого уровня, что сделали излишним золотое покрытие эмиссии банкнот и наличные расчеты в деньгах, обладающих материализованной в них абстрактной стоимостью.

2. Эволюция буржуазных теорий денег

Теория денег претерпевала изменения чаще, чем другие теории. На это оказывали влияние существующая форма денежного обращения, денежная политика государства, а также практические интересы классов, защищаемых авторами теорий.

Буржуазные теории денег делятся на три главных направления: номиналистическое, металлистическое и банковое. Номиналисты считают деньги условным знаком, декретированным государством или иным органом власти, металлисты отождествляют деньги лишь с благородными металлами, представители банковской школы, хотя и соглашались с тезисом о декретировании денег, все же связывают их обращение с потребностью товарооборота и услуг, а также процентными ставками банков. Все эти направления объединяет количественная школа. Отрицая трудовую теорию стоимости, буржуазные экономисты единодушны в том, что цены товаров зависят от количества денег в обращении.

Номиналистическая теория исторически возникла первой. Основой для нее послужило обращение монет. В отличие от слитков, например, золота или серебра, монета не нуждалась в том, чтобы при каждой сделке ее взвешивали — имеющийся на ней штамп удостоверял определенное количество содержащегося в ней металла. Но монета в процессе обращения истирается либо значительно выпускается с меньшим металлическим содержанием (порченная монета). Между тем, согласно штампу, она претендует на прежнюю ценность.

Штамп, кроме придания ценности монете, создает для нее доверие. Какой бы мимолетной ни была роль монеты в процессе метаморфозы товаров, товаровладелец не решался начать обмен без доверия к этой монете. Он постоянно взвешивал монеты до тех пор, пока на них не появились штампы лиц или учреждений, пользующихся его доверием. Проштампованные куски металла получали широкое признание и подолгу циркулировали без проверки, лишь когда их стала выпускать длительно существующая и всеми признанная организация — государство. Последнее обладало не только требуемым доверием, но и необходимыми средствами поддержания этого доверия. Таким образом, монета не могла появиться без государства. В этом смысле можно сказать, что государство создает деньги.

Отделение металлического бытия монеты в процессе обращения от ее функционального бытия и необходимость постоянного внешнего поддержания доверия к монете со стороны государства — все это и послужило основой для возникновения номиналистической теории

денег. Но, подметив объективные моменты в развитии денег, авторы этой теории затем их абсолютизировали и довели до абсурда. Их главный недостаток был не столько в утверждении, что государство создает деньги, сколько в том, что они игнорировали наличие у денег собственной стоимости. Создав деньги, государство не может по своей воле наделить их меновой и тем более абстрактной стоимостями.

Абсолютизация номиналистами отмеченных выше объективных моментов стимулировалась заинтересованностью рабовладельческих и феодальных государств и их правителей найти оправдание политике порчи монет, которая имела в те времена очень широкое распространение.

При капитализме номиналистические теории расцвели всякий раз, когда в обращение пускались неразменные бумажные деньги. Их проповедниками были Беркли, Локк, Стюарт, Юм. Наиболее полное развитие номиналистическая концепция получила у Кнаппа в его книге «Государственная теория денег» (опубликована в 1905 г.). Кнапп рассматривает деньги с формально-юридической стороны.

Применение на практике номиналистических теорий, выразившееся преимущественно в порче монет в докапиталистическом мире и выпуске неразменных бумажных денег при капитализме, всегда приводило к расстройству денежных систем. Но такие случаи больше были исключением, чем правилом, и вызывались войной, стихийными бедствиями, общим упадком народного хозяйства и т. д. Поэтому номинализм скорее можно отнести к учению о нездоровых денежных системах, чем наоборот.

Металлистическая теория. Отрицательное воздействие на экономику обращения неполноценных монет и бумажных денег было подмечено еще в средние века. Советник французского короля Карла V Николай Орезмий (в 1366 г.), а позже великий польский астроном Николай Коперник (в 1526 г.) отмечали в своих работах, что порча денег государями ведет к быстрому вытеснению из обращения полновесных серебряных монет и вызывает расстройство всего денежного обращения. В XVI в. английский государственный деятель и финансист Томас Грешэм, наблюдая быстрое обесценение монет вследствие их порчи по указанию короля Генри-

ха VIII (шиллинги Генриха VIII содержали сначала 100, потом 60, а позднее 40 гран чистого серебра), делает вывод, что в сфере денежных отношений худшие деньги всегда вытесняют из обращения лучшие. В экономической литературе этот вывод стал известен как «закон Грешэма».

«Закон Грешэма» является следствием противоречия между функциями средств обращения и меры стоимости. С древнейших времен эти функции обнаруживали, подобно полюсам магнита, относительную самостоятельность и взаимную отталкиваемость. Это выражалось в существовании денег в форме слитков металлов и в форме монет, в виде ценных благородных металлов и не имеющих ценности кусочков кожи, раковин, костей диких животных, клочков бумаги и т. д.

Постоянство противоречия не исключало, однако, того, что на определенных ступенях развития товарного производства и обращения одна из функций становилась доминирующей по отношению к другой. Так, в период становления простого товарного производства и формирования первых устойчивых меновых пропорций главенствующая роль принадлежала функции меры стоимости. Сначала должна была быть установлена цена товара, предполагаемого к обмену. В то время денежный товар в качестве средства обращения был менее необходим, чем в качестве измерителя ценностей. Отсюда понятно, почему на заре товарного оборота часто случалось, что денежный товар служил только мерой стоимостей, а обмен производился в натуре.

Ведущее положение функции меры стоимости по сравнению с функцией средства обращения создало такое положение, что лучшие деньги начали повсеместно вытеснять худшие. Это был период, когда скот, соль, финики, какао-бобы и т. п. уступали роль денежного товара железу, меди, латуни и другим металлам, а те в свою очередь — серебру, потом золоту.

Но вот массовое формирование меновых пропорций закончилось. В течение десятилетий цены в серебре и золоте оставались стабильными, а появление новых товаров, требующих ценностной оценки, было довольно редким явлением, связанным с географическими открытиями и не столь частыми изобретениями. В результате функция меры стоимости отошла на второй план, усту-

пив первенство функции обращения. Эпоха позднего рабовладения и все средневековые были как раз тем периодом, когда порча денег и введение всякого рода денежных суррогатов демонстрировали ученым безразличие денежного обращения к материалу, из которого сделаны деньги. Именно в это время законом становится вытеснение лучших денег худшими.

Возникшие в ходе революционных бурь капиталистические производственные отношения потребовали коренного пересмотра старых меновых пропорций. В то же время в ценностном измерении нуждалось огромное число новых товаров, появившихся в тот период благодаря промышленной революции. И снова ведущее положение заняла функция меры стоимости. Началось быстрое вытеснение худших денег лучшими, что в конечном счете привело к установлению золотого стандарта во всех ведущих капиталистических государствах мира. «Закон Грешэма», таким образом, не является универсальным — он действует лишь тогда, когда функция средства обращения выходит на первый план в деле обеспечения меновых отношений общества.

Появившаяся в XVI—XVII вв. металлистическая теория денег, которая признавала деньгами только золото и серебро, отражала не только дух меркантилизма и фритредерства. Бросив вызов «закону Грешэма» и отстаивая тезис о замене неполноценных денег полноценными, ее сторонники шли в ногу с объективным процессом эволюции денег. Однако и в данном случае «фотографирование» реальных сдвигов в сфере денежных отношений не обошлось без влияния на теории денег интересов господствующих классов и денежной политики государства.

Так, во время войны с Наполеоном английская буржуазия решительно отвергла всякие попытки восстановления размена банкнот на благородные металлы. Попытки ослабить бумажный фунт стерлингов ограничением его платежных функций тотчас пресекались. Сторонники военной партии в парламенте повсюду высмеивали защитников металлического обращения, так называемых буллионистов (bullion — слиток золота или серебра), как «теоретиков», далеких от понимания действительности. Но как только исход войны был решен победой над Наполеоном, английская буржуазия тут же пере-

смотрела свои взгляды на бумажные деньги. В 1819 г. в парламенте произносятся речи, осуждающие эти деньги. Роберт Пиль, который был политическим флюгером на протяжении всей своей карьеры, в 1819 г. из яркого противника буллионистов делается защитником золотого обращения.

Примером проявления классовой заинтересованности в определенных формах денежного обращения может служить широко известное гринбекское движение в США. Во время гражданской войны в Соединенных Штатах выпускалось огромное количество бумажных денег. После ее окончания делается попытка извлечь эти деньги из обращения. Однако мероприятие правительства наталкивается на сопротивление фермеров, задавленных бременем ипотек и налогов, и тех слоев мелкой и средней буржуазии, которые разорялись в условиях падающих цен. Гринбекское движение — это движение сторонников инфляции, сохранения бумажных денег и повышения цен. Введение золотого стандарта означало бы падение цен и, следовательно, увеличение реальной тяжести платежей по налогам и долгам.

Банковая теория. Между банковской и номиналистической теориями есть сходство: и та и другая отрицают исключительное положение благородных металлов как денег, обе теории придают государству первостепенное значение в деле создания денег. Однако различия этих теорий более существенны, чем их идентичность, что и дает основания к выделению банковской теории в самостоятельную буржуазную теорию денег.

Банковая теория возникла при капитализме под влиянием бурного роста банков и интенсивного внедрения в обращение кредитных денег. Она сформировалась в ходе борьбы с монетаристами, выступавшими в XIX в. под знаменем так называемой денежной школы (Рикардо, Оверстон, Торренс, Клей, Арбутнот). Каждая из этих теорий отстаивала свой тип денег: денежная — золото, банковая — кредитные деньги.

Первые рассматривали кредитные деньги, в том числе банкноту, лишь как знак золота, как золотой сертификат. «Рикардо, — подчеркивал К. Маркс, — как и его предшественники, смешивает обращение банкнот, или кредитных денег, с обращением простых знаков стоимости»⁷. Очевидно, как мы уже отмечали частично это

объяснялось тем, что в рикардовское время банкноты еще выпускались расчетными банками и «золотых дел мастерами» в качестве свидетельства на вклады в металлической монете. Но ученики Рикардо уже были свидетелями того, что банкнотная эмиссия стала повсеместно базироваться на совершенно ином принципе, т. е. на совершившейся уже в процессе коммерческого кредита вексельной эмиссии. Тем не менее они продолжали отстаивать необходимость полного золотого покрытия банкнот. Оверстон провозгласил требование подчинить банкнотное обращение законам металлического обращения, а Р. Пиль на практике провел ограничение банкнотной эмиссии золотой наличностью.

Денежная школа устанавливала следующие требования к выпуску банкнот и их обратному притоку в банки: если золото приливает из-за границы, то это означает, что каналы денежного обращения не заполнены, стоимость денег слишком велика, а цены чересчур низкие. В таком случае необходимо увеличить банкнотное обращение в соответствии с количеством вновь ввезенного золота. Наоборот, при экспорте золота требуется уменьшить банкнотное обращение.

Воззрения банковской школы (Тук, Фуллартон, Вильсон, Бендиксен) на банкноту и ее обращение сводятся к следующему. Увеличение или сокращение банкнотного обращения не зависит от эмиссионных банков. Его объем связан с потребностью промышленников и торговцев в средствах обращения. Если товарный оборот возрастает, то соответственно должны возрасти по числу и величине средства обращения. Если он сокращается, то должны сократиться численно и по величине средства обращения. «Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, — отмечал К. Маркс, — но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 по 1856 год... Однако дальнейшие исследования истории товарных цен заставили Тука понять... что расширение и сокращение средств обращения, при неизменяющейся стоимости благородных металлов, есть всегда следствие и никогда не является причиной колебаний цен, что денежное обращение вообще есть только вторичное движение...»⁸

Поэтому, согласно принципам банковской школы, всякая попытка эмиссионных банков при выпуске банкнот

перейти за границы, определяемые размерами производства и ценами, немедленно вызывает противодействие в обратном притоке излишних для обращения банкнот. И, наоборот, если же расширение эмиссии банкнот излишне ограничивается законом, то пустота заполняется другими кредитными средствами обращения.

Сторонники банковской теории денег во многом правильно понимали особенности кредитного обращения, их воззрения в определенной степени согласовывались с объективным ходом эволюции денег. Так, хотя XIX в. был веком утверждения золото-монетного стандарта, он в то же время был веком начала угасания значения золота как денег. Золото не более как заканчивало «жизненный путь» полноценных металлических денег. Это была лебединая песня последних. Кредитные деньги в это столетие, наоборот, набирали силу. Поэтому банковая школа в данном отношении более соответствовала духу своего времени — времени повсеместного утверждения капитализма и ликвидации остатков прошлых производственных отношений. Не случайно эта теория пользовалась наибольшей поддержкой со стороны торгово-промышленной буржуазии.

Когда в Англии в конце 30-х годов XIX в. в борьбе между двумя теоретическими течениями, банковской и денежной школами, верх взяла последняя и был принят знаменитый акт Пилля, практика доказала ее тормозящее влияние на английскую экономику. В результате доктрина денежной школы потерпела, как отмечал К. Маркс, «позорное фиаско», как «теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе»⁹.

Противоположная картина наблюдалась в Германии в начале XX в. Здесь победу одержала банковая школа. Один из ее глашатаев, Бендиксен, писал тогда: «Приготовление денежных знаков из золота или иного высокоценного металла — это атавистический возврат к давно преодоленной эпохе менового хозяйства или, можно сказать, что рудиментарный пережиток той эпохи»¹⁰.

В значительной мере под влиянием этой теории в Германии был проведен ряд денежно-кредитных мероприятий. В 1906 г. «Рейхсбанк» ввел в обращение мелкие купюры банкнот, которые стали замещать золотые

монеты. В 1908 г. был принят закон о чеках, цель которого — способствовать развитию безналичных платежей для сокращения запасов золота у населения. В 1923 г. разрешается дополнительный выпуск разменной серебряной монеты. В результате Германия значительно опередила в этом отношении другие капиталистические государства. Касаясь данного периода, В. И. Ленин писал, что Германия — «образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях... но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки»¹¹.

Банковая теория, однако, как и любая другая буржуазная теория, имела весьма серьезные недостатки. Прежде всего ее сторонники хотели с помощью своих моделей спасти капитализм и его денежное обращение от кризисов.

Поскольку кредитные деньги наилучшим образом отвечали требованиям кругооборота капитала, то еще в период становления капитализма, когда появились первые признаки демонетизации благородных металлов, возникли, как подчеркивалось выше, колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита. Начало тому положили шотландцы Уильям Петерсон, основатель Английского и Шотландского банков, и Джон Ло из Эдинбурга, учредивший государственный кредитный банк во Франции. Они надеялись через изобилие кредита и кредитных денег поддерживать постоянное процветание в экономике. Это были иллюзии того же порядка, что прожекты алхимиков, искавших волшебный эликсир от всех зол.

Теоретическим пороком взглядов Ло было его непонимание коренного различия металлических и кредитных денег. Он не смог, в частности, увидеть того, что если металлические деньги приводят в движение товары, которые без них неподвижны, то кредитные деньги сами приводятся в движение товарами, которые переходят из рук в руки задолго до обращения денег. Поэтому они не могут быть созданы банком до того, как совершаются товарные сделки.

Другим недостатком Ло явилось отождествление им кредитных денег с капиталом. Он полагал, что расширяя ссуды и выпуская кредитные деньги, банк тем самым создает капитал. В действительности же банк лишь пользуется капиталом, авансированным на выполнение денежных функций. Кредитные деньги есть форма проявления денежного капитала. В банках происходит накопление денежного капитала, часть которого, т. е. незанятый капитал, и выполняет функцию денег.

Непонимание этого вопроса привело к созданию в рамках банковской теории денег так называемой капиталотворческой теории кредита, наиболее видными защитниками и авторами которой были английский экономист Маклеод и немецкие экономисты Ган и Шумпетер. Их основной тезис заключался в том, что кредит есть производительный капитал, поскольку он приносит прибыль, а банк является создателем кредита, а тем самым и создателем капитала. Кредит, который банки могут создавать якобы в неограниченных размерах, придает экономике инфляционный импульс, как бы обуславливая умножение благ за счет изменения в их распределении.

Идея инфляционного кредита нашла широкое распространение в XX в., став основой антикризисной политики современного буржуазного государства. Главным ее теоретиком был английский экономист Джон Кейнс. По словам А. В. Аникина, «буржуазные ученые находят прямо-таки мистическое сходство между Ло и Кейнсом»¹². В целом историю существования банковской теории можно разделить на два этапа: домонополистический и этап монополистического и государственно-монополистического капитализма. Если на первом этапе она несла ряд позитивных моментов, в частности в объяснении сущности кредитных денег, законов денежного обращения, то в последующем она все более превращалась в апологетическую идеологию империализма. Постепенно банковая теория слилась с номиналистической. Конечно, это не означало ее полного растворения в последней. Наиболее видные представители банковской школы первой половины нашего века (И. Фишер, Г. Кассель, Дж. Гоутри, Дж. Кейнс) продолжали отстаивать особую природу кредитных денег. «Существует два вида подлинных денег, — писал Ирвинг Фишер, — полноценные и

кредитные»¹³. Но они отрицали в деньгах трудовую теорию стоимости и, как номиналисты, считали, что масса денег в обращении в конечном итоге определяется экономической и денежной политикой государства и банков.

Сформировавшаяся банковно-номиналистическая теория денег эволюционировала следующим образом. До экономического кризиса начала 30-х годов в ней преобладали взгляды, что уровень цен и доходов зависит исключительно от размера денежной массы в обращении. Экономический кризис и последовавшая за ним депрессия, сопровождавшаяся падением цен при стабильности или росте денежной массы в обращении, показали практическую несостоятельность такого рода позиции.

В 30-х годах возобладала точка зрения, объявлявшая деньги пассивным элементом в товарообращении, не играющим какой-либо роли в ценообразовании и доходах, за исключением незначительного влияния на это процентных ставок. Развивая теорию инфляции, Кейнс, например, неизменно ставил на первое место соотношение доходов и расходов населения, а уж затем денежную массу. Но коль скоро такое соотношение рассматривалось им с классовых позиций буржуа, то во главу угла ставилась цель сокращения или замораживания заработной платы рабочих, рост которой якобы вызывает повышение цен и соответственно инфляцию. Впоследствии этот тезис послужил основой для разработки так называемой инфляционной теории заработной платы.

В послевоенный период банковно-номиналистическая теория претерпела новые изменения. Многие страны перешли к политике «дешевых денег», что сопровождалось быстрым ростом цен. В это время широкое распространение получила монетаристская теория М. Фридмана, согласно которой именно денежная масса, а не доходы, определяет движение цен и уровень экономической активности. Теория, казалось бы, подкреплялась тем фактом, что в существовавших тогда условиях послевоенной суперинфляции, которая отмечалась во многих странах, одним из действенных инструментов борьбы с ней было сокращение денежной массы в обращении.

Однако с 50-х годов, когда разруха была в основном преодолена и национальные денежные системы стабилизировались, а темпы инфляции снизились до умеренно-

го уровня, называемого «ползучей» инфляцией, идеи Кейнса снова получили повсеместное признание среди буржуазных экономистов и политиков. Возрождение идей Кейнса не привело, однако, к заметному обновлению теории. Неокейнсианцы, так же как и сам Кейнс, по-прежнему считали неразрешимой дилемму, смысл которой заключается в якобы существующей невозможности одновременного достижения двух целей: полной занятости и стабильности цен. Не дало чего-либо радикального и дополнение Хансена и Самуэльсона относительно того, что лишь та полная занятость вызывает инфляцию, которая сопровождается превышением спроса на товары над их предложением. Инфляция продолжала набирать темпы и с начала 70-х годов превратилась в «галопирующую», протекающую как в условиях повышенного спроса и занятости, так и при спаде экономической активности и массовой безработице. В настоящее время вновь начинает преобладать монетаристская ветвь банковско-кредитной теории денег.

Количественная теория денег. Количественная теория денег не является самостоятельной теорией — она входит составной частью в разобранные выше теории денег.

Наиболее общая формулировка количественной теории денег такова: уровень цен прямо пропорционален количеству денег в обращении. Буржуазные экономисты применяют это положение ко всем видам денег, как полноценных, так и знаков и символов денег. Марксистская наука считает его совершенно неприемлемым для полноценных денег. Что касается знаков и символов денег, а также кредитных денег, то при их обращении уровень цен действительно изменяется в зависимости от количества последних. Анализируя особенности обращения неразменных бумажных денег, К. Маркс отмечал: «В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается вместе с повышением или падением товарных цен, товарные цены повышаются или падают, по-видимому, в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении»¹⁴.

Буржуазные экономисты понимают под изменением уровня цен в зависимости от количества денег в обращении изменение меновых пропорций между товарами.

Они тем самым игнорируют трудовую теорию стоимости, утверждающую, что меновые соотношения товаров есть соотношения затрат общественно необходимого труда на производство того или иного товара. Марксистская наука понимает под изменением уровня цен в зависимости от количества денег в обращении изменение масштаба цен.

Здесь уместно обратить внимание на одну формулировку инфляции, которой еще придерживаются некоторые экономисты. Речь идет о том, что инфляция якобы является следствием переполнения каналов денежного обращения. На наш взгляд, тут просто иными словами выражена количественная теория денег, в которой изменение стоимостных соотношений товаров подменяется фактом увеличения масштаба цен вследствие количественного роста денежной массы в обращении. Именно вследствие такого смешения количественной теории денег придерживались представители всех денежных школ. Ее признавали Локк, Юм, Смит, Рикардо, Милль, Маршал, Фишер, Кассель и др. Впервые же она была сформулирована номиналистами.

Наблюдая порчу монет римскими императорами в III веке н. э., Юлий Павел, юрист из Рима, высказал мнение, что стоимость денег зависит от их количества. Чрезмерный выпуск неполноценных монет, а также «декретированных» властью денежных знаков неизменно вел к обесценению последних. Поскольку номиналисты не делали различия между действительными деньгами и их знаками, то реально существовавшая закономерность автоматически переносилась ими на все деньги.

Среди металлистов сторонники количественной теории появились после открытия Америки. Влияние открытия Америки на хозяйственную жизнь Европы обнаружилось не только в изменении торговых путей и образовании океанской торговли, но и в чрезмерном увеличении запаса золота и серебра, привозимых из Америки. Так, если в конце XV в. весь запас благородных металлов не превышал 7 тыс. т, то в течение XVI в. одно только увеличение этого запаса составило 24 тыс. т, а в XVII в. — 38 тыс. т. За два века цены повсеместно выросли на 100—150%, причем рост цен начался в тех именно странах, где раньше всего наблюдался прилив драгоценных металлов, в частности в Испании.

Жан Боден в своем сочинении, вышедшем в 1568 г., установил, что причина роста цен кроется в избытке золота и серебра. Этим он объяснял всякий рост цен. Между тем наряду с ростом общего уровня цен в то время имели место изменения и ценностных пропорций, когда цены на хлеб и продовольствие увеличивались быстрее, чем цены на сырье, а последние в свою очередь — быстрее, чем цены на готовые мануфактурные изделия. Эти изменения вызывались иными причинами: ростом издержек производства, усилением конкуренции из-за расширения рынков и улучшения путей сообщения, существованием в мануфактурном производстве минимальных цеховых такс и т. п. Но коль скоро доминировали денежные причины роста дороговизны, количественная теория денег получила среди металлистов всеобщее признание.

К. Маркс подчеркивал, что изменение стоимости золота влияло не на ценностные пропорции, а на масштаб цен. Прилив американского золота и серебра в Европу, конечно, не изменил затрат труда на их добычу на европейском континенте, но он изменил общественно необходимые затраты труда на производство благородных металлов, снизив их, что и привело к общему увеличению масштаба цен.

Среди сторонников банковской теории денег идеи «количественников» распространились в XIX в. Основой послужило бурное развитие элементов кредитной экспансии, вызванное ликвидацией размена кредитных денег на золото и нарушениями механизма регулирования банкнот в обращении (выпуск банкнот не только под коммерческие векселя, но и под обязательства государства, неэффективность процентной политики банков и т. п.). Формулировка количественной теории денег получила несколько иное содержание. Например, Г. Касель дает ей следующее определение: «Выпуск новых платежных средств, безразлично — в форме ли установленных законом денежных знаков или в форме банковских кредитов — создает дополнение к существующей покупательной способности и вызывает повышение цен»¹⁵.

Находит дальнейшее развитие и представление, согласно которому скорость обращения денег также играет определенную роль в процессе ценообразования. Многие буржуазные экономисты (Б. Андерсон, Дж. Гоутри,

Кеммерер и др.) делают попытки дать новое толкование количественной теории денег. В наибольшей степени это удалось американскому экономисту Ирвингу Фишеру, который стал классиком современной буржуазной количественной теории денег. Фишер дал наиболее сжатое и яркое выражение количественной теории: «Цены должны изменяться прямо пропорционально количеству денег и скорости их обращения и обратно пропорционально количествам обмениваемых благ»¹⁶. Но его заслуга состоит не только в этом. Кроме скорости обращения денег Фишер учитывает также и так называемый циркулярный кредит, то есть банковские депозиты. Он первый вводит в количественную теорию экономические элементы. Его математическая формула гласит: сумма цен товаров (pQ) равна массе наличных денег, умноженной на среднюю скорость обращения этих денег (MU), плюс масса депозитов, образующихся при посредстве чеков, умноженная на среднюю скорость их обращения ($M'U'$), т. е. $\Sigma pQ = MU + M'U'$.

Наличие некоторых позитивных моментов в теории Фишера явилось причиной того, что буржуазные экономисты подвергли ее критике. Признавая технико-экономическую сторону этой теории, буржуазные экономисты (М. Фридман, Д. Майзелман, А. Шварц) отвергают ее социально-экономическое содержание. Дело в том, что факт влияния скорости обращения денег на ценообразование неизменно накладывает ответственность за рост цен на промышленные компании, банки и государство, которые в зависимости от воспроизводственного процесса существенно воздействуют на интенсивность денежного обращения¹⁷. Куда проще объяснить дороговизну проблемой доходов, тем более что основным виновником роста доходов выставляется рабочий класс. В книге «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнс писал о том, что термин «скорость обращения денег по отношению к доходам» может дезориентировать читателя: по его мнению, лишь на часть денег предъявляется спрос, пропорциональный размерам дохода. Один из наиболее известных последователей Кейнса, Э. Хансен, предложил вообще «изгнать раз и навсегда термин «скорость обращения» из нашего лексикона», поскольку действительная роль этого параметра остается совершенно невыясненной¹⁸.

Сам Фишер также понимал, что позитивная часть его исследований придется не по вкусу господствующему классу капиталистического общества. Ратуя за установление «неприкрашенной истины», он в то же время признавал, что налицо такое положение, когда «здоровые принципы» отрицаются только потому, что «некоторые мыслители допускают нездоровое приложение этих принципов». Касаясь непосредственно своей теории, он писал: «К сожалению, количественная теория была сделана основанием для аргументов в пользу нездоровых систем денежного обращения... Последствием этого было то, что немало сторонников здоровых денег, думая, что теория, употребляемая на поддержку таких фантазий, должна быть неправильна, и боясь политических последствий ее распространения, стали в оппозицию не только к нездоровой пропаганде теории, но также и к здоровым принципам ее...»¹⁹

Современные представители количественной теории, хотя и признают зависимость ценообразования от массы денег в обращении, идут по такому пути, чтобы по возможности снять с буржуазного строя ответственность за негативные последствия такой зависимости. Делаются попытки свести до минимума влияние скорости обращения и государственного бюджета на показатель MU и объяснять его рост особенностями функционирования кредитного механизма, якобы с неизбежностью ведущего к денежной экспансии, и действиями профсоюзов, будто бы стимулирующих эту экспансию политикой борьбы за повышение заработной платы и занятости. Но даже в таком виде количественная теория все более отодвигается на задний план.

Непопулярность количественной теории денег у буржуазных экономистов в настоящее время не означает, конечно, что она дает объективный ответ на такое, в частности, явление современности, как инфляция. Тезис «переполнения каналов денежного обращения» как главной причины инфляции не вскрывает ее сущности во всей полноте. Он лишь указывает на общее обесценение бумажно-кредитных денег, выражающееся в росте масштаба цен. Не помогает здесь и дополнение, что такое переполнение вызывает перераспределение общественного продукта и национального дохода между классами и группами населения, либо последнее не может

быть следствием изменения масштаба цен. Перераспределение общественного продукта и национального дохода происходит вследствие ломки меновых пропорций между товарами, включая товар рабочую силу. А такая ломка, хотя она и протекает в условиях изменения масштаба цен, вызывается действиями монополий, политикой цен и социальной политикой буржуазного государства и класса капиталистов в целом.

3. Эволюция мировых денег

Несмотря на то, что деньги возникли на стыке общин и племен, т. е. как мировые деньги, наибольшее развитие в последующем они получили в сфере внутринациональных отношений. Мировые деньги повторяют, хотя и с лагом и в специфической форме, тот путь, который прошли национальные деньги. Задержка в развитии мировых денег объясняется тем, что, хотя в мире уже господствовали капиталистические отношения, государства еще долгое время выступали в расчетах друг с другом как независимые товаропроизводители. Поэтому, хотя кредитные отношения и существовали между ними, они были довольно простыми и не использовались широко, преобладала практика окончательного сальдирования взаимных требований и обязательств с помощью золота.

Интернационализация мировых связей капитализма, начавшаяся в XX в., привела к интенсивному внедрению кредитных отношений между странами. В результате и кредитные деньги получили мощный импульс к развитию.

Кредитные деньги на мировой арене начали свой путь, как и во внутреннем обращении, с индивидуально-го кредита, который купцы разных стран предоставляли друг другу. Оформлялся этот кредит первоначально в виде простого векселя, в котором покупатель товара или векселедатель обязывался уплатить определенную сумму денег через определенный срок поставщику товара или векселедержателю.

Простой вексель, однако, обеспечивал оборот максимум между тремя лицами, а не между множеством лиц, как это могло быть внутри страны, если вексель снабжался передаточными надписями — векселедатель или

лицо, учинившее передаточную надпись, проживавшие за границей, были неизвестны для страны векселедержателя.

Данный недостаток простого векселя вызвал появление так называемого переводного векселя, или тратты. Последняя сразу включает акцепт со стороны должника и потому имеет преимущество перед простым векселем. Но реальные свойства кредитных денег она приобретает с того момента, когда к международным операциям подключаются банки. Тратту с акцептом импортера не всегда можно учесть, т. е. превратить в наличные деньги раньше указанного в ней срока, так как импортер известен только в пределах узкой, ограниченной сферы торгового оборота. Другое дело — акцепт крупного банка: тратту с таким акцептом легко превратить в наличные деньги путем учета.

Банк, который учел данную тратту, в случае необходимости может переучесть ее в любое время в другом банке, а последний — в следующем и т. д. Тратта с таким акцептом опирается на совокупный денежный рынок страны, состоящий из банков, банкирских домов, учетных контор и других учреждений. Любые капиталы, свободные даже на самые короткие сроки, могут быть помещены в банковские акцепты. Акцепт крупного банка, обеспеченный товарной сделкой и собственным капиталом банка, обращается на широком денежном рынке, и превращение его в наличные деньги не встречает препятствий. «Ввиду этого,— отмечает советский экономист Ф. П. Быстров, — банковские акцепты в сфере международной торговли нередко принимаются в уплату вместо валюты (за вычетом учетного процента) и платеж акцептов за товар приравнивается к наличному расчету»²⁰.

Для унификации вексельного права 7 июня 1930 г. в Женеве была подписана Международная конвенция о переводных и простых векселях, в которой участвовало 35 государств, в том числе Австрия, Бельгия, Германия, Голландия, Греция, Дания, Италия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария, Япония. Советский Союз присоединился к этой конвенции 23 ноября 1936 г.

Если акцептованный вексель выражает собой кредит, полученный с участием банка, то чек может непосредст-

венно отражать банковское кредитование. Чеки выдаются на суммы, внесенные в банки на текущие и другие счета, а также на суммы, поступающие на эти счета в результате предоставления банками кредита. Владелец чека может передавать чек в качестве покупательного средства и средства платежа другому лицу в уплату за полученные товары или в погашение долга, а также по индоссаменту (передаточной надписи). В том случае когда при выдаче чека не подразумевается получение наличных денежных знаков, применяются кроссированные и расчетные чеки.

Чтобы установить единообразные правила, регулирующие выдачу, обращение и оплату чеков, в 1931 г. в Женеве была заключена международная конвенция, принятая Францией, Италией, Швецией, Бельгией, Голландией, Финляндией и рядом других стран. Хотя СССР не присоединился к конвенции, советские банки при выдаче чеков, применяемых в области международных расчетов, учитывают ее положения.

Таким образом, в международных отношениях прослеживается примерно та же картина возникновения и развития кредитных денег, что и внутри страны, хотя имеются и существенные отличия.

Как уже отмечалось, векселя, чеки и другие формы кредитных денег, кроме банкноты, могут выполнять роль окончательного платежного средства лишь в той части, в какой они взаимно компенсируются. При этом возможности такой компенсации платежных требований внутри стран значительно шире, чем в международном обороте. Это связано с деятельностью расчетных палат, которые образовались лишь в национальных границах. Капиталистическое хозяйство не смогло создать мировую расчетную палату, в которой концентрировались бы кредитные требования и обязательства всех участников международного товарооборота. Поэтому на мировом рынке потребность в наличных деньгах ощутимей, чем во внутреннем денежном обращении.

Пока такими наличными деньгами было золото, проблема сальдирования балансов между странами решалась более или менее удовлетворительно. Но с уходом золота положение осложнилось. Благородный металл здесь не был заменен равной ему по силе банкнотой, как это имело место во внутреннем обращении: не было

мирового банка, который смог бы ее выпустить, не было и мирового государства, которое бы обеспечило ей международное признание и доверие. И если эволюция кредитных денег во внутреннем обращении развивалась в порядке: вексель — акцептованный вексель — банкнота — чеки и расчетные деньги, то в международном обороте один из весьма важных элементов этого ряда, мировая банкнота, выпал.

Две непосредственные причины содействовали уходу золота из мирового денежного обращения: вывоз капитала и закон неэквивалентного обмена. В условиях золотого стандарта приобретение иностранных ценных бумаг, перевод денежных средств за границу, предоставление частных и межправительственных кредитов вызывали, вследствие действия механизма «золотых точек», падение курса национальной валюты и вывоз из страны золота. Отлив золота создавал напряженное положение на национальном денежном рынке: повышалась учетная ставка, падали курсы ценных бумаг, сокращались кредиты, происходили банкротства, а в результате вывоз капитала приостанавливался или прекращался вовсе. Вот почему в начале XX в., несмотря на то что капитализм вступил в свою высшую империалистическую стадию развития, вывоз капитала из ведущих капиталистических стран был незначительным. Так, за 1900—1913 гг. чистый ежегодный экспорт капитала из Англии составлял в среднем 589,7 млн. долл., из Франции — 142,3 млн., из США — 59,9 млн. долл.²¹

Те же «золотые точки» препятствовали развитию неэквивалентного обмена между нациями, что вступало в противоречие со всей империалистической системой эксплуатации и подчинения одних стран другими. Дело в том, что в международном обороте одной из важнейших форм неэквивалентного обмена является механизм валютного курса. Но в условиях свободного обращения золота сравнение различных валют между собой происходило по золотому паритету, т. е. было эквивалентным, а механизм «золотых точек» препятствовал отклонениям валютных курсов от паритета на величину, большую, чем расходы по перевозке драгоценного металла из одной страны в другую.

Уход золота означал прекращение действия стихийного механизма, удерживавшего валютные курсы вбли-

зи золотых паритетов. Валютные курсы могли теперь отклоняться от последних на сколь угодно большую величину. Одни курсы стали чрезмерно завышаться, а другие — занижаться. Кредитные деньги делали это не только возможным, они маскировали неэквивалентность валютных курсов. Лишь в некоторых работах буржуазных экономистов мы находим весьма осторожное признание возможности неэквивалентного обмена в мировой сфере при обращении там незолотых денег.

Так, еще в 1922 г. немецкий буржуазный экономист Карл Шефер писал: «Денежное обращение обладает устойчивой ценностью до тех пор, пока оно находится в твердом отношении к международным деньгам, золоту, является, так сказать, филиалом золота и находится под защитой золотого запаса. Оно колеблется тогда только в пределах известных «золотых точек». Устойчивое денежное обращение, таким образом, базируется на мировом хозяйстве. Оно свидетельствует о том, что национальное хозяйство живет в границах своего реального дохода и нормального кредита, сохраняя известный запас платежной силы по отношению к мировому хозяйству, и поэтому не нарушает закона солидарности мирового хозяйства. Но если государство начинает фабриковать «искусственное золото» (государственные кредитные деньги), бумажные деньги или «металлические бумажные деньги» (серебряные деньги), тогда оно желает обогатиться за счет мирового хозяйства сверх своих действительных доходов и своего запаса платежной силы...»²²

Итак, золото ушло из мирового денежного обращения. Так как мировой банкноты к этому времени создано не было, его место заняли национальные банкноты. Еще в начале века в период золотого стандарта на роль мировых денег претендовали четыре валюты: немецкая марка, французский франк, английский фунт стерлингов и американский доллар. Но лишь две последние получили такую привилегию.

Данному обстоятельству прежде всего содействовала экономическая мощь стран, стоявших за названными национальными валютами. Чтобы придать им международное признание, требовались еще какие-то внеэкономические силы принуждения. Первоначально ими стали валютные блоки.

Стерлинговый блок возник после отмены золотого стандарта в Англии в 1931 г. В его состав вошли страны Британской империи (кроме доминионов Канада и Нью-фаундленд, а также Гонконга) и некоторые государства, тесно связанные экономически с Великобританией (Египет, Ирак, Португалия). Позднее к стерлинговому блоку присоединяется еще ряд стран. Юридическая основа блока заключалась в том, что курс валют стран, входивших в него, становился в зависимость от фунта стерлингов и определялся по отношению к другим валютам через курс к ним английского фунта стерлингов. Все расчеты между участниками стерлингового блока и расчеты со странами, не участвовавшими в блоке, велись главным образом в фунтах стерлингов, которые хранились в качестве валютных резервов в Банке Англии.

Долларовый блок возник в 1933 г., после отмены золотого стандарта в США. В его состав кроме США вошли Канада и страны Латинской Америки. Члены долларового блока поддерживали определенное соотношение между своей валютой и долларом США. Большая часть валютных резервов стран-участниц хранилась на долларовых счетах в банках США, через которые осуществлялись их международные расчеты.

На базе валютных блоков во время и после второй мировой войны оформились валютные зоны, среди которых наибольшее развитие также получили стерлинговая и долларовая зоны. Кроме них появились зоны французского франка, голландского гульдена, португальского эскуда, итальянской лиры и испанской песеты.

Основные условия, характеризующие валютную зону — поддержание всеми участниками твердого курса своих валют по отношению к валюте страны-гегемона; изменение курсов своих валют по отношению к другим валютам только с согласия страны-гегемона; хранение в банках этой страны большей части национальных валютных резервов; поддержание единообразной системы валютного контроля, сосредоточение внешних расчетов стран-участниц в банках страны, возглавляющей валютную зону.

Стерлинговая зона сложилась в начале второй мировой войны после введения в Англии валютного контроля. Состав стран — ее участниц постоянно изменялся.

Однако к концу 60-х годов названная зона объединяла значительное число стран и территорий. В нее входили: в Европе — Великобритания, Ирландия, Исландия, Гибралтар, Мальта; в Азии — Бахрейн, Сянган (Гонконг) Оман Договорный, Индия, Иордания, Катар. Кипр, Кувейт, Малайзия, Народная Республика Южного Йемена Оман, Пакистан, Сикким, Сингапур, Цейлон; в Америке — Антигуа, Барбадос, Гайана, Британский Гондурас, Тринидад и Тобаго, Ямайка; в Африке — Ботсвана, Гамбия, Гана, Замбия, Кения, Лесото, Ливия, Малави, Нигерия, Свазиленд, Сьерра-Леоне, Танзания, Уганда, Юго-Западная Африка, Южно-Африканская Республика; в Австралии и Океании — Австралия, Новая Гвинея и Папуа, Новая Зеландия, Западное Самоа. Кроме того, в стерлинговую зону входили многочисленные островные владения Великобритании в различных частях света. На долю стран стерлинговой зоны в 1968 г. приходилось свыше 18% мирового товарооборота.

Юридически стерлинговая зона не имела централизованного руководящего органа и ее деятельность осуществлялась формально автономными валютными органами каждого участника на основании «традиционной коммерческой практики» и «джентльменских соглашений». Однако рекомендации английского казначейства и Банка Англии играли важную роль в валютной политике зоны в целом.

Валютная политика стран-участниц периодически координировалась созываемыми конференциями министров соответствующих стран.

Долларовая зона образовалась также в начале второй мировой войны на базе долларového блока. Помимо США, в ее состав в 1969 г. входили Боливия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Эквадор, а также Либерия, Филиппины, американское владение Пуэрто-Рико и бывшие японские острова в Тихом океане, находившиеся под контролем США. На долю стран этой валютной зоны приходилось около 30% всего внешнеторгового оборота капиталистического мира. Зона не имеет юридической основы в виде межгосударственных соглашений, однако валютное законодательство многих капиталистических государств рассматривает ее как вполне опреде-

ленную валютную группировку с устойчивым составом. В зоне господствует американский капитал, потребляющий значительную часть ресурсов стран-участниц и выступающий главным поставщиком готовых изделий в эти страны. Внешняя торговля стран долларовой зоны ориентируется в основном на американский рынок. США владеют также основной массой капиталов, вложенных в экономику стран зоны, что используется ими для политического давления на эти страны.

При всей важности валютных зон для превращения национальных банкнот в мировые деньги они все же не были достаточными для выполнения такой задачи главным образом из-за узко регионального их характера. Поэтому были сделаны попытки усилить доверие к ведущим национальным валютам с помощью международных соглашений. Первое такое соглашение было заключено в 1922 г., когда собравшиеся в Генуе представители промышленных держав объявили фунт стерлингов и доллар США эквивалентами золота. Второе соглашение было подписано в 1944 г. в Бреттон-Вудсе, когда закладывались основы послевоенной валютной системы капитализма. На этот раз соглашение касалось лишь одного доллара, так как за время войны фунт стерлингов потерял свою былую славу. В параграфе 1 статьи IV Соглашения доллар США был признан основой валютных паритетов всех других национальных единиц стран — участниц этого соглашения. «Паритет валюты каждой страны-члена, — говорится в уставе созданного в Бреттон-Вудсе Международного валютного фонда, — будет выражаться в золоте как в общем знаменателе, или в американских долларах веса и пробы, существовавших на 1 июня 1944 г.»

Однако, несмотря на все усилия придать международное доверие доллару, попытки разрешить противоречие между интернациональным характером мировых валютных связей и национальной природой кредитных денег не увенчались успехом. Неспособность национальных валют выполнять функции мировых денег каждый раз четко выступала при серьезных экономических и политических потрясениях капиталистического мира. Это проявлялось, в частности, в том, что на смену расчетам между странами в фунтах стерлингов или долларах США приходили клиринги, которые низводили до мини-

мума необходимость использования мировых денег. Расчеты между двумя или несколькими странами осуществлялись путем зачета встречных требований, а платежи наличной валютой производились лишь на сумму разницы в товарных поставках и предоставленных услугах.

Валютные клиринги в практике международных экономических отношений появились в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и получили распространение в 30-е годы, в период второй мировой войны и в течение 20 послевоенных лет.

В литературе довоенные клиринги подразделяются на односторонние, двусторонние и трехсторонние. Наибольшим распространением пользовались двусторонние валютные клиринги. Они осуществлялись путем производства расчетов между странами при посредничестве центральных банков или специально организованных для этого учреждений. Центральные банки приняли на себя эти функции в Болгарии, Греции, Дании, Норвегии, Румынии, Югославии. В Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Италии, Франции и Швейцарии были созданы компенсационные учреждения.

Первое соглашение о валютном клиринге было заключено между Венгрией и Швейцарией 14 ноября 1931 г., а в 1935 г. насчитывалось уже 77 клиринговых и платежных соглашений между разными странами, в 1939 — 83 клиринговых, 53 платежно-клиринговых и 36 платежных соглашений между 38 государствами. О распространенности валютных клирингов можно судить по тому объему, какой занимала во внешней торговле торговля со странами, заключившими клиринговое соглашение. Так, 84,2% импорта Турции за 1938 г. падало на ввоз из стран, с которыми Турция имела валютные клиринги, 50% внешней торговли Италии за 1937 г. также проходило через клиринги. Для стран, сохранявших свободу валютных операций, эта доля была менее значительна, но все же составляла около 20% для Франции, свыше 30% — для Швейцарии и т. д.

Поскольку валютные клиринги неизбежно приводили к замораживанию средств одного из участников, развивалась тенденция организации многосторонних клирингов, получившая практическое воплощение после второй мировой войны. Примером такого клиринга является

Европейский платежный союз (ЕПС), функционировавший с 1950 по 1958 г. Цель ЕПС — проведение многосторонних зачетов взаимных требований по торговым и другим текущим операциям 17 капиталистических стран Европы (Австрии, Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Турции, Франции, ФРГ, Швейцарии и Швеции). Зачеты проводились ежемесячно БМР в расчетных единицах, приравненных по золотому содержанию к доллару. В расчеты со странами, возглавлявшими валютные зоны, включались также их члены. Банк выводил пассивное или активное сальдо расчетов каждой страны со всеми другими участниками, которое подлежало урегулированию с ЕПС. При пассивном сальдо часть его взыскивалась с должников в золоте или долларах США (до середины 1954 г. эта доля составляла от 2 до 40%, с середины 1954 до 1955 г. — до 50, с 1956 до 1958 г. — 75%).

Как видим, валютные клиринги, сводя к минимуму требования к наличным деньгам в виде золота или национальных банкнот, выполнявших функции мировых денег, широко внедряли в международный оборот расчетные кредитные деньги, которые, за редким исключением, были условными единицами, устанавливаемыми заинтересованными центральными банками по взаимному соглашению.

Несмотря на ряд преимуществ перед долларом и фунтом стерлингов, расчетные деньги все же не удовлетворяли потребностей мирового обращения. Во-первых, это было связано с ограниченным числом участников клиринговых соглашений, даже многосторонних. Хотя они и ослабляли противоречия, связанные с замораживанием средств тех участников, которые имели превышение поступления валютных средств над платежами, но окончательно их не ликвидировали. Даже ЕПС не смог выравнять платежные балансы. С 1952 г. ФРГ возглавила устойчивую группу стран — кредиторов союза (Бельгия, Нидерланды, Швейцария). Такими же устойчивыми должниками оказались Великобритания и Франция.

Во-вторых, для многосторонних клирингов требовались расчетные палаты соответствующего масштаба. Вопрос об организации международной расчетной палаты давно поднимался рядом буржуазных экономистов.

Еще до первой мировой войны германский профессор Вольф и итальянский министр финансов Луцатти выступали с проектами об организации международного жи­рооборота и учреждении международной расчетной палаты. Но тогда эти проекты не получили практического воплощения. Вопрос возник снова при учреждении в 1930 г. БМР, который был создан на основании Гаагского соглашения между правительствами Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции и Японии о германских репарациях.

Первое время БМР занимался управлением внешними немецкими займами (заем Дауэса — 1924 г., заем Юнга — 1930 г.) и международным займом Австрии 1930 г. (заем Ибаро). После объявления в 1931 г. моратория по германским долгам БМР по решению Лондонской международной экономической и финансовой конференции был превращен в «инструмент для совместных действий» правительств с целью упорядочения международных расчетов. Практически это выразилось в том, что он начал выполнять роль расчетной палаты по золоту для центральных эмиссионных банков. Последние открывали в банке золотые счета в так называемых золотых франках — условных единицах, равных 0,290323 г чистого золота. Вместо пересылки золота из одной страны в другую центральный банк давал распоряжение БМР перечислить соответствующую сумму с его золотого счета на золотой счет банка другой страны. Однако ввиду потери золотом денежных функций эти операции не получили распространения и были довольно скромными. Сумма золотых счетов по балансу банка составила в 1939 г. всего 14 млн. золотых франков.

Валютными клиринговыми операциями БМР занялся в послевоенный период. Осенью 1947 г. он стал агентом европейских правительств — участников «плана Маршалла» в части выполнения соглашения о распространении двусторонних клиринговых отношений на большее число стран. На следующий год банку было поручено осуществлять Платежное и компенсационное соглашение, разработанное вновь созданной тогда Организацией европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). С 1950 г., как уже отмечалось, БМР выполнял функцию расчетной палаты ЕПС. Несмотря на такой,

казалось бы, довольно богатый опыт, БМР из-за противоречий его участников не смог превратиться в действительно международную расчетную палату — его членами остались всего 29 государств (Австрия, Албания, Англия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Турция, ФРГ, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Югославия, ЮАР, Япония и группа американских банков).

По указанным причинам, хотя в послевоенное время проблема международных платежных средств была весьма острой, лишь около 60% расчетов между капиталистическими государствами велось через валютные клиринги, а с введением в 1958 г. конвертируемости основных валют клиринговые отношения стали быстро сокращаться и к концу 60-х годов были сведены почти к нулю.

Клиринги, таким образом, не решили противоречия, возникшего в связи с выполнением национальными валютами функций мировых денег. По-прежнему главным дефектом развивающихся мировых денег являлось отсутствие международной банкноты.

Еще в 20-х годах нынешнего столетия ряд буржуазных экономистов, в частности А. Вебер, предлагали создать интернациональные банкноты и жирооборот. В 1933 г. швейцарский профессор Мильо выступил с проектом создания специального орудия обращения для международных расчетов — покупательных бон (bon d'achat) или компенсационных девиз. Эти компенсационные девизы могут быть выпущены в форме банкнот, чеков и тратт. Для расплаты с другими странами за покупаемые товары, за услуги по процентам и долгам лица, производящие платежи, вносят соответствующие суммы в национальной валюте в расчетное бюро, организуемое в каждой стране, которое выпускает взамен сумм компенсационные банкноты и чеки. Если в стране накапливается избыток компенсационных девиз других стран, то соответствующее расчетное бюро продает их при посредстве международного компенсационного бюро расчетным бюро тех стран, которые нуждаются в совершении платежей в стране, выпустившей эти компенсационные девизы.

В разгар второй мировой войны почти одновременно появились два плана — американца Уайта и англичанина Дж. Кейнса.

Уайт предлагал создать международный стабилизационный фонд за счет квот стран-участниц для урегулирования взаимных расчетов по платежным балансам. Имея в виду, что в процессе компенсационных зачетов могла возникать необходимость погашать незначительные сальдо наличными деньгами, Уайт намечал ввести новую мировую валютную единицу — юнитас с золотым содержанием 8,88671 г.

Кейнс предлагал учредить международный клиринговый союз, который заменил бы двусторонние и трехсторонние клиринги универсальными клиринговыми расчетами. Предполагалось, что после организации такого союза сальдо активных и пассивных балансов на его счетах не будут уравниваться, пока не достигнут лимита, устанавливаемого в процентах в квоте каждой страны. Допускалось, что в течение некоторого периода одни страны будут выступать в качестве кредиторов, другие — в качестве дебиторов союза. Кейнс призывал наделить международный клиринговый союз правом эмиссии банкнот, называемых им «банкорами», которые были бы определены в золоте, но в золото не конвертировались.

Из-за противоречий интересов различных капиталистических государств и отсутствия какого-либо представительного международного банковского органа, которому можно было бы поручить претворение в жизнь одного из проектов, создать международные средства обращения, обязательные к приему каждой страной, тогда не удалось. Данный вопрос вновь возник после второй мировой войны. Его решение теперь было более реально, но не потому, что межгосударственные противоречия внутри мирового капиталистического хозяйства в этой области сгладились или исчезли. Наоборот, они еще больше углубились. Но здесь они развивались в условиях кризиса валютной системы, который мог быть в какой-то степени смягчен, если бы удалось, как полагают буржуазные экономисты, лишив доллар и фунт стерлингов привилегированного положения как резервных валют, пойти на известный компромисс и создать вместо них мировые кредитные деньги. Реальность тако-

го мероприятия базировалась на том, что с 1944 г. существовал МВФ, который при определенных условиях мог быть превращен в Международный эмиссионный банк.

Теоретическая разработка проблемы продвинулась к этому времени достаточно далеко. В конце 50-х годов уже существовали планы Триффина, Золотаса, Франкса, Валоха, Саймона и других, идея которых заключалась в том, чтобы превратить МВФ в международный центральный банк, совершающий клиринговые операции по расчетам между странами и выпускающий свою собственную банкноту.

План американского экономиста Р. Триффина, как базовый для всех последующих планов создания мировой валюты, предусматривал два мероприятия: общее увеличение международной ликвидности и замену национальных резервных валют международной резервной денежной единицей путем зачисления на депозитные счета МВФ существующих у стран-членов на определенную дату сальдо в национальных резервных валютах. Предусматривалось, что депозитные счета определяются в золоте и могут свободно использоваться для международных платежей в любой стране. Международный валютный фонд превращался, таким образом, в многостороннюю клиринговую палату, которая гарантировала взаимную конвертируемость валют и сводила до минимума двусторонние платежи центральных банков между собой.

Несмотря на то что планы Р. Триффина и других авторов не получили единодушной поддержки и не стали официальными программными документами, западные страны в связи с резким обострением кризиса валютной системы все же предприняли ряд шагов, которые по сути дела означали практическое осуществление этих планов. К таким шагам следует прежде всего отнести создание и использование «специальных прав заимствования» валюты (СДР).

В 1967 г. Исполнительный директорат МВФ представил на рассмотрение очередной ежегодной сессии Совета управляющих «проект положения о льготах, предоставляемых специальными правами заимствования в фонде». Это был по существу план создания нового вида ликвидных средств с целью дополнить существующий

ющие официальные золотые и валютные резервы. Проект был одобрен Советом управляющих и получил юридическое оформление в поправках к Соглашению об учреждении МВФ, в соответствии с которыми «специальные права заимствования» валюты (СДР) безвозмездно распределялись среди стран — членов Фонда, которые изъявили желание стать участниками «специального счета заимствования». Фонд открывал странам счет в СДР в сумме 16,8% их квоты в МВФ. СДР получили твердо фиксированное золотое содержание (1 ед. СДР = 0,888671 г чистого золота) и включались в валютные резервы стран — членов Фонда. СДР освобождены от всех видов налогов, свободно (т. е. без консультации с МВФ) и бесплатно переводятся в любую валюту, что гарантируется как МВФ, так и правительствами соответствующих стран.

В настоящее время страна, использующая СДР в пределах полученной квоты, выплачивает Фонду 5% годовых. В то же время, после того как МВФ открывает стране счет в СДР, последняя считается владелицей этого счета и получает от Фонда процент в размере 5% годовых. Таким образом, действительные платежи по процентам осуществляются лишь тогда, когда имеет место неравенство сумм, выделенных стране по квоте, и сумм, записанных на счете в СДР данной страны в МВФ. Если сумма СДР на таком счете будет превышать квоту страны, которая ей выделена в СДР, то на сумму этой разницы ей будет начислен процент. И наоборот, когда страна израсходует СДР больше, чем ей выделено по квоте, она будет выплачивать с разницы процентные начисления для МВФ.

В 1969 г. Совет управляющих МВФ принял решение о выпуске в течение 1970—1972 гг. для 104 стран-участниц 9,5 млрд. ед. СДР, операции по распределению которых были завершены к 1 января 1972 г.

После 15 августа 1971 г., когда, как известно, США приостановили обмен долларов на золото (что еще раз доказывало неспособность национальных валют выполнять роль мировых денег и еще более остро ставило вопрос о необходимости реформы валютной системы капитализма), «специальные права заимствования» валюты получили новый толчок к своему дальнейшему развитию. «Решение США от 15 августа 1971 г. и особенно

приостановка формальной конвертабельности доллара в золото, — признает английский экономист Фред Хёш, — поставили международную валютную систему еще в большую зависимость от степени использования СДР, которые сейчас могут превратиться в центр резервной системы»²³.

С тех пор СДР все более приобретают значение международных кредитных денег. Так, после смитсоновского соглашения (декабрь 1971 г.) о пересмотре паритетов валют все операции МВФ по предоставлению и погашению кредитов стали выражаться в СДР, даже если выдаваемые или получаемые средства состояли частично или полностью из долларов США или других валют. Курсы валют определяются через СДР. Подобная практика имеет место и при составлении данных о позициях стран-членов в Фонде, об оставшейся непогашенной задолженности Фонду и т. д.

СДР используются при оценке новых поступлений в международные ликвидные резервы капиталистических стран. Сначала «специальные права заимствования» получили право быть дополнительным резервным активом. Затем они в определенных рамках начали использоваться в функции накопления. Следующим шагом было придание СДР функции платежа — уже к середине 1972 г. страны — участницы соглашения о «специальных правах заимствования» использовали на погашение долгов друг другу и МВФ более 2 млрд. ед. СДР²⁴.

1 июля 1974 г. СДР потеряли и ту формальную привязанность к золоту, которую имели, будучи приравненными, но не обмениваемыми на золото в пропорции 0,888671 г. за 1 ед. СДР. Их стоимость определяется теперь так называемой корзиной из 16 важнейших валют: доллара США с удельным весом в «корзине», равным 33%, марки ФРГ — 12,5%, фунта стерлингов — 9, французского франка — 7,5, японской иены — 7,5, канадского доллара — 6, итальянской лиры — 6, голландского гульдена — 4,5, бельгийского франка — 3,5, шведской кроны — 2,5, австралийского доллара, датской кроны, норвежской кроны и испанской песеты — по 1,5, австрийского шиллинга и южноафриканского рэнда — по 1%.

Есть предложения выпустить банкноты в СДР и превратить их в международное средство платежа не толь-

ко между центральными банками, но и между частными коммерческими банками и экспортно-импортными компаниями, например в форме «евро-СДР». Пока же, однако, СДР остаются не более как международными расчетными деньгами с ограниченным употреблением, а мировая валютная система — кредитно-денежной системой с незавершенным эволюционным циклом, — главный дефект которой — отсутствие международной банкноты. Нельзя не согласиться с мнением эксперта МВФ В. Бараттьери, считающего, что «превращение СДР в полноценные деньги влечет за собой появление серьезных проблем. Например, как МВФ будет определять количество единиц СДР, которое необходимо выпустить? Будет ли Фонд устанавливать общую сумму эмиссии для частных держателей и центральных банков? Не приведет ли частное владение СДР к возникновению евrorынка СДР с вытекающими отсюда последствиями движения капитала?»²⁵

Как видим, в данном случае возникает множество весьма сложных вопросов. Прежде всего МВФ должен будет обеспечить «специальные права заимствования» такой высокой степенью доверия, которая бы оправдала отсутствие их золотого покрытия. Но это возможно лишь при условии более тесного, чем до сих пор планируется, экономического и политического объединения капиталистических стран, в результате которого решения МВФ станут обязательными к исполнению национальными органами, а авторитет этого банковского института будет поддерживаться всеми активами стран-членов. Вследствие действия закона неравномерности экономического развития такое объединение сопряжено с огромными, можно сказать, непреодолимыми, трудностями и вряд ли осуществимо в ближайшем будущем. Суть дела в том, что «при капитализме, — как писал В. И. Ленин, — *немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может*»²⁶.

Названные вопросы сложны не только по существу, но и по форме. Даже кратко перечисленные экспертом

МВФ проблемы технического порядка связаны с огромной предварительной работой и преодолением серьезных разногласий. Все это дает основания предполагать, что капиталистический мир еще долго будет лишен мировых денег в виде банкноты. Поэтому, хотя международную валютную систему уже можно считать кредитно-денежной, золото все еще окончательно не демонетизировано. Оно продолжает оставаться в резервах центральных банков, а следовательно, выполнять функцию сокровища. Не исключено, что оно может вернуться к своей функции обеспечения доверия к мировым деньгам, если не будет найдено иного решения. В этом своеобразии эволюции мировых денег, которые, несмотря на повторение главных вех развития внутреннего денежного обращения, все же имеют свой собственный путь.

СОВРЕМЕННЫЕ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ

В настоящее время все страны мирового капиталистического хозяйства имеют высокоразвитые кредитно-денежные системы, основными элементами которых являются кредитные и квазикредитные деньги во всех их формах. Последние образуют и международную капиталистическую кредитно-денежную систему, хотя и далеко не столь развитую, как национальные системы. Утвердившись повсюду, кредитно-денежные отношения продолжают эволюционировать. Связанные с этим новые тенденции не только определяют характер совершающихся изменений, но и составляют главные стороны неразрешимых, антагонистических противоречий капиталистического хозяйства.

1. Новые тенденции и противоречия национальных кредитно-денежных систем

Во внутреннем развитии современных кредитно-денежных систем можно выделить три главные тенденции: тенденцию к ликвидации налично-денежного оборота и замене его безналичными расчетами, тенденцию к падению доли кредитных денег в пользу квазикредитных и, как частное проявление последней, тенденцию к превращению банкноты в бумажные деньги.

Вытеснение налично-денежного оборота безналичными расчетами. Наиболее фундаментальная работа по анализу этой тенденции проделана советским экономистом В. М. Усоскиным. Поэтому в изложении материала по данному вопросу мы будем базироваться на его исследования¹.

Замещение наличных денег безналичными происходило уже в прошлом веке, затронув в первую очередь

золотые монеты. Так, в начале XIX в. денежная масса в Англии, по ориентировочным подсчетам, состояла на 90% из наличных денег, а 10% приходилось на остатки по банковским счетам. К 1885 г. доля депозитов в денежной массе повысилась до 77%, а доля банкнот и золотых денег сократилась соответственно до 23%. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах.

Таблица 3

Структура денежной массы США (в % к итогу, на конец года)

	1880	1890	1900	1910	1920	1930
Депозиты	42	46	53	61	69	80
Наличные деньги	58	54	47	39	31	20
В том числе:						
банкноты, казначейские билеты и пр.	67	65	64	74	84	84
серебряная монета	8	8	7	7	8	9
В том числе:						
доллары	3	4	3	3	2	0,8
разменная монета	5	4	4	4	6	8,2
золотая монета	25	27	29	19	8	7

Рассчитано по: Мировые экономические кризисы. В трех томах. Под ред. Е. Варги. М., 1939, т. III, с. 602—604, 642—654.

Как видно из табл. 3, доля депозитов в денежной массе США в течение 50 лет, предшествовавших отмене золотого обращения, неуклонно повышалась и достигла 80% к 1930 г. За этот же отрезок времени количество золотых монет в обращении, несмотря на отдельные скачки, падало, вследствие чего в том же году оно составило всего 7% денежного оборота.

Вытеснение металлических денег кредитными шло так, что первые сначала низводились до роли разменной монеты. Это хорошо видно на примере серебряной монеты США. Если до 1910 г. доля серебряных долларов колебалась в пределах 3—4%, а мелкой серебряной мо-

неты — 4—5% от общей суммы наличных денег в обращении, то в 1930 г. доля первых сократилась до 0,8%, а второй — возросла до 8,2%. То же самое происходило и с золотыми монетами, с той лишь разницей, что последние фактически, а не юридически становились на положение разменной монеты.

Та же закономерность была характерна для вытеснения наличных кредитных денег безналичными. Если продолжить приведенный нами в главе 1 пример К. Маркса относительно снижения доли банкнот более высоких достоинств и роста мелких банкнот в Англии, то увидим, что в 1860 г. 200—1000-фунтовые и 5-фунтовые банкноты составляли соответственно 17 и 33% от всего банкнотного обращения, а в 1876 г. — 13 и 40%. В начале XX в. минимальный номинал банкноты в Англии снизился до 1-фунтовых и 10-шиллинговых, доля которых в 1921 г. достигала 59,6%, а в 1931 г. — 61% от всего банкнотного обращения. Доля банкнот свыше 100 ф. ст. сократилась соответственно до 7,7 и 7%.

В настоящее время наличные деньги продолжают доминировать в развивающихся странах, где еще нет достаточного базиса для развития кредитных отношений. В середине 60-х годов удельный вес наличных денег и депозитов до востребования составлял: в Бирме — 83,5%, Индии — 68,5, Пакистане — 57,9, Сирии — 81, Турции — 72, Эфиопии — 73,1%.

Среди развитых капиталистических стран выделяют две группы: страны с относительно низкой долей наличных денег (в пределах 22—27%) — США, Англия, Канада, Япония, Италия и страны с более высоким уровнем (в пределах 36—56%) — Франция, Бельгия, ФРГ, Голландия, Швейцария. Во всех перечисленных странах подавляющее большинство наличных расчетов сосредоточено в розничной торговле. Даже в США с их колоссальным размером безналичного оборота налично-денежные сделки в сфере мелкого розничного обращения превышают 50%. Так, 20-долларовые банкноты в 1939 г. составляли 21% всей наличной массы в обращении, 1950 г. — 30, 1960 г. — 32 и в 1970 г. — 33%. В то же время доля банкнот достоинством выше 100 долл. непрерывно сокращается: в 1939 г. — 8,8, 1950 г. — 3,5, 1960 г. — 1,7 и в 1970 г. — 0,8%². Постепенное низведение банкноты до уровня разменной монеты сопровождается

вытеснением наличных денег безналичными также и в сфере розничной торговли. Особенно это стало заметно с переходом в наиболее развитых странах к системе кредитных карточек. В США, например, в нее вовлечены миллионы торговых и бытовых предприятий, банки и десятки миллионов потребителей.

Для этого нового явления помимо подтверждения тенденции вытеснения наличных денег безналичными характерны еще два важнейших теоретических аспекта: оно свидетельствует о возникновении совершенно новой, ранее неизвестной, формы кредитных денег — кредитной карточки и о сведении до ничтожно малого значения функции денег как покупательного средства, по крайней мере в наиболее развитых капиталистических странах. В целом же замена наличности осуществляется за счет развития в основном двух типов безналичных кредитных денег: чеков и расчетных денег (жирооборота). Чеки получили наиболее широкое распространение в США, Англии, Канаде, Японии и некоторых других странах, а жиросчета — преимущественно в странах континентальной Европы, Скандинавии, ряде государств Африки и Юго-Восточной Азии.

Вытесняя банкноты, безналичные кредитные деньги в последнее время сами претерпевают весьма существенные изменения. Речь, в частности, идет о новой тенденции — замене безналичных бумажных кредитных денег (чеков, расчетных денег в форме жиросчетов, банковских депозитов и др.) небумажными кредитными деньгами, создающимися в связи с интенсивным внедрением электронно-вычислительных машин (ЭВМ). В. М. Усоскин считает, например, что, несмотря на противодействие целого ряда технологических, психологических и социально-политических факторов, компьютеризация в перспективе может привести к ломке всего кредитно-финансового механизма капиталистических стран, изменению складывающихся столетиями форм и приемов банковской деятельности, перестройке всей системы денежных расчетов. Так, в США в 1958 г. компьютеры были установлены лишь в немногих крупных банках. В 1966 г. уже 943 банка имели собственное электронное оборудование и еще 2055 пользовались ЭВМ на стороне, прибегая к услугам своих корреспондентов или коллективных вычислительных центров.

С середины 60-х годов открылись широкие перспективы для новых форм компьютеризации: на рынок поступили ЭВМ третьего поколения, работающие в режиме разделения времени и позволяющие использовать многочисленные каналы для одновременного приема и вывода информации. Тем самым появилась возможность подключать к машине многочисленные абоненты с помощью дистанционных устройств — выносных пультов или терминалов. В сочетании с развитием коммуникационных линий для передачи крупных массивов информации на большие расстояния технологические новшества делали практически необходимым решение задачи создания автоматизированных систем расчетов, действующих в межрегиональном и общенациональном масштабе.

Элементы автоматизированной системы платежей, разрабатываемые в США, все больше становятся достоянием других промышленно развитых стран.

Новая технология охватывает не только традиционные банковские операции, но и различные сферы и области денежного рынка, специализированные финансовые институты и организации. Так, намечается полностью реорганизовать работу фондовых бирж США, переводя на ЭВМ не только котировку ценных бумаг, но и заключение биржевых сделок, их оплату и оформление права собственности на акции и облигации. Специально созданная компания «Тафекс системз корпорейшн» (филиал «Трансамерика корпорейшн») объявила о разработке электронной сети коммуникаций, которая позволит автоматизировать валютные операции. Тогда каждый валютный брокер или банк сможет постоянно следить за состоянием рынка, анонимно вводить в систему данные с предложением купить или продать валюту, оформлять все расчеты по сделкам и т. д. Все это придет на смену существующей системе телефонов и телетайпов, которые сейчас повсеместно используются в валютных операциях.

Замена бумажных безналичных кредитных денег небумажными связана с достижениями научно-технического прогресса и вполне осуществима в условиях капитализма. Этого, однако, нельзя сказать о замене наличных денег безналичными. Хотя объективный характер данной тенденции определяется всем ходом эволюции

кредитных денег, ее претворение в жизнь наталкивается на неспособность капитализма существовать без наличных банкнот, что прежде всего проявляется в периоды кризисных ситуаций, когда всеобщая погоня за банкнотой становится формой спасения всей кредитной системы от полного банкротства. В это время резко возрастает налично-денежный оборот, ибо лишь банкнота пользуется наибольшим доверием.

Падение доли кредитных денег в пользу квазикредитных. Как уже отмечалось, квазикредитные деньги являются своего рода резервуаром, в той или иной мере регулирующим денежное обращение. При избытке кредитных денег часть их сбрасывается в него, а при недостатке — извлекается. Наиболее наглядно это проявляется в операциях на «открытом рынке». Периодически продавая или покупая государственные ценные бумаги, центральный банк либо изымает с рынка свободные кредитные средства, либо наоборот, направляет на него дополнительные денежные суммы.

Три четверти операций на «открытом рынке» США приходится на краткосрочные казначейские векселя, которые имеют номинальную стоимость от 10 тыс. до 100 тыс. долл. сроком на 91, 182 и 365 дней. Впервые казначейские векселя были предложены к продаже в 1929 г. на сумму 100 млн. долл. К 1969 г. сумма размещенных векселей достигла 80,6 млрд. долл., а в конце мая 1973 г. — 103 млрд. долл.³

О значимости политики купли-продажи этих ценных бумаг говорят следующие примеры: в июле 1971 г. система (ФРС) США закупила казначейских векселей на 2067 млн., а продала на 1617 млн. долл., в октябре, наоборот, закупила всего на 772 млн., а продала на 1133 млн., в декабре того же года цифры составили соответственно 3055 млн. и 1981 млн. долл.⁴ «Покупая (в основном у коммерческих банков) эти бумаги, — пишет по этому поводу А. В. Аникин, — ФРС дает им ресурсы для покупки у государства новых масс ценных бумаг, а также для кредитования хозяйства. Происходит рост денежной массы в виде банковских депозитов, а соответственно — и банкнот ФРС»⁵.

В странах континентальной Западной Европы данная политика играет меньшую роль, чем в англосаксонских странах. Однако после второй мировой войны, как

отмечает советский экономист В. Н. Шенаев, операции на открытом рынке получили широкое распространение и в этом регионе. В ФРГ, например, с 1958 г. основными видами ценных бумаг на «открытом рынке» также стали казначейские векселя и беспроцентные казначейские свидетельства; их общая сумма, котировавшаяся на «открытом рынке», в 1958 г. составляла 1,8 млрд., в 1960 г.— 2 млрд., в 1962 г.— 1,5 млрд., в 1964 г.— 1,7 млрд., в 1965 г.— 2,5 млрд., в 1966 г.— 4,7 млрд. марок⁶.

В лице данного явления современные капиталистические денежные системы имеют механизм регулирования денежных масс в обращении, который наряду со способностью банкнот расширяться или сокращаться в обращении в зависимости от вексельного оборота заменил в какой-то мере существовавший при золотом стандарте автоматизм действия функции сокровища.

Конечно, данная форма регулирования денежных масс имеет лишь ограниченное значение и в силу сохранения стихии и анархии капиталистического кредитно-денежного обращения не может ни в коей мере рассматриваться как эффективный стабилизирующий фактор. Тем не менее в нашем случае она дает довольно четкое представление о прямой связи и взаимном переходе кредитных денег как более ликвидных и подвижных и квазикредитных денег как менее ликвидных форм денег, пригодных для выполнения лишь части денежных функций.

Такого рода явления нередко происходят и без сознательных действий банков и правительств. Например, в периоды биржевых кризисов отчетливо проявляется по крайней мере одна тенденция: повсеместная распродажа ценных бумаг и стремление во что бы то ни стало превратить их в банкноты, чеки, банковские расчетные деньги и т. д. Обратная тенденция наблюдается в периоды крупнейших инвестиционных бумов. Анализируя железнодорожную горячку в Англии в 1847 г., К. Маркс приводит следующие сведения: вкладывая в железнодорожные акции огромные суммы, торговые фирмы в свою очередь были вынуждены брать у банков посредством учета векселей значительные средства, с тем чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела; в результате платежи по железнодорожным акциям истощили вклады банков⁷.

Эти разнонаправленные течения, т. е. переход кредитных денег в квазикредитные и обратно, однако, не равнозначны по силе — в целом, за длительный промежуток времени в квазикредитные деньги переходят большие денежные суммы, чем обратно, что обеспечивает постоянное накопление и возрастание фиктивного капитала. Последнее очевидно хотя бы из факта быстрого роста во всех странах государственного долга. Так, в США размеры государственного долга с 1941 по 1971 г. увеличились более чем в 7 раз (с 57,9 млрд. до 424 млрд. долл.), в Англии за этот же период — в 4,7 раза (с 7,1 млрд. до 33,4 млрд. ф. ст.), в ФРГ с 1950 по 1971 г. — почти в 6 раз (с 31 млрд. до 183,4 млрд. марок) и т. д. Приводимые цифры не новы, нам же важно подчеркнуть мысль о том, что, как отмечено советским экономистом Р. М. Энтовым, «по мере развития капитализма отчетливо проявлялась тенденция к расширению периодов быстрого роста государственного долга и к сокращению периодов его погашения... Погашение государственной задолженности становится не только все менее регулярным, но и все менее значительным по своим размерам»⁸.

Та же закономерность доказывается и непосредственным сравнением объема вновь выпускаемых в США ценных бумаг с приростом компонентов денежной массы (см. табл. 4).

С 1963 по 1973 г. сумма наличных денег плюс средства на чековых счетах в банках (так называемый агрегат M_1) возросли на 104,7 млрд. долл., а номинальная стоимость ценных бумаг — на 699,6 млрд. долл. Если взять другой вариант подсчета, т. е. сумму наличных денег плюс средства на чековых счетах, плюс сумму срочных и сберегательных вкладов в коммерческих банках (агрегат M_2), то и в этом случае сумма вновь выпускаемых ценных бумаг значительно превышала прирост денежной массы.

То же самое наблюдается и на примере ФРГ (см. табл. 5). С 1965 по 1975 г. прирост денежной массы по M_1 и по M_2 отставал за редким исключением от прироста номинальной стоимости ценных бумаг. Вследствие этого, если в 1966 г. стоимость ценных бумаг превышала стоимость денежной массы M_2 на 35,6 млрд. марок, то в 1974 г. — уже на 58,6 млрд. марок.

Соотношение прироста денежной массы и ценных бумаг в США
(в млрд. долл.)

	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973
Годовой прирост денежной массы:										
M_1	6,6	7,1	3,6	10,9	13,2	6,3	11,1	13,4	20,5	15,7
M_2	36,5	13,3	8,8	31,4	46,5	61,0	46,5
Общая сумма новых выпусков, включая государственные и частные акции и облигации	37,1	40,1	45,0	68,5	65,6	52,5	88,7	105,2	96,5	100,4

Примечание. В современной зарубежной статистике используется несколько вариантов оценки денежной массы, причем время от времени одни варианты заменяются другими даже в статистических материалах одной и той же страны. Тем не менее приводимая таблица все же дает представление об указанной закономерности.

Источники: «Federal Reserve Bulletin», September 1968, A17; March 1970, A17; August 1972, A17, A48; January 1975, A14, A41.

Такого рода метаморфоза денег, ведущая к превращению денежного капитала в фиктивный и накоплению последнего, создает чрезвычайную нестабильность кредитных систем. Их устойчивость определяется теперь не только степенью прочности кредитной цепочки, но и обстановкой на рынке фондовых ценностей. Сравнительная легкость реализации ценных бумаг на бирже, даже в условиях падающих курсов, ставит денежное обращение в большую зависимость от квазикредитных денег. Являясь резервуаром денежного обращения, постоянно увеличивающиеся колоссальные массы ценных бумаг более или менее удовлетворительно выполняют эту свою функцию при спокойном течении процессов производства и обращения. Но при малейшем экономическом или политическом потрясении (а для паники на фондовой бирже сейчас достаточно относительно небольшого события) лавина ценных бумаг устремляется в каналы де-

Соотношение прироста денежной массы и ценных бумаг в ФРГ
(в млрд. долл.)

	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974
Годовой прирост денежной массы:									
M_1	1,1	8,3	5,6	5,9	8,8	13,3	17,8	3,6	—
M_2	6,5	14,2	14,7	14,6	16,5	25,2	33,7	33,5	13,7
Годовой прирост ценных бумаг, включая государственные и частные акции и облигации	8,0	18,8	20,4	10,1	16,9	24,4	40,1	29,8	30,2

Источник: «Monatsberichte der Deutschen Bundesbank», 25 Jahrgang, 1973; October 1973; Februar 1975, S. 4, 52—53 (Statistischer Teil).

нежного обращения и молниеносно, как вода в прорвавшейся плотине, вызывает значительные расстройства денежных систем. Вот почему большинство денежных кризисов начинается на рынке фондовых ценностей и их глубина в большой мере определяется степенью биржевой паники и крахов.

Тенденция к превращению банкноты в бумажные деньги. Как уже отмечалось, отличие банкноты от бумажных денег весьма существенно. Так, банкноты выпускаются под реальное движение товаров и услуг, бумажные деньги — на удовлетворение фискальных нужд государства. Доверие к банкноте поддерживается совершившимися товарными сделками, юридическими нормами и силой государственной власти. Доверие к бумажным деньгам — только последней. Ценность банкноты определяется ценностью представляемых ею товаров, ценность бумажных денег — их количеством.

Однако внешне между бумажными деньгами и банкнотой четкого различия нет — одни и те же денежные знаки могут быть как теми, так и другими. Банкнота совершенно потеряла внешнее отличие от бумажных

денег, когда ей было придано свойство законного платежного средства. В Англии это произошло в 1833 г., в Германии — в 1909 г., в США — в 1913 г.

До тех пор пока, согласно банковскому законодательству, банкнота выпускалась под векселя и другие коммерческие бумаги, а также замещала в обращении золото, будучи на него разменна, случаи превращения банкноты в бумажные деньги были относительно редки. Положение изменилось в эпоху монополистического и государственно-монополистического капитализма. Большинство стран стали выпускать банкноты под правительственные бумаги и иностранную валюту, что превратило случай в закономерность, а превращение банкнот в бумажные деньги — в постоянно действующую тенденцию.

Выпуск банкнот под иностранные девизы имеет экономическое оправдание, когда налицо большой спрос на иностранную валюту со стороны местных импортеров, которые своей деятельностью увеличивают внутренний товарооборот. Но на практике зачастую поступления валюты в страну происходят вследствие превышения вывоза товара над ввозом, что уменьшает внутренний товарооборот, или за счет притока спекулятивных капиталов, вообще не имеющих ничего общего с внутренним товарооборотом и платежами.

В США, например, согласно «Гласс — Стигол акту» от 1932 г. была изменена существовавшая ранее практика, когда банкноты могли быть выпущены только против документов, вытекающих из действительных коммерческих денег. Теперь эмиссия банкнот допускалась также под обеспечение ценных правительственных бумаг. В результате, по признанию буржуазных экономистов, «господствующим фактором в регулировании объема банкнотной эмиссии стала скорее цена правительственных обязательств, чем потребности торгового оборота страны»⁹. Поскольку эти обязательства в течение многих лет обращались на рынке с премией, то банки извлекали определенную прибыль от операций с ними: стремились их скупать, увеличивая одновременно свою банкнотную эмиссию, в те моменты, когда цена правительственных обязательств падала, и продавать (уменьшая тем самым банкнотную эмиссию), когда цена обязательств росла.

Отличительная черта итальянской системы — установление различий между банкнотами, выпущенными под коммерческие бумаги, и банкнотами, выпущенными как ссуды государству. Цель этих различий — внести ясность в состояние правительственной задолженности банку и ограничивать ее, так как закон устанавливал максимум эмиссии в обоих случаях. После первой мировой войны такие ограничения перестали действовать, и на банк больше не возлагалось никаких обязательств по созданию резервов для обеспечения эмиссии, произведенной под государственные ценные бумаги.

Выявление закономерности превращения банкнот в бумажные деньги еще не говорит о легкости или возможности цифрового выражения данного процесса. В действительности определить количество необеспеченных банкнот в обращении невозможно. Представление о нем дают лишь косвенные показатели. Наиболее наглядный и распространенный пример превращения банкноты в бумажные деньги — курс германской марки после первой мировой войны. Так, если в 1914 г. 1 долл. равнялся 4,2 марки, то в 1918 г. — 8 маркам, в 1919 г. — 14, 1921 г. — 60, 1922 г. — 500, в январе 1923 г. — 30 000, в августе 1923 г. — 4 600 000, в сентябре 1923 г. — 100 000 000, в октябре 1923 г. — 25 000 000 000, в ноябре 1923 г. — 4 200 000 000 000 марок.

И все же общепринятой оценкой необеспеченности банкноты служит не валютный курс, а степень ее реального обесценения. В отличие от бумажных денег она не может определяться только повышением уровня цен, а соответствует разности между ставкой процента и процентным приростом цен за ограниченный отрезок времени.

Однако инфляция определяется не только реальным, но и номинальным обесценением денег. Она, как известно, обязательно характеризуется перераспределением прибавочной стоимости, что происходит и при номинальном обесценении. Особенно это касается рабочих, которые, как правило, редко помещают средства в акции и облигации, на срочные счета в банки. Кстати, инфляция может иметь место не только при бумажно-денежном обращении, но и при обращении «полноценных» кредитных денег, ибо причины инфляции не сводятся лишь к одному фактору переполнения каналов денежно-

го обращения. Ее развитие, таким образом, может происходить как в условиях превращения банкнот в бумажные деньги, так и без него. Но в данном случае мы не касаемся этой темы.

В главе первой данной монографии отмечалось, что при капитализме деньги — часть денежного капитала, выделенная на выполнение денежных функций. Затем было показано, что когда в обращение выпускается большее количество денег, чем необходимо для обслуживания товарооборота и услуг (а такая практика в эпоху империализма является правилом), деньги снова уходят из обращения, будучи помещенными в банки или ценные бумаги. Поэтому в периоды спокойного развития капитализма количество кредитных денег в целом соответствует потребностям в них товарооборота и платежей. Исходя из этих соображений, выпуск непокрытой коммерческими векселями банкноты не означает обязательного факта ее превращения в действительные бумажные деньги — она лишь переходит на положение квазикредитных денег. Настоящими бумажными деньгами, т. е. чистыми знаками самих себя, банкноты становятся тогда, когда перестают быть способными превращаться в денежный и фиктивный капитал. Предложение денег как капитала в таком случае превышает спрос на них и они остаются в каналах денежного обращения. Примером может служить наличие реального обесценения денег, которое имело место в периоды мировых войн и послевоенной разрухи, а также во время кризиса 1929—1933 гг.

Если обратиться к последним десятилетиям, то до 1973 г. в промышленно развитых капиталистических странах, несмотря на постоянное номинальное обесценение денег, не наблюдалось реального их обесценения: темпы роста цен были значительно ниже уровня процентных ставок по краткосрочным и долгосрочным кредитам и займам. Это свидетельствует о том, что излишки денег поглощались рынком капитала, а вкладчики инвесторы не только не теряли на обесценении, но и выигрывали, так как получали компенсацию обесценения в виде дохода от процента (см. табл. 6).

Начиная с 1973 г. положение изменилось. В результате действия целого ряда причин (энергетического и валютного кризисов, огромных бюджетных дефицитов,

Соотношение номинальной и реальной цены денег в США (в %)

Показатель	1961	1965	1967	1968	1969	1970	1971
Изменения индекса опто- вых цен за год	94,9— 94,5	94,7— 96,6	99,8— 100	100— 102,5	102,5— 106,5	106,5— 110,4	110,4— 113,9
Изменения номинальной цены денег	+0,4	-2,0	-0,2	-2,5	-3,9	-3,7	-3,2
Годовая ставка пер- воклассным заемщикам	4,5	5,0	5,5—6,0	6,3—6,7	7,0—8,5	8,0—6,7	6,5—5,2
Реальная цена денег	+4,9	+3,0	+(5,2— 5,8)	+(3,8— 4,2)	+(3,1— 4,6)	+(4,3— 3,0)	+(3,3— 3,0)

* 1967 г. = 100.

Источник: «Federal Reserve Bulletin», August 1972, p. A 34, A 68.

Таблица 7

Рост цен и изменения процентных ставок по краткосрочным и долгосрочным кредитам и займам ведущих капиталистических государств (в %)

Страна	1972		1973		1974 (I кв.)	
	рост оптовых цен за год	процентная ставка	рост оптовых цен за год	процентная ставка	рост оптовых цен за год	процентная ставка
Англия	6,7	5—10	10,2	9—16	18,7	16
Италия	7,3	4—9	26,3	4—9	—	—
США	6,5	6—7	18,2	4,5—11	19,1	7,5—11
Франция	6,9	4—8,5	16,3	7,5—11	20,3	10—13
ФРГ	6,1	4—8	9,3	5—14	14,1	7—12
Япония	5,8	4—7	29,0	4—10	35,4	6—12,5

Источник: Bank for International Settlements, Forty-Fourth Annual Report. Basle, 1974, p. 18, 23.

манипуляций с ценами международных и национальных монополий и т. д.) капиталистический мир столкнулся с небывалой по силе вспышкой инфляционных явлений. Рост цен, как видно из данных табл. 7, превысил уровень процентных ставок, которые уже не компенсировали потери вкладчика и инвестора от номинального обесценения денег.

Началось реальное обесценение денег и массовое превращение банкнот в бумажные деньги, что вызвало самое глубокое и серьезное со времен второй мировой войны расстройство денежного обращения стран капитала. Анализируемая тенденция получила практическое воплощение. В этом одно из важнейших проявлений нынешней фазы углубления общего кризиса капитализма.

2. Особенности развития современной валютной системы капитализма

Мы уже отмечали, что международные валютные отношения отстают от уровня развития национальных денежных систем и имеют некоторые особенности в разворачивании эволюционного процесса. Одна из этих особенностей — запаздывание с созданием международных банкнот, а в их лице и международных кредитных денег вообще. Поэтому национальные деньги, несмотря на все свои недостатки с точки зрения выполнения ими функций мировых денег, не только продолжают играть роль последних, но и, приспособившись к сложившейся обстановке, претендуют стать действительно таковыми не только по форме, но и по содержанию.

Евроденьги — новая форма мировых денег. Еще два десятилетия назад финансовому миру, занятому в сфере международных операций, были известны просто доллары, просто фунты стерлингов, просто французские франки, которые обслуживали внешнеторговые и другие операции в рамках валютных блоков, зон, клиринговых соглашений и т. д. Сейчас их заменили или дополнили евродоллары, евростерлинги, еврофранки, евромарки и т. д.

Дело, разумеется, не в некоторой модификации названий, а в существовании вопроса. Евродоллар — это уже не

национальная валюта США, а денежная единица, вышедшая из-под контроля американского правительства, свободно перемещающаяся по миру и имеющая целый ряд налоговых и прочих преимуществ по сравнению со своим «родителем». То же самое относится к другим евровалютам. Иными словами, к евровалютам относятся те денежные средства, которые находятся за пределами границ своего официального обращения и не подпадают под юрисдикцию национальных банковских и финансовых органов. Следовательно, если речь идет об евродолларах, то это долларовые счета в банках Лондона, Парижа, Франкфурта, Милана, Цюриха, Базеля, т. е., как правило, вне территории США; если говорится об евростерлингах, то это авуары в фунтах стерлингов в банках, расположенных вне Лондона или английской территории.

Приставка «евро» возникла исторически (первые деньги такого типа появились в Европе) и в настоящее время вовсе не означает, что местонахождение евродолларов или евровалют ограничивается этим континентом. Депозиты в долларах или фунтах стерлингов в Токио, Бейруте или Багамских островах — такие же евродоллары и евростерлинги, что и в Париже, Цюрихе, Люксембурге.

В этом отношении довольно удачно высказался американский экономист Айра Скотт, который писал: «Как Священную Римскую империю нельзя считать в полном смысле слова священной, римской или империей, в той же степени так называемый евродолларовый рынок не может рассматриваться ни как европейский, ни как долларовый рынок. Скорее всего это рынок банковских депозитов в иностранной валюте»¹⁰.

Уже в 20-е годы встречались межбанковские операции по депозитам в иностранной валюте, но их суммы были тогда незначительными. Лишь в 50-е годы они достигли заметных объемов, причем произошло это благодаря американскому доллару. Другие валюты начали развиваться в этом направлении значительно позднее и не столь высокими темпами, как доллар. Данные табл. 8 показывают, что евродоллар устойчиво занимает в общей сумме евроденег лидирующее положение.

На примере доллара можно проследить этапы формирования евроденег. Известно, что в рамках мирового

Динамика структуры евроденег за 1964—1975 гг. (на конец года)

Валюта	1964	1966	1968	1970	1971	1973	1975
Все евроденьги, млрд. долл.	12,0	20,0	37,3	77,7	100,1	188,6	258,2
Евродоллары:							
млрд. долл.	9,0	16,1	30,4	60,4	71,5	133,8	190,2
в процентах к итогу	75,0	81,0	82,0	78,0	72,0	70,0	73,0
Другие евровалюты:							
млрд. долл.	3,0	3,9	6,9	17,3	28,6	54,8	68,0
в процентах к итогу	25,0	19,0	18,0	22,0	28,0	30,0	27,0

Источник: по данным активов в иностранной валюте банков девяти европейских стран, приведенных в годовых отчетах Банка международных расчетов за 1969/1970, 1973/1974, 1975/1976 гг. (с. 151, 162 и 81 соответственно).

капиталистического хозяйства одни страны имеют положительное сальдо платежного баланса, другие, наоборот, страдают от дефицита в расчетах с внешним миром. В условиях золотого стандарта такое положение исправлялось за счет перелива золота из одной страны в другую. Другим вариантом урегулирования данного неравновесия являлся жесткий валютный контроль и контроль за движением капитала, применявшийся капиталистическими странами во время первой и второй мировых войн, а также в 30-х годах и в конце 40 — начале 50-х годов. Тогда балансирование происходило с помощью различных принудительных правительственных мер, как, например, в Англии, когда страны Сообщества вынуждены были держать свои стерлинговые авуары на счетах лондонских банков.

После того как золото ушло из обращения и жесткий контроль был отменен, создалась совершенно своеобразная обстановка: с одной стороны, не было ни стихийного, ни сознательного механизма урегулирования балансов между странами, с другой — не существовало

и препятствий к тому, чтобы страны с положительным сальдо продолжали накапливать ликвидные ресурсы, а страны с отрицательным сальдо — оставаться на положении должников. В результате начала быстро нарастать асимметрия в распределении мировых ликвидных средств. Непосредственным толчком к этому послужил так называемый долларовый голод, возникший в связи с зависимым положением разоренных войной хозяйств от импорта товаров из США. Поступавшая из-за океана американская валюта охотно принималась, а поток долларов не только не сокращался, а, наоборот, нарастал, так как помимо экспорта капитала США несли большие расходы по содержанию войск за границей и все более увязали в военных авантюрах в различных частях света.

Если раньше доллары, уйдя из США, снова возвращались в страну в форме оплаты за американские товары и услуги, то теперь этот возврат был лишь частичным, большая же их часть растекалась по всему миру, оседая на счетах банков, в сейфах торговых и промышленных фирм и компаний или просто скапливаясь у населения. Поскольку золото уже не могло выполнять в полной мере функций мировых денег, а международные экономические отношения капитализма не дали ему какой-либо равноценной альтернативы, например в виде признанных всеми странами межнациональных кредитных денег, доллары заполнили пустоту, стихийно взяв на себя исполнение роли последних. Как таковым, им уже не нужно было возвращаться на национальный рынок — они стали обслуживать товарооборот и платежи между третьими странами, превратившись таким образом в евродоллары.

Кредит на рынках евродолларов и евровалют с самого начала отличался большими размерами и доступностью. Здесь банки и фирмы могли получать заемные средства в миллионы и миллиарды долларов. Именно эти кредиты явились важнейшим источником ссуд для международных монополий и капиталистов, ведущих операции за пределами национальных границ. Так, только в 1973 г. на рассматриваемых рынках было мобилизовано 6,7 млрд. долл. долгосрочных капиталов, получено на 30 млрд. долл. среднесрочных кредитов и около 190 млрд. долл. краткосрочных ресурсов¹¹.

Развитие до таких размеров рынка евроденег и всеобщее распространение последних, особенно евродолларов, в международных расчетах и платежах означало, что на смену национальным валютам как мировым деньгам пришли, хотя и в том же национальном облики, международные валюты. Евроденьги явились результатом приспособления валютной системы капитализма к условиям, когда объективная необходимость в мировых кредитных деньгах не получила удовлетворения в «банкоре», СДР и т. д. В евродолларах и евровалютах нашло частичное разрешение противоречие между интернациональным характером валютных связей и национальной природой денег, обслуживающих эти связи.

Слово «частичное» употреблено нами не случайно. Дело в том, что, хотя евродоллары и евровалюта с большой степенью достоверности можно назвать международными деньгами, они все же не оторваны окончательно от формирующих их национальных валют и в значительной степени, хотя и косвенно, зависят от национальных рынков капитала, движения процентных ставок, кредитной политики правительств стран происхождения.

Так, если взять евродоллар и сравнить движение процентной ставки по трехмесячным межбанковским евродолларовым депозитам с движением процентной ставки по трехмесячным казначейским векселям, то налицо их видимая связь. Эта связь признается в отчете МВФ, где отмечается, что «евродолларовые процентные ставки довольно близко следовали за общим направлением движения процентных ставок США, причем евродолларовая ставка была постоянно выше соответствующей ставки США на величину, колеблющуюся от месяца к месяцу в пределах, не превышающих 4%»¹².

Конечно, рассматриваемая зависимость постепенно ослабевает, что объясняется тем, что с 1973 г. главными заемщиками на рынке евродолларов становятся Япония и страны Западной Европы, а главными поставщиками ресурсов — нефтедобывающие страны. Тем не менее окончательно исчезнуть она не может хотя бы потому, что евродоллары составляют основу заграничного денежного капитала транснациональных американских компаний, роль которых в мировых отношениях чрезвычайно велика.

Евроакции и еврооблигации — международные квазиденьги. Как и во внутреннем обращении, в сфере международных отношений капитализма вслед за кредитными деньгами появились квазикредитные деньги. Рынок евроакций образует свободно обращающиеся ценные бумаги международных компаний. Получаемые по подписке на акции доходы, как правило, не подпадают под национальные законы и не облагаются соответствующими налогами и сборами. К компаниям, выпускающим такого рода ценные бумаги, относятся крупнейшие межнациональные и транснациональные концерны, принадлежащие преимущественно американским, английским, японским и некоторым западноевропейским монополистическим группам.

На рынке еврооблигаций их эмитенты, подписчики и посредники также являются иностранцами по отношению к стране, чью валюту они используют, и в отличие от прежних международных рынков облигаций, когда на национальных рынках капитала осуществлялось размещение облигаций иностранных государств (например, облигаций займов царской России во Франции) и промышленных компаний, не подчиняются никаким национальным правилам и условиям ведения операций.

Остановимся на рынке еврооблигаций, поскольку он является наибольшим по размеру и наиболее совершенным по степени организации. В отличие от евроденег еврооблигации выражаются не только в различных национальных валютах, из которых американский доллар занимает главенствующее положение, но и в особых международных расчетных единицах. Распределение займов по валютам происходило следующим образом (см. табл. 9).

В условиях хронического кризиса валютной системы капитализма, общей неуверенности в способности валют сохранить свой паритет рынок долгосрочного капитала выработал своеобразную защиту — особые формы международных расчетных денег типа европейская расчетная единица (ЕРЕ), европейская валютная единица (ЕВЕ), европейская составная единица (ЮРКО).

Появление ЕРЕ совпало с началом современного этапа кризиса валютной системы капитализма. Она используется с 1961 г. и предназначена для ограждения заемщика и инвестора от риска ревальвации или девальвации валют. До 1973 г. ЕРЕ базировалась на валютах

Структура рынка еврооблигаций (в млн. америк. долл.)

Валюты облигаций	1965	1969	1971	1973	1975
Доллар США	702	1631	2188	3407	9952
Марка ФРГ	250	1054	807	1387	3298
Французский франк	—	—	47	166	293
Голландский гульден	—	33	290	194	902
Швейцарский франк	—	—	—	1526	2591
Европейская расчетная единица (ЕРЕ)	—	60	166	99	363
Европейская валютная единица (ЕВЕ)	—	—	85	—	—
СДР, ЮРКО и др	65	—	53	1000	1398
Итого	1017	2777	3636	7779	18797

Источники: «Euromoney», February 1972, p. 69; «Financial Times», March 5, 1973; «Financial Times», March 8, 1976.

17 стран — членов бывшего Европейского платежного союза (Австрии, Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Турции, Франции, ФРГ, Швейцарии и Швеции), в настоящее время — на валютах 9 стран — членов ЕЭС. Ее ценностное содержание пересматривается лишь в том случае, если курсы минимум $\frac{2}{3}$ составляющих ее валют изменяются в одном направлении.

ЕВЕ получила распространение среди стран ЕЭС с конца 1970 г. Она не имела золотого содержания и была эквивалентна: 3,66 марки ФРГ, 50 бельг. или люкс. франкам, 5,55 франц. франка, 625 итал. лирам, 3,62 голл. гульдена. Подписка производилась в любой из этих валют по выбору инвестора, так же как выплата процентов и погашение. Если валюта, в которой предусмотрено погашение, девальвирована, то держатель облигации мог требовать выплаты процентов и погашения в любой другой валюте «Общего рынка». Это же положение применимо и к случаю ревальвации одной из валют. Поскольку заемщик гарантировал выплату процентов и

погашение в лучшей из валют стран-участниц, он мог требовать более низкого процента по займу. В 1973 г., в связи с преобразованием ЕРЕ, ЕВЕ была упразднена.

В том же году была создана ЮРКО. Как и ЕВЕ, она не имеет золотого содержания и, как ЕРЕ, базируется на валютах 9 стран ЕЭС. Но, в отличие от ЕРЕ и ЕВЕ, ЮРКО образована с учетом того, что каждая валюта ЕЭС имеет в Сообществе различный вес и значение. Поэтому она приравнивается не поочередно к каждой валюте по тому или иному курсу, а сразу ко всем валютам «Общего рынка» в определенной пропорции.

Существует два типа ЮРКО: для финансовых и коммерческих операций. Для финансовых операций 1 ед. ЮРКО составляет 0,9 западногерм. марки (28,77%), 1,2 франц. франка (21,63%), 0,075 ф. ст. (14,52%), 80 итал. лир (10,93%), 0,35 голл. гульдена (10,19%), 4,5 бельг. франка (9,26%), 0,2 дат. кроны (2,7%), 0,50 люкс. франка (1,03%) и 0,005 ирланд. ф. ст. (0,97%). Для коммерческих операций 1 ед. ЮРКО составляет 1 ф. ст. (20,2%), 6 западногерм. марок (20%), 2,4 долл. США (20,2%), 11,5 франц. франка (19,8%), 7 швейц. франков (19,8%).

Девальвация или ревальвация одной из составляющих ЮРКО валют оказывает влияние на ее стоимость, но в степени, соответствующей весу данной валюты в ЮРКО. Например, датская крона девальвируется на 20%, тогда ЮРКО для финансовых операций девальвируется на 0,54% ($2,70 \times 0,20 = 0,54$); или если французский франк ревальвируется на 10%, то ЮРКО финансовая — соответственно на 2,163% ($21,63 \times 0,1 = 2,163$), а ЮРКО коммерческая — на 1,98% ($19,8 \times 0,1 = 1,98$).

Кроме указанных единиц существуют: счетная единица «Общего рынка», которая употребляется официальными институтами ЕЭС (Европейским инвестиционным банком, Европейским фондом развития, Европейским фондом валютного сотрудничества и т. д.) и подразделяется на сельскохозяйственную и промышленную; счетная единица банка «Барклейз бэнк интернэшнл»; рассматривается проект создания арабской составной единицы (АРАБКО), которая будет базироваться на динаре Кувейта, динаре Бахрейна, ливанском фунте стерлингов, риале Катара, риале Саудовской Аравии и дирхеме Объединенных Арабских Эмиратов.

Все эти разновидности международных расчетных единиц по своей форме — своего рода мультивалютные оговорки, так как они защищают от риска потери стоимости кредиторов и заемщиков в кредитно-финансовых отношениях и экспортеров и импортеров — во внешне-торговых операциях. Но по существу они являют собой нечто большее, чем валютные оговорки. Все они, по нашему мнению, могут быть отнесены к зародышевым формам безналичных кредитных денег, как некоторый эталон ценности.

Известно, что при заключении контракта в цене помимо всего прочего учитывается вероятность ревальвации или девальвации валюты платежа, от этого цена на товары либо завышается, либо занижается. Будучи более стабильными, чем любые национальные валюты, международные расчетные единицы способствуют в определенной мере ограждению внешнеторговых цен от конъюнктурных колебаний стоимости национальных денег и спекулятивных валютных лихорадок. Как эталон ценности они проявляются и через процентную ставку, которая удорожает или удешевляет капиталовложения. По свидетельству газеты «Файненшл таймс», «опыт показал, что процентная ставка на рынке счетной единицы ЕЭС была значительно ниже ставок по «слабым» валютам и едва превышала ставки по «сильным» валютам, что стимулировало экономически здоровый перелив долгосрочных ресурсов из стран-экспортеров капитала в страны-импортеры»¹³.

Кредитная природа этих денег проявляется, в частности, в отсутствии реальной связи с золотом. Хотя расчетная единица ЕРЕ и счетная единица ЕЭС имеют золотое содержание, оно тем не менее не подкреплено золотым обеспечением, а потому фактически фиктивно. В данной связи неправы экономисты, полагающие, будто золотое содержание валют не зависит от того, обеспечивается ли оно золотыми запасами или нет, и утверждают, что валюты капиталистических стран все же имеют золотое содержание, хотя золотое обеспечение отменено в большинстве государств, за исключением Бельгии, Голландии, Швейцарии, где оно формально сохранено. Нам представляется, что золотое содержание без золотого обеспечения нематериально.

Фиктивность золотого содержания явилась причиной

того, что международные расчетные единицы, образованные позже ЕРЕ и счетной единицы ЕЭС, не имеют никакой, даже формальной, связи с желтым металлом. В целом наличие таких форм международных кредитных денег следует рассматривать как свидетельство более высокой степени развития рынка евроакций и еврооблигаций по сравнению с рынком евродолларов и евровалют.

«Горячие деньги» — форма безналичных бумажных денег. Международные валютные отношения не только отличаются от национальных денежных систем, например, тем, что национальные денежные единицы трансформируются здесь в евроденьги (последние являются записями на банковских счетах и, как правило, не принимают формы банковских билетов). Они имеют и общие с ними черты. В частности, типичная для современного капитализма тенденция превращения кредитных денег в бумажные действует и здесь. Однако если в рамках национального денежного обращения она осуществляется преимущественно через банкноту, то в международных отношениях — через безналичные расчетные деньги.

Данное обстоятельство тем не менее не означает, что в бумажные деньги переходят все безналичные расчетные деньги. Это происходит лишь с теми из них, которые ближе всего по своей экономической природе примыкают к наличным банкнотам. Так, чем более краткосрочными являются вклады, тем больше они соответствуют наличным деньгам. Недаром агрегат M_1 налично-денежного оборота включает наряду с банкнотами в обращение счета до востребования. В международном обороте из-за большей замедленности обращения товаров и услуг к таким деньгам можно отнести банковские пассивы сроком от 1 дня до 3 месяцев.

Следствием указанной особенности является то, что в периоды кризисных потрясений общим становится не погоня за наличными, которых здесь попросту нет в должных количествах (так как выпуск наличных за границу строго регламентируется очень узкими рамками всеми национальными правительствами), а погоня за краткосрочными капиталами. Именно поэтому, например, в годы острого кризиса доллара евродолларовый рынок (основу которого как раз и составляют такого рода краткосрочные капиталы) не только не сокращался, но продолжал расти стремительными темпами.

Краткосрочные ресурсы, находящиеся за пределами потребностей в них промышленности, торговли и услуг, относятся к категории «горячих денег». Последние являются наиболее ярко выраженной формой безналичных бумажных денег в международном обороте.

Имеется два главных фактора, которые делают явным необеспеченность «горячих денег» коммерческими операциями: это — «множительный эффект» и способность «горячих денег» приобретать свойство снежного кома, т. е. притягивать в процессе своего движения все другие капиталы и вызывать лавину мчащихся в пропасть символов общественного богатства. Не останавливаясь подробно на характеристике этих факторов, мы повторим здесь, на примере евродолларов, наши выводы относительно динамики их превращения в «горячие», а следовательно, бумажные деньги¹⁴.

В табл. 10 приведены сравнительные данные динамики развития мирового импорта, евродолларового рынка и частных долларовых активов неамериканских коммерческих банков, торговых фирм и отдельных граждан. Можно предположить, что частное владение долларами должно находиться в определенном постоянном соотношении с мировой торговлей, так как в случае образования излишков последние, как правило, предъявляются центральным банкам для обмена на местную валюту, а при нехватке долларов их получают в центральных банках, т. е. частное долларовое владение пополняется дополнительными суммами.

Из таблицы видно, что в течение 8 лет отношение частных долларовых активов неамериканских владельцев к объему импорта действительно оставалось примерно постоянным и колебалось в пределах 6—8% (за исключением 1969 г.). В то же время соотношение размера евродолларового рынка к объему импорта не отличалось постоянством — евродолларовый рынок увеличивался гораздо более высокими темпами, вследствие чего уже в 1970 г. он достиг более чем 20% оборота по мировому импорту.

Несоответствие темпов роста внешнеторговых операций (с 1963 по 1970 г. — в 2 раза) и евродолларового рынка (за тот же период — почти в 15 раз) свидетельствует о наличии на рынке огромной массы «горячих» долларов. Поэтому если предположить, что для обслу-

Соотношение мирового импорта, неамериканских частных долларовых активов и евродолларового рынка в 1963—1970 гг. (в млрд. долл.)

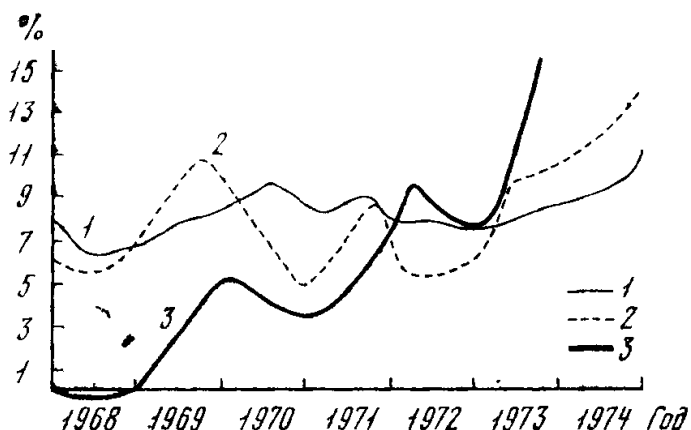
Показатель	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Объем мирового импорта	143,5	160,9	175,2	192,4	201,7	224,7	255,5	288,0
Частные долларовые активы	9,2	11,1	11,5	14,2	15,8	19,4	28,4	23,8
Удельный вес объема мирового импорта в частных долларовых активах, %	6,4	6,9	6,6	7,4	7,8	8,6	11,2	7,5
Объем евродолларового рынка	4,0	9,0	11,5	14,8	18,1	26,9	46,2	58,7
Удельный вес объема мирового импорта в объеме евродолларового рынка, %	2,7	5,6	6,6	7,7	9,0	12,0	18,1	20,4

Источник: Bank for International Settlements Forty-Second Annual Report. Basle, 1972, p. 151; Convertibility Multilateralism and Freedom. Wien—New York, 1972, p. 115.

живания в 1970 г. внешней торговли необходимо было количество денег, равное 6—8% ее объема, а на совершение всех других платежей использовались помещенные в том же году на денежный рынок средства центральных банков, равные примерно 6—12 млрд. долл., то по весьма приближенным подсчетам количество «горячих» долларов составляло в то время 23—25 млрд. долл. Это и есть те бумажные деньги, в которые трансформировалась одна из разновидностей международных кредитных денег — евродоллары.

К тем же выводам можно прийти, если проанализировать темпы обесценения евроденег и процентные ставки по ним. Как видно из рисунка, темпы роста цен на экспортные товары (средние по сырью и готовым изделиям) до начала 1972 г. были ниже процентных ставок по краткосрочным депозитам и долгосрочным займам. Обесценение денег в данной связи не только находило в этом свою компенсацию, но и не разрушало формулу движения кредитных денег $D - T - D'$. Затем положение

изменилось. Цены резко пошли вверх, а процентные ставки оставались на прежнем уровне и даже временно снижались. Создавалась типичная обстановка для реального обесценения евроденег и превращения их в бумажные деньги.

Темпы роста цен на экспортные товары и процентные ставки по 3-месячным евродолларовым депозитам и международным облигациям:

1 — международные облигации; 2 — 3-месячные евродепозиты; 3 — экспортные цены

Евроденьги, однако, включают валюты многих стран и, следовательно, их обесценение определяется не только товарными ценами и процентными ставками, но и курсом. Поэтому в одинаковой для всех обстановке процесс превращения в бумажные деньги каждой евровалюты протекает по-разному: ревальвация валют может нейтрализовать их реальное обесценение, в то время как девальвация — значительно усугубить. Например, в результате девальвации доллара 1971 г. последний обесценился по сравнению с японской иеной на 16,88%, маркой ФРГ — на 13,57, голландским гульденом — на 11,57, бельгийским франком — на 11,57, фунтом стерлингов и французским франком — на 8,57%. И наоборот, по сравнению с итальянской лирой доллар поднялся в цене на 7,49%.

Более интенсивное формирование бумажных денег в международной сфере обязано той ее особенности, что здесь, в отличие от национальных систем, нет того резервуара в виде реализуемых на рынке ценных бумаг, о котором речь шла при анализе национального денежного обращения. Нет в том смысле, что, хотя евроакции и еврооблигации существуют, их величина, во-первых, чрезвычайно мала по сравнению с денежной массой евродолларов и евровалют (около 2% в 1973 г.), а, во-вторых, отсутствует развитый вторичный рынок, где данные акции и облигации могли бы легко покупаться и продаваться. Те формы рынка фондовых ценностей, о которых уже говорилось ранее, пока еще не

могут в полной мере заменить биржи, перспективы создания которой на наднациональной основе весьма отдаленны. В результате если внутри стран кредитные деньги превращаются в бумажные в основном в периоды кризисов и потрясений, то применительно к международной валютной системе капитализма это происходит постоянно, даже в обстановке спокойного течения событий. Такова еще одна особенность и противоречивость современных мировых денег.

3. Буржуазные теории мировых денег

Отставание уровня развития мировых денег от национальных наложило отпечаток и на состояние буржуазных концепций. Так, в теориях, касающихся внутреннего обращения, мы уже не встречаем металлистические взгляды — в настоящее время дискутируются вопросы, касающиеся не столько природы денег, сколько законов денежного обращения. Между тем в теориях, посвященных мировым деньгам, все еще продолжается спор о том, какова должна быть сущность этих денег. Здесь еще продолжают соперничать последователи денежной и банковской школ. Сейчас они известны как концепции «неолиберального» направления и теории полной централизации валютных расчетов.

В пылу полемики буржуазные экономисты зачастую верно подмечают изъяны существующей международной валютной системы капитализма и видят недостатки теорий противостоящей стороны. Но коль скоро их усилия направлены на спасение капиталистической общественно-экономической формации, они не могут подняться выше объективистского толкования современности и утопических проектов создания гармоничных денежных отношений между странами капитала. Тем не менее и здесь следует различать школы, идеи которых в какой-то мере согласуются с ходом объективного развития событий, и школы, явно стоящие на консервативных позициях возврата к старому.

Сторонники «неолиберализации» стремятся обосновать необходимость восстановления в той или иной форме «свободной» игры стихийных сил на мировом валютном рынке, которая существовала до первой мировой

войны и обеспечивала автоматическое выравнивание платежных балансов капиталистических стран. Они представлены двумя группами буржуазных экономистов.

Сторонники первой группы — «неометаллисты» — основную ставку делают на повышение роли золота в мировой валютной системе — вплоть до восстановления свободного и неограниченного обмена национальных валют на желтый металл, т. е. предлагают восстановить международный золотой стандарт. Наиболее последовательные сторонники повышения роли золота в международных валютных отношениях — Рой Хэррод в Англии, Майкл Хейперин в США и Жак Рюэфф во Франции. Хейперин, например, пишет: «Только возвращение к золотому стандарту может удовлетворить потребность в упорядоченной денежной системе... Восстанавливая золото в качестве сердцевины международной денежной системы, мы полагались бы на успешный опыт прошлого, а вовсе не предпринимали бы рискованного полета в неизвестность. Мы должны построить мост через полвека беспорядка»¹⁵.

В отличие от Хейперина, Рюэфф не предлагает восстановить золотой стандарт во внутреннем обороте. Его цель — сделать золото основой международной валютной системы. Валюты должны размениваться на золото центральными банками только для международных расчетов. Страны должны погашать дефицит платежного баланса золотом, хранить официальные резервы в золоте, подчиняться автоматизму урегулирования платежных балансов и цен. Исходя из своей концепции, Рюэфф разработал конкретный план перехода от золотодолларового стандарта в международных отношениях к золотому, который и опубликовал в газетах «Монд» и «Таймс бизнес ревью» от 27 сентября 1966 г. Он предложил удвоить цену золота, чтобы вернуть золоту «нормальное положение в иерархии цен» и обеспечить «длительную волну процветания». Аналогичной позиции придерживается и Хэррод.

Сторонники «неометаллизма» правильно отмечают недостатки валютных систем, основывающихся на «ключевых валютах». Рюэфф, в частности, активно выступает против привилегированного положения американского доллара, позволявшего США пользоваться беспроцентным кредитом у других стран и, злоупотребляя дове-

рием, наводнять своей валютой все уголки земного шара. В то же время сами они подвергаются критике со стороны своих противников как утописты, призывающие сделать шаг назад по сравнению с тем, что достигнуто современной валютной системой.

Нереальность концепций «неометаллистов» видна хотя бы на примере предложений Рюэффа. В статье «Они, бывало, называли меня Кассандрой»¹⁶ Рюэфф был вынужден признать, что, хотя многие его прежние предсказания сбылись (нарастание дефицита платежного баланса США, высокие темпы инфляции, крах международной валютной системы), его рецепт по переходу к международному золотому стандарту с помощью удвоения цены на золото оказался утопическим. Цена на золото поднялась в 4—5 раз, а возможности возвращения к мировому золотому обращению остались такими же далекими, как и прежде. «Таким образом, — констатирует Рюэфф, — метод, который я предложил 10 лет назад, чтобы ликвидировать золотовалютный стандарт и реконструировать эффективную систему платежей, более не является адекватным. Цена на золото, без сомнения, будет расти под влиянием рыночных сил до уровня, который невозможно предсказать. Этот рост, возможно, внесет вклад в решение проблемы, но вполне очевидно, что не решит ее окончательно»¹⁷.

Представители второй группы сторонников «неолиберального» направления — монетаристы, — костяк которой формируют Чикагская школа во главе с Карлом Брюннером и Милтоном Фридманом и Фрейнбургская школа в ФРГ (В. Ойкен, В. Рёпке, Э. Зомен), считают, что золотой стандарт в международных отношениях несовместим с современными формами валютно-финансовых связей между странами, «ключевые» валюты по существу своему равны золоту, а потому все законы рынка, которые были характерны для периода золотого стандарта, действительны и для них. Поэтому, по их мнению, не следует мешать стихийным законам регулировать межгосударственные платежные отношения, а чтобы эти стихийные законы действовали, необходимо ввести свободно колеблющиеся валютные курсы.

В интервью западногерманской газете «Зюддойче цайтунг», опубликованном 4 сентября 1970 г., М. Фридман, например, заявил: «Я за такую валютную систему,

которая построена на свободных обменных курсах для всех стран мира, и за то, чтобы предложение и спрос на валютных рынках определяли решающим образом курс валюты. Когда страны западного мира придерживаются мнения, что доллар вследствие его инфляционных потерь, которые до сих пор не были правилом, а возникли только в последнее время, является плохой валютой, то они могут от него «обороняться» с помощью частого изменения обменного курса и создания таким образом барьера против наводнения этих стран долларами».

Другой представитель этой группы — английский экономист Дж. Мид утверждает, что свободно колеблющиеся курсы помогут ликвидировать платежные дефициты через механизм спекулятивных операций, по мере того как капиталы будут перемещаться от переоцененной к недооцененной валюте. После вспышки валютного кризиса 1971—1972 гг. данная точка зрения победила, и страны перешли к системе «плавающих» курсов — индивидуальных (фунт стерлингов, итальянская лира, французский франк и др.) и коллективных (марка ФРГ, голландский гульден, бельгийский и люксембургский франки, шведская и норвежская кроны). Истекшие годы показали, что новая система в определенной степени сгладила неуравновешенность платежных балансов капиталистических государств и ослабила спекулятивное давление краткосрочных капиталов. Доказательством тому служат меры по либерализации движения капиталов, которые были приняты почти всеми развитыми капиталистическими странами в 1973—1974 гг.

Однако, вопреки предсказаниям теоретиков, широкое применение колеблющихся курсов не принесло избавления от хронической асимметрии платежных балансов; спекулятивные операции, вместо того чтобы стать механизмом регулирования межгосударственных платежных отношений, превратились в их разрушителя. Практика показала, что законы золотых денег и законы современных бумажно-кредитных денег различны и не могут полностью заменять друг друга. Как отмечал журнал «Евромани», «свободно колеблющиеся курсы единодушно осуждены, их терпят только из-за специфических обстоятельств... Урок, полученный от недавних экспериментов по плаванию валют, показывает, что рынок, когда на него воздействуют часто неуправляемые передвижения

краткосрочного капитала, не обеспечивает надежного функционирования»¹⁸.

В отличие от «неолибералов» сторонники теории полной централизации валютных расчетов в продолжение традиций банковской школы рассматривают современные деньги как кредитные, функционирование которых зависит не столько от золотого содержания или покрытия, сколько от уровня развития банковской системы и эмиссионного дела. Последнее, по их мнению, должно вылиться в централизацию всей системы международных расчетов и создание надгосударственного банковского института.

Представители этого направления выступают с критикой утверждения «неолибералов» о способности современного мирового капиталистического рынка стихийно, автоматически, без глубоких потрясений регулировать платежные балансы отдельных стран и не видят в свободно колеблющихся курсах панацеи от всех бед. В обоснование своей позиции они ссылаются на то, что даже золотой стандарт, когда он действовал, не обеспечивал стабильности мировых цен и не избавлял от дефицита у одних стран и нарастания активного сальдо платежного баланса у других. Среди экономистов, наиболее последовательно отстаивающих идеи кредитных денег и единого мирового банковского центра, выделяется американец Роберт Триффин. В 1960 г. вышла в свет его книга «Золото и долларовый кризис», а в 1964 г. — серия памфлетов под названием «Эволюция международной валютной системы: историческая оценка и будущие перспективы» и «Мировой валютный лабиринт. Национальные валюты в международных платежах».

В своих работах Триффин критикует Бреттон-Вудскую систему и валютно-финансовую политику США, отмечая, что увеличение уровня международной ликвидности за счет роста дефицита платежного баланса США неизбежно ставит систему «золото-девизного стандарта» на грань катастрофы. На основании статистических данных по 11 важнейшим странам за период с 1895 по 1962 г. он показывает процесс вытеснения золота кредитными деньгами во внутреннем и мировом обращении. Этот процесс протекал поэтапно. Во внутреннем обращении сначала исчезло серебро, а после 1928 г. — золото. Во внешнем обращении также первоначально ушло

серебро. После второй мировой войны появилась новая статья международных ликвидных средств — кредитные резервы, которые ранее имели ничтожное значение. Опираясь на имеющиеся фактические данные, Триффин пишет: «Замещение полноценных металлических денег кредитными деньгами в национальной денежной системе находит свою параллель в зарождающемся, но быстро возрастающем замещении металлических резервов кредитными резервами в международной области»¹⁹.

Перспективу реформы валютной системы капитализма Триффин видит в ликвидации гегемонии доллара и создании международных кредитных денег, опирающихся на единый расчетный и резервный «центр национальных центральных банков», в котором центральные банки всех стран обязаны были бы держать все свои валютные резервы, за исключением небольших оборотных остатков, в форме депозитов. Последний имел бы право выпускать особые деньги-обязательства, которые циркулировали бы в качестве платежного средства между национальными центральными банками. Сосредоточив у себя таким образом все национальные валютные резервы, регулируя выпуск обязательств и их распределение между странами, центр лишил бы отдельные страны самостоятельности в международных платежных отношениях и подчинил бы их единой дисциплине.

Возвращаясь к уже высказанной мысли, необходимо отметить, что из трех рассмотренных нами течений идеи Триффина в наибольшей степени согласуются с объективным ходом эволюции денег. Тем не менее и они полны внутренних противоречий. Правильно подметив своеобразие денежных форм при капитализме, Триффин, так же как в свое время Тук, Фуллартон и Бендиксен, не пошел дальше апологетики существующих отношений и построения утопических проектов по предотвращению развала капиталистической валютной системы. В его учении имеется внутреннее противоречие между объективной потребностью создания согласованной кредитной системы международных платежей, вытекающей из факта интернационализации производства, и такой же объективной реальностью межимпериалистической конкуренции и законов стихии и анархии капиталистического производства.

ДЕНЕЖНЫЕ И ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИСЫ

Денежные и валютный кризисы в современном понимании тесно связаны с развитием капитализма вообще и кредитных денег в частности. В отличие от товара-денег кредитные деньги — не только фактор обращения, но и фактор производства, благодаря чему они участвуют во всех фазах кругооборота капитала и являются его составной частью. В данной связи система, основанная на кредитных деньгах, чрезвычайно чувствительна ко всем аномалиям кругооборота капитала и тут же отвечает на них кризисом. Отсюда становится понятным тот факт, что циклические кризисы начинаются, как правило, с денежных кризисов, хотя последние могут протекать и без явно выраженных кризисов производства, поскольку кредитные деньги отражают также и нарушения, свойственные только сфере обращения.

Как известно, нарушения и кризисы капиталистического производства регулярно повторяются с XIX в. К этому же времени относятся и наиболее глубокие национальные денежные кризисы. Нарушения и кризисы всей системы капитализма получили распространение с начала XX в. Именно в текущем столетии денежные кризисы вышли за рамки национальных границ и начался кризис международной валютной системы. Попытаемся ответить на вопрос, в чем же причина такой зависимости.

1. Денежные кризисы

Денежные кризисы, имевшие место в докапиталистическую эпоху — это скорее своего рода расстройства денежного обращения, так как они всегда вызывались искусственными причинами (порча монет или выпуск бумажных денег для ведения войны, покрытия расточи-

тельных расходов королевского или царского двора, денежные аферы типа эксперимента Джона Ло и т. д.) и почти не вытекали органически из природы денег или их функций.

При капитализме положение меняется. Новая форма денег, представляющая капитал, авансированный на выполнение денежных функций, принесла с собой в сферу денежного обращения и все его внутренние противоречия, которые проявились в денежных кризисах, связанных с ходом промышленного цикла. Эта форма денег благодаря своим специфическим функциям оказалась более уязвимой. В результате денежные расстройства приобрели характер настоящих кризисов, подразделяемых на два типа: функциональные денежные кризисы и денежные кризисы промышленного цикла.

Функциональные денежные кризисы. Этот тип кризисов возникает в ходе выполнения кредитными деньгами функций обращения, меры стоимости, распределения и перераспределения прибавочной стоимости, накопления.

• Как отмечалось, функция средства обращения распадается на функцию покупательного средства и функцию платежа. Поскольку кредитным деньгам внутренне присуща функция платежа, то при их обращении постоянно наблюдается разрыв цепочки $T—D—T$, точнее $D—T—D'$. Это происходит к тому же в условиях вытеснения наличных денег безналичными. • Поэтому сколько-нибудь неоправданно длительная задержка платежа участниками цепочки тотчас же вызывает подрыв кредита и кризис. Всеобщая погоня за банкнотой становится формой спасения всей кредитной системы от полного банкротства.

«При такой системе производства,—писал К. Маркс,—где все связи процесса воспроизводства покоятся на кредите, в том случае, когда кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, должна наступить необычайная погоня за средствами платежа»¹.

• Погоня за средствами платежа иногда бывает столь велика, что наличные деньги начинают оцениваться выше соответствующих кредитных обязательств, даже таких, как чеки. Чековое обращение обнаруживает тенденцию к значительному сокращению, а на наличные деньги появляется лаж. Так было, например, во время денежно-

го кризиса 1873 г. в США. С 25 сентября появился лаж на наличные деньги, который в наиболее острые моменты — с 25 по 29 сентября — доходил до 5%. В последующем лаж снизился, но в небольшом размере — от $\frac{1}{4}$ до 1% — просуществовал до 22 октября. Таким образом, почти месяц наличные деньги обращались с лажем. Одновременно уменьшились обороты расчетных палат.

То же наблюдалось в США и во время кризиса 1893 г. Уже во второй половине июля обострение кризиса было столь велико, что банки прекратили выдачу наличными, а заменили их различными кредитными обязательствами. Это привело к еще большему обострению потребности в денежных знаках; последние начали исчезать из обращения.

По свидетельству буржуазного экономиста Тауссига, в то время сложилась следующая ситуация: крупные предприниматели, которые должны были платить большие суммы заработной платы, нуждались в наличных деньгах; банки, находящиеся в сельских местностях, подвергавшиеся опасности натиска со стороны вкладчиков и не имевшие того престижа, который позволял банкам больших городов отказывать в выдаче наличными, стремились получить настоящие деньги; в результате этого в начале августа возникло ненормальное явление лажа на денежные знаки; лаж уплачивался удостоверенными чеками — лица, покупавшие наличные деньги, платили за них удостоверенными чеками, которые затем проходили через расчетные палаты².

Такого рода ситуации не могли возникнуть в докапиталистическую эпоху. Они стали возможными лишь тогда, когда деньги превратились в часть денежного капитала, стали денежным капиталом. Объяснение этому положению мы находим у К. Маркса, который писал: «В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средство платежа и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательное средство. Ставка процента может подняться при этом очень высоко независимо от того, имеется реальный капитал — производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги*; поскольку же этого нет, следовательно, ссуда средств пла-

тежа доставляет капиталистам не только *денежную форму*, но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал*»³.

Кризисы нехватки платежных средств были особенно глубокими в тех странах, где, по выражению К. Маркса, «нелепое законодательство» сдерживало свободный выпуск банкнот. Например, жесткое законодательство Англии, ставившее, согласно акту Р. Пиля, весьма узкие границы выпуску банкнот, несомненно, обострило денежную панику 1847, 1857 и 1866 гг.

Однако такого рода ситуации были характерны главным образом для капитализма свободной конкуренции. С ростом денежного регулирования, роли и мощи эмиссионных банков появилась возможность сглаживать денежные кризисы, вызываемые функцией платежа, за счет увеличения количества кредитных денег в обращении. Такая возможность была подмечена К. Марксом, когда он писал, что «пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику»⁴.

В феврале-марте 1933 г., например, во время денежного кризиса в США, когда погоня за платежными средствами достигла огромных размеров, а платежный голод обострился до крайности, усиленный выпуск банкнот, увеличение банкнотного обращения с 4 февраля по 11 марта 1933 г. на 1856 млн. долл. (с 5768 млн. до 7624 млн. долл.), несомненно, сыграло свою роль в ослаблении паники. Возможность сглаживания денежного кризиса используется и в настоящее время. Так, в 1974 г. Банк Англии потратил около 1 млрд. ф. ст. на так называемые операции по спасению (*rescue operations*) второклассных английских банков, неплатежеспособность которых могла повредить репутации Лондона как мирового финансового центра⁵.

Кризисные явления как результат действия функции меры стоимости получили повсеместное распространение с завершением процесса формирования кредитно-денежного обращения и связаны со спецификой выполнения кредитными деньгами этой функции.

Кредитные деньги не имеют абстрактной стоимости. В то же время банкнота, как и бумажные деньги, выхо-

дит в свет с отштампованным номиналом, который лишь в обращении, через масштаб цен, согласуется с суммой товарных стоимостей. Допустим, на 1 января эта сумма равнялась 100 единицам национальных денег. Она обслуживалась 100 банкнотами по 1 единице каждая. 2 января выпускается еще 100 банкнот по 1 единице каждая (причиной такого выпуска мог служить, в частности, разобранный нами вариант эмиссии денег для утоления платежного голода). Поскольку номинал на банкнотах проставлен, нельзя сказать, что 1 единица банкноты после этого стала равной 0,5 единицы прежней банкноты. И новые, и старые банкноты обращаются одновременно, каждая с номиналом в 1 единицу. Следовательно, должен измениться масштаб цен. Он-то и увеличивается в конце концов в 2 раза. Соответственно за счет масштаба цен, а не за счет меновых соотношений происходит и обесценение в 2 раза банкноты. Соотношение 2:4:8 превращается теперь в меновое соотношение 4:8:16.

Отмеченное событие не повлияло бы заметно на денежное обращение, если бы не одно очень важное обстоятельство, заключающееся в том, что цены на различные товары никогда не возрастают одновременно. Они возрастают разными темпами. Лишь по истечении длительного периода устанавливается некое равновесное соотношение. Сначала же происходит нарушение структуры цен, что отчетливо видно хотя бы на примере сравнительных темпов роста цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, розничных и оптовых цен и т. д.

Денежный кризис возникает от того, что по отношению к одним товарам (если цены на них растут медленнее) банкнота оказывается «полновесней», чем по отношению к товарам, цены на которые растут быстрее. Это вызывает социальные потрясения, коль скоро затрагивает прибыли капиталистов и заработную плату рабочих, вносит диспропорции в движение капитала, поскольку одни капиталисты получают некоторый избыток денежного капитала (так как цена предназначаемого для приобретения товара оказывается относительно более низкой), а другие испытывают нехватку. Происходит нарушение формулы денежного обращения и тех тенденций, которые были нами уже рассмотрены (вытеснение налич-

Динамика средних розничных цен на продовольственные товары в Цюрихе за 1910—1972 гг. (в швейц. франках)

Товар	Количество	1910	1930	1950	1970	1971	1972	Рост за 1910—1972 гг., %
Молоко разливное	1 л	0,24	0,36	0,49	0,79	0,85	0,90	275,0
Масло 1-го сорта	1 кг	3,86	5,42	10,60	12,45	12,45	12,41	221,5
Мясо, вырезка	1 »	2,50	3,86	7,30	14,80	16,07	17,56	602,4
Хлеб белый	1 »	0,37	0,48	0,70	1,06	1,20	1,26	240,5
Мука	1 »	0,50	0,51	1,50	0,86	0,90	0,90	80,0
Сахар	1 »	0,54	0,40	1,02	0,88	1,06	1,32	144,4

Источник: The Peril of Inflation, Union Bank of Switzerland. Zurich, 1973, p. 7.

ных денег безналичными расчетами, падение доли кредитных денег в пользу квазикредитных и т. д.)

Непосредственно данный вид денежного кризиса выражается в инфляции и является одной из ее причин. Поскольку данная тема требует специального исследования, мы ограничимся лишь некоторой иллюстрацией к сказанному.

Неравномерность роста цен можно видеть на примере данных табл. 11. Взятый в нашем случае более чем полувековой период динамики розничных цен в Цюрихе достаточно красноречиво говорит о закономерном характере этого явления. Непрерывность процесса выполнения кредитными деньгами функции меры стоимости, с одной стороны, и невозможность осуществления этой функции иначе как через возрастание дороговизны — с другой делает инфляцию (если отвлечься от других ее причин) одной из важнейших сторон хронического денежного кризиса современной капиталистической экономики.

Увеличение розничных цен в первую очередь сказывается на положении трудящихся. В этом отношении заслуживает внимания признание бюллетеня швейцарского банка «Юнион бэнк оф Суитцелэнд»: «Мы слишком

мало задумываемся над тем фактом, — предупреждает бюллетень, — что темпы инфляции в 7% за год уменьшают покупательную силу франка за 10 лет на 49%... Например, в Цюрихе женатый мужчина, зарабатывающий 40 тыс. франков в год, имеет после вычета федерального, кантонального и местного налогов чистыми 34 440 франков. Если его заработная плата увеличивается на 10%, а темпы инфляции в это время поднимаются до 7%, то ее реальный уровень после вычетов указанных налогов снизится на 180 франков и составит 34 260 франков»⁶. Падение жизненного уровня трудящихся — таковы социальные последствия денежного кризиса, связанного с функцией меры стоимости.

Следующая причина денежных кризисов — функция кредитных денег по распределению и перераспределению прибавочной стоимости. Действие этой функции основывается на неэквивалентности обмена, что уже само по себе предполагает развитие на этой базе спекулятивных операций. Соблазн получить сверхприбыль только в результате обмена поставляет спекуляции все новых и новых участников. Спекулятивные операции являются, таким образом, одним из дополнительных инструментов перераспределения части прибавочной стоимости, орудием концентрации и централизации капитала.

Наибольшее значение для денежного обращения при капитализме приобретает спекуляция с золотом и ценными бумагами. В тех случаях, когда она достигает огромных размеров, происходит денежный кризис. Кризис на золотой бирже США в 1869 г. — типичный пример денежного кризиса, вызванного спекулятивными операциями.

В начале сентября 1869 г. в Нью-Йорке образовался корнер во главе с крупными биржевыми спекулянтами Гульдом и Фиске, которые задолго до этого успешно провернули аферу с акциями «Эри Рейлуэй». Удача придала им репутацию людей, имеющих большие денежные средства и могущих в случае надобности получить поддержку многих весьма высокопоставленных лиц. Корнер решил поднять цену на золото и заставить продавцов на срок расплачиваться с ним на тех условиях, какие он будет диктовать. Для этого корнер скупил все имевшееся золото (на 38 млн. долл.) и до 23 сентября еще на 80 млн. долл. золота у иностранных банкиров (с буду-

щей поставкой). В его руках оказалось золото на 118 млн. долл.; цена золота в бумажных долларах начала повышаться. Уже в середине сентября цена золотого доллара равнялась 136 бумажным центам, 22 сентября — 140 центам, 23 сентября — 144,5 цента. 24 сентября корнер продолжал скупать золото, цена которого быстро повышалась: в течение 2—3 часов она достигла 162 центов. Тут-то и произошла катастрофа. Во-первых, финансовые ресурсы корнера начали истощаться, а во-вторых, распространились слухи, что правительство намерено вмешаться и выпустить на рынок большое количество золота. Крах произошел незамедлительно. Цена золота в бумажных деньгах начала стремительно падать и вскоре достигла 130 центов на золотой доллар. Опустошение биржи было ужасающим. Улицы, где были расположены обанкротившиеся банки и фирмы, были полны отчаявшимися людьми, которые, прельстившись возможностью легкой наживы, стали жертвами биржевой аферы и потеряли свои сбережения. Этот крах считается одной из крупнейших биржевых катастроф. «К сожалению, — пишет И. Трахтенберг, — источники не устанавливают, на кого же в конечном счете пали «издержки» всего этого дела. Нет, конечно, никакого сомнения, что не богачи расплачивались за весь этот эпизод, что крупные акулы биржи загребли на всей этой афере большие барыши»⁷.

Ценные бумаги — излюбленное поле деятельности спекулянтов. Здесь специфика объекта купли-продажи не требует, в отличие от товарных рынков, сложной процедуры установления качества и образца; к тому же цена является менее постоянной и весьма чувствительной к различным событиям. Спекулянт сам приобретает акции на деньги, занятые у своего банкира, или заключает договор с биржевым маклером, который приобретает их для него. Банк, будет ли он кредитовать биржевого маклера или спекулянта, не выдает ссуды в размере полной стоимости депонированных у него акций, а требует определенной «маржи», зависящей от степени реализуемости акций и от вероятного предела колебаний их курса. В случае падения цены акций спекулянтам предъявляется требование или повысить «маржу», или депонировать дополнительное обеспечение, или погасить часть ссуды. В противном случае акции продаются и выручка обращается на погашение ссуды.

В подобных ситуациях и возникает обстановка повсеместных форсированных продаж. В результате разоряются мелкие спекулянты и обогащаются крупные. Но денежные кризисы возникают обычно не от этого. Главная опасность, угрожающая кредитной системе от спекуляции с ценными бумагами, кроется в том, что в такие периоды достигает огромных масштабов общая сумма займов, выдаваемых на подобного рода операции. Внезапное быстрое падение цен на спекулятивные ценные бумаги приводит к всеобщему востребованию займов. Здесь и разражается кризис, характерной чертой которого является стремительный рост процентной ставки на деньги до востребования, которая, достигая 0,5—4% в день, становится больше похожа на дань мародерам, некогда уплачиваемую населением ради сохранения своих стад, чем на процент.

Примером таких кризисов могут служить биржевые кризисы в Лондоне и Нью-Йорке в 1895 г., непосредственно вызванные столкновением Англии и США из-за Венесуэлы. Данное столкновение возникло в результате спора, кому принадлежит золотоносная область в пограничной местности около Британской Гвианы. После того как английское правительство отказалось принять предложение США и Венесуэлы передать вопрос на третейское разбирательство, правительство США заявило, что Англия нарушает «доктрину Монро», а президент США направил на одобрение конгрессу послание с угрозой начать войну против Англии, что немедленно отозвалось на биржах Лондона и Нью-Йорка. Как только биржи открылись, началась паника. Курсы стремительно пошли вниз, причем особенно значительно пострадали железнодорожные бумаги. Паника еще больше обострилась крупными продажами ценных бумаг англичанами. В то же время иностранные фирмы в больших размерах аннулировали покупку бумаг. Понижение курсов ценных бумаг вызвало со стороны банков и траст-компаний внезапное востребование ссуд. Ставки по ссудам до востребования поднялись до 80%. Начался денежный кризис. (Мы привели здесь старые и давно известные примеры по двум соображениям: во-первых, они наиболее детально изучены, как любой исторически отдаленный материал, и, во-вторых, в прошлом веке данные виды кризисов выступали более четко и оголенно, чем это имеет

место сейчас, хотя в настоящее время проявление функциональных денежных кризисов более разрушительно, чем это было прежде.)

Еще одна причина денежных кризисов — функция накопления. Ее действие сказывается тогда, когда накопление денежного капитала значительно опережает накопление действительного капитала. В этих условиях через кризисы происходит насильственное выравнивание возникшей диспропорции, что проявляется в биржевых и банковских крахах, сопровождающихся массовым обесценением фиктивного капитала в форме акций, облигаций, банковских счетов.

Процесс появления такого рода диспропорций маскируется и поддерживается двумя тенденциями: вытеснением наличных денег безналичными и падением доли кредитных денег в пользу квазикредитных. Высокие темпы развития названных тенденций мы уже отмечали. В дополнение к этому следует лишь сказать, что перенакопление денежного капитала создает основу постоянной денежной нестабильности, что выражается в перманентных банковских банкротствах и биржевых ажиотажах. Но лишь крупнейшие из этих явлений вызывают общенациональные денежные кризисы.

Денежные кризисы промышленного цикла. К. Маркс указывал на необходимость различать денежные кризисы промышленного цикла и денежные кризисы, возникающие в ходе функционирования денежного капитала. В примечании к третьему изданию первого тома «Капитала» он писал: «Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы»⁸.

Денежные кризисы промышленного цикла обстоятельно изучены академиком И. Трахтенбергом. На основании анализа экономических кризисов 1825, 1836, 1847, 1857, 1866, 1873, 1882, 1890, 1900, 1907, 1920, 1929 и 1937 гг. он пришел к выводу, что экономические кризисы, как правило, невозможны без сопутствующих им

денежных кризисов. «Своеобразные черты промышленного кризиса, — отмечал он, — могут наложить определенный отпечаток на денежный кризис, могут предопределить его своеобразные черты, могут, наконец, ослабить или обострить его проявления и т. д.; но не может быть такого случая — или во всяком случае они редки и поэтому представляют исключение из общего правила, — чтобы мировой промышленный кризис протекал без денежного кризиса, чтобы хотя в одной или двух странах денежный кризис не проявился в резкой форме. Это верно для эпохи раннего капитализма, это столь же верно и для эпохи империализма»⁹.

Почти все экономические кризисы, по мнению И. Трахтенберга, не только не протекали без денежных кризисов, но и начинались с них. При этом крушение курсов ценных бумаг, многочисленные банкротства были по сути дела своеобразным методом насильственной ликвидации тех кредитных отношений, которые получили развитие в годы, непосредственно предшествовавшие кризису, и которые доводили напряжение кредитной системы до крайней остроты.

Банкротства промышленных и торговых предприятий вызывали разорение средних и мелких капиталистов. Банкротства банков влекли за собой разорение массы средних и мелких вкладчиков. Закрывание промышленных предприятий выражалось в увеличении безработицы и снижении заработной платы. Так, денежный кризис, обостряя экономический кризис, является, по словам И. Трахтенберга, вместе с тем фактором насильственной экспроприации средней и мелкой собственности и централизации капитала в руках крупных капиталистов.

Абстрагирование от функциональных денежных кризисов позволило И. Трахтенбергу глубоко и всесторонне разобратить различные стороны денежных кризисов промышленного цикла. Однако это содержало в себе и определенные минусы. При таком подходе нельзя было увидеть того, что, хотя денежные кризисы промышленного цикла имеют по своей сути иной характер и вызываются иными причинами, чем функциональные денежные кризисы, на поверхности явлений они все равно выступают как функциональные денежные кризисы со всеми характерными для последних признаками. Разберем это на примере кризиса 1929—1933 гг.

Предшествовавший кризису подъем протекал в условиях большого избытка ссудных капиталов. Это избытие создало перенакопление денежного капитала по сравнению с промышленным и послужило основой для развертывания широких спекулятивных операций. Так, в США вслед за медленным повышением курсов акций в первую половину 1929 г. с июня начался их стремительный подъем. За три последующих месяца курсы повысились на 15,9%. При этом повышение происходило как раз тогда, когда в общем движении цикла уже начался перелом и когда стали проявляться явные признаки перепроизводства. Повышение курсов ценных бумаг с августа по октябрь имело уже чисто спекулятивный характер. Это было время безудержного биржевого ажиотажа, и ясно, что большая его интенсивность предопределила соответствующую большую глубину краха. В результате за все время кризиса курсовые потери только на нью-йоркской фондовой бирже составили около 84 млрд. долл.

То же самое, хотя и в другие отрезки времени, происходило и в других странах. В Англии курсы бумаг начали падать с сентября 1929 г. и достигли низшего уровня в июне 1932 г., в Бельгии они снижались с мая 1928 г. по декабрь 1934 г., в Германии — с июня 1928 г. по апрель 1932 г., во Франции — с февраля 1929 г. по май 1932 г. и т. д.

Перенакопление денежного капитала и спекуляция дополнялись во время кризиса резким денежным голодом в связи с сильным сокращением безналичных расчетов. В США сумма безналичных оборотов, достигшая максимума в 1929 г., сократилась к 1933 г. с 716 млрд. до 244 млрд. долл., в Англии обороты лондонских расчетных палат уменьшились за это же время с 45 млрд. до 32 млрд. ф. ст., в Германии сумма безналичных оборотов, проходивших через «Рейхсбанк», снизилась с 126 млрд. до 52 млрд. марок, во Франции — с 1821 млрд. до 1402 млрд. франков.

Нехватка платежных средств уменьшала ликвидность фирм и банков и сопровождалась громадным числом банкротств. За три года кризиса (1930—1932 гг.) в США обанкротились 86 462 торгово-промышленных предприятия с общей суммой пассивов в 2332 млн. долл. и 5096 банков с общей массой депозитов в 3233 млн.

долл. В Германии за то же время произошло 70 873 банкротства, в Англии — 20 406. Во Франции в течение четырех лет (1931—1934 гг.) обанкротилось 58 181 предприятие. Это означало увеличение количества банкротств в Англии на 11%, в США — на 24, во Франции — на 50, в Германии — на 72% по сравнению с предшествующим периодом.

Наконец, в дополнение к описанным явлениям внешне функционального порядка во всех странах было отмечено нарушение структуры цен, происшедшее, в отличие от современного положения, не в обстановке повышающихся цен, а, наоборот, при их понижении. Вообще следует сказать, что для данного признака денежного кризиса (т. е. кризиса, связанного с изменением масштаба цен) безразлично, падают ли цены или растут — важен факт их неравномерного и непропорционального изменения. Так, при падении общего индекса оптовых цен в США за 1929—1933 гг. на 51 пункт индекс оптовых цен* на металлы и металлические изделия снизился на 25, строительные материалы — 46, текстильные товары — 72, сельскохозяйственные товары — 89 пунктов (1914 г. = 100)¹⁰:

	1929	1930	1931	1932	1933
Общий индекс	140	135	114	98	89
Индекс на металлы и металлоизделия	117	114	102	96	92
Индекс на строительные материалы	173	171	152	136	127
Индекс на текстильные товары	164	155	127	106	92
Индекс на сельскохозяйственные товары	149	142	103	74	60

Отчетливое проявление признаков казалось бы чисто функционального денежного кризиса в то время не вызвало сомнения относительно его действительной природы, ибо этот денежный кризис развертывался на фоне отчетливо выраженного наиболее разрушительного и глубокого циклического кризиса 1929—1933 гг. Однако в современных условиях, когда циклические кризисы не выражены ясно и проявляются по-иному, чем прежде, распознавание природы денежного кризиса — задача не из легких. То, что одни и те же признаки присущи как

* Индексы оптовых цен даны на начало года.

функциональным денежным кризисам, так и денежным кризисам промышленного цикла, не позволяет провести четкой грани между последними. Эта грань, кроме того, стирается мерами государственно-монополистического регулирования и действиями финансовой олигархии, когда усилия государства, промышленных и банковских монополий направлены в единое русло мер по спасению капитализма от окончательного краха.

Тем не менее с большой степенью достоверности можно сказать, что денежные кризисы 1973—1974 гг. определялись в основном циклическими причинами. Перепроизводство и экономический спад разрушили кредитную цепочку, что привело во многих странах к погоне за наличными и легко ликвидными средствами. В результате произошла перекачка долгосрочных капиталов в краткосрочные, которые интенсивно стимулировали инфляцию.

В настоящее время самым серьезным показателем денежного кризиса является инфляция. В инфляции сейчас по сути дела сосредоточены все недуги денежной системы капитализма. Она объединила в себе оба типа денежных кризисов, вследствие чего к противоречиям функции средства обращения, меры стоимости и другим добавились противоречия кругооборота капитала. Отсюда хронический характер инфляции и скачкообразная природа ее развития. Инфляция после кризиса начала 30-х годов стала синонимом понятия денежного кризиса, который благодаря сложному клубку содержащихся в нем противоречий уже не находит разрешения ни в циклических кризисах, ни с помощью мер государственно-монополистического регулирования. Денежный кризис превратился в один из важнейших факторов углубления общего кризиса капитализма и потому требует специального и разностороннего изучения и анализа. Прделанный в настоящей работе анализ важен, на наш взгляд, потому что в нем рассмотрены отдельные составляющие денежного кризиса на примерах прошлых событий, когда эти составляющие проявлялись в более или менее чистом виде и представляли собой сравнительно легкий объект для научного поиска.

2. Валютный кризис

Валютный кризис тесно связан с денежными кризисами и является их продолжением в сфере международных экономических отношений. Валютный кризис начался с отмены золотого стандарта, т. е. фактически с кризиса 1929—1933 гг. и сразу принял затяжной характер.

Его первая вспышка приходится на годы второй мировой войны и вызвана чрезвычайными обстоятельствами военного времени, хотя предпосылки к ней созревали в мирных условиях. Эта вспышка была погашена мерами государственно-монополистического регулирования, следствием которых стало создание Бреттон-Вудской системы. Но поскольку валютный кризис принял затяжной характер, в результате чего порождающие его причины не были удалены, диспропорции в валютной сфере нарастали.

Очередная вспышка произошла в 1961 г. в мирное время, в условиях подъема капиталистической экономики, когда, казалось бы, ничто не предвещало грозы. В этом было ее отличие от первой вспышки валютного кризиса. Общим же было то, что в обоих случаях ее удалось заглушить мерами государственно-монополистического регулирования, которые включали создание «золотого пула», системы «своп», подписание генерального соглашения по кредитам в рамках МВФ.

Для последующих лет было характерно, что вспышки валютного кризиса становились все более частыми и их все труднее было сглаживать с помощью государственно-монополистического регулирования. Наконец, в 1971 г. такое регулирование оказалось бессильным, что и вызвало развал Бреттон-Вудской системы. Вспышки превратились в постоянно тлеющий огонь валютного кризиса. Антагонизм между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, между трудом и капиталом, между процессами интеграции и дезинтеграции и т. д. нашел в этом свое наиболее яркое выражение.

Отмеченные кризисные вспышки рассматриваются нами не как самостоятельные кризисы валютных отношений, а лишь как проявление единого валютного кризиса, длящегося с 30-х годов нашего столетия.

Советские экономисты А. Аникин и О. Богданов оспаривают данный тезис и критикуют иногда не совсем точное употребление нами определения валютного кризиса капитализма как «хронического» и как бы перманентного. Они обоснованно отмечают, что в валютной сфере, как и в экономике в целом, перманентных кризисов не бывает. Кризис — это взрыв противоречий и временное их преодоление¹¹.

В принципе нельзя не согласиться с такой позицией. Однако также справедливо допустить, что кризис может протекать не только 1, 2, 3 года, но и 45—50 лет, если в течение всего этого периода имеет место преодоление или разрешение однопорядковых противоречий. С кризиса 1929—1933 гг. и по настоящее время противоречия в международной валютной системе определяются одними и теми же процессами: 1) вытеснением золота кредитными деньгами, 2) попытками национальных валют взять на себя роль мировых денег, 3) перестройкой механизма формирования валютных курсов, 4) поисками эффективного инструментария регулирования международной ликвидности.

Кризисы отдельных валют, которые имели место с 30-х по 70-е годы, в том числе и кризис Бреттон-Вудской системы, есть, на наш взгляд, не более как проявления валютного кризиса, основу которого составляют отмеченные причины. Ни один из этих кризисов не разрешил в то время указанных противоречий. Лишь в последние годы эти противоречия стали постепенно разрешаться: золото почти полностью демонетизировано, получили широкое распространение международные кредитные деньги, национальные валюты полностью дискредитировали себя как мировые деньги и т. д. Поэтому можно сказать, что валютный кризис, потрясавший капиталистический мир в течение более чем 40 лет, сейчас близится к концу. Уже видны контуры нового «мирового» валютного порядка. Но этот порядок не принесет с собой избавления от будущих валютных кризисов.

Валютные кризисы, так же как и денежные, имеют функциональные и циклические причины. Хотя они и не зависят в такой степени, как денежные кризисы, от смены фаз кругооборота капитала и не реагируют так чутко на кризисные ситуации в экономике государств, их

наступление неизбежно, поскольку, отражая противоречия мирового капитализма в целом, они являются проявлением его общего кризиса.

Современный валютный кризис выражается в трех основных формах: кризисе мировых денег, кризисе валютных курсов, кризисе платежных балансов. Основой всех названных кризисов является антагонизм между золотом и кредитными деньгами, а также внутренняя противоречивость последних. Рассмотрим перечисленные формы подробно.

Кризис мировых денег. Мы уже отмечали, что кризис мировых денег вызван противоборством форм денег между собой, отсутствием интернациональных кредитных денег и неспособностью национальных банкнот удовлетворительно выполнять функции международной валюты. Конкретно это выразилось в кризисе золота как мировых денег, кризисе фунта стерлингов и американского доллара как резервных валют и кризисе международных валютно-финансовых учреждений капиталистических стран, прежде всего МВФ.

Все еще считается, что золото является наилучшими мировыми деньгами, а потому его уход с международной арены рассматривается зачастую как некое отклонение от правила, существовавшего в течение многих сотен лет. Между тем факт этого ухода не мог быть ничем иным, как следствием кризиса золота, его неспособности быть мировыми деньгами, в результате чего и произошла насильственная ломка устоявшихся международных денежных отношений.

Кризис золота как мировых денег имеет те же функциональные причины, что и кризис золота как национальных денег. О них мы уже подробно писали. Это — сдерживание вывоза капитала и процессов инфляции, негодность для извлечения процентного дохода, дороговизна хранения, несоответствие требованиям неэквивалентного обмена. Но даже если бы перечисленные причины отсутствовали, кризис золота мог бы наступить хотя бы в силу того, что в последние десятилетия катастрофически нарастала физическая нехватка золота для выполнения им функций мировых денег, хотя его добыча росла довольно быстро, что видно из данных о мировой добыче золота от древнейших времен до наших дней (в т) ¹²:

4500—2100 гг. до н. э.	920
2100—1200 гг. до н. э.	2 640
1200—50 гг. до н. э.	4 100
50 г. до н. э.—500 г.	2 560
VI—XVI вв.	2 300
XVI—XVII вв.	3 400
XIX в.	11 600
XX в.	Более 30 000

Из данных табл. 12 видно, что в годы, непосредственно предшествовавшие краху золото-долларового стандарта, все большая часть вновь добываемого золота шла на промышленные нужды, ювелирные цели и в частную тезаврацию, несмотря на то, что международный товарооборот за 1960—1970 гг. ежегодно увеличился на 9,5% по стоимости и на 8% по объему. В результате уже в 1967—1971 гг. официальные резервы не только не были пополнены новыми поступлениями золота, но и сократились на 1930 млн. долл., переключившись в другие, немонетарные сферы.

Таблица 12

*Добыча и использование золота капиталистическими странами
(в млн. америк. долл., по цене 35 долл. за 1 тройскую унцию)*

Годы	Добыто золота	Ушло на пополнение официальных резервов		Использовано в промышленности и ювелирами		Тезаврировано частными лицами	
		всего	% к добыче	всего	% к добыче	всего	% к добыче
1958—1960	4021	+1710	42	1170	29	1141	29
1961—1963	4896	+1795	36	1520	31	1581	33
1964—1966	5067	+885	17	2095	41	2087	42
1967—1971 (I кв.)	6002	-1930	—	3890	64	4042	67

Источник: International Monetary Fund, Annual Report, 1971, p. 146.

Кризис золота мог бы разразиться и вследствие возрастания антагонизма между абстрактной стоимостью золота и его ценой. Во внутреннем обращении этот ан-

тагонизм сглаживался фактом существования золотой монеты, цена которой, как отмечалось, определялась не столько абстрактной, сколько меновой стоимостью. При этом монета лишь тогда удовлетворительно выполняла свои функции, когда ее меновая стоимость была выше абстрактной. В противном случае монета переплавлялась в слитки.

В сфере международных расчетов такой монеты не существовало и золото выступало только как денежный товар со своей, а не приобретенной в процессе обращения, как у монеты, стоимостью. Меновую стоимость монеты здесь замещала так называемая монетарная стоимость золота, поддерживаемая в пределах 35 долл. за 1 тройскую унцию. Однако с самого начала дело было поставлено так, что монетарная стоимость золота становилась все более и более заниженной по отношению к абстрактной стоимости золота, что обрекало на провал все попытки сохранения за золотом роли мировых денег. Между тем эти попытки проводились на уровне государственно-монополистического регулирования, прежде всего Соединенными Штатами.

До середины 60-х годов усилия США концентрировались на задаче сохранения за золотом хотя бы частичной роли мировых денег. С этой целью они взяли на себя обязательство обменивать доллары на золото по твердому паритету и поддерживать неизменной официальную цену на желтый металл.

Такая политика по отмеченной причине не могла не дать отрицательных последствий. При росте всех прочих цен и постоянном обесценении доллара официальная цена на золото оказалась настолько заниженной, что в 1961 г. начался кризис цены золота. Чтобы не допустить пересмотра этой цены, западные страны во главе с США организовали так называемый золотой пул, в который вошли центральные банки США, Англии, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии.

Путем специальных операций по купле-продаже золота на лондонском рынке удалось в течение ряда лет поддерживать цену на желтый металл на уровне 35 долл. за 1 тройскую унцию. Однако искусственная заниженность цены продолжала давать о себе знать и спрос на золото быстро повышался. Чтобы предотвратить это, «золотой пул» вынужден был перейти к широ-

кой продаже желтого металла, в том числе из государственных запасов участников.

После девальвации фунта стерлингов (в ноябре 1967 г.) золотые биржи охватила паника. Спрос на золото резко возрос. По некоторым оценкам, ущерб, причиненный государственным золотым запасам западных стран массовыми закупками золота, превысил 3 млрд. долл. В середине 1967 г. от участия в операциях «пула» отказалась Франция, в марте 1968 г. остальные его участники на экстренном совещании в Вашингтоне приняли решение прекратить операции на лондонском рынке золота.

Кризис цены золота показал неспособность государственно-монополистического регулирования сдержать объективный процесс демонетизации драгоценного металла. В это время среди западных стран произошел раскол в отношении дальнейшей политики по золоту. США (как наиболее прагматичная страна) взяли курс на демонетизацию золота, Франция и некоторые другие страны по-прежнему хотели сохранить за золотом функцию мировых денег.

Компромиссным вариантом регулирования было образование «двойного» рынка золота: официального, где золото продавалось и покупалось по цене 35 долл. за 1 тройскую унцию, и свободного, где цена на него устанавливалась в зависимости от спроса и предложения. Скрытый антагонизм между золотом как деньгами и золотом как товаром, т. е. между меновой и абстрактной стоимостями, стал теперь явным и получил конкретное выражение в цифровом исчислении разницы цен свободного и официального рынков.

Одновременно начали открыто соперничать два подхода к регулированию — за сохранение золота как денег и за демонетизацию золота. Это соперничество завершилось победой США. Из-за резкого роста цен на золото на свободном рынке сначала был приостановлен обмен долларов на золото по официальной цене (август 1971 г.), а затем все страны согласились на отмену официальной цены и распродажу части золотых резервов стран и Международного валютного фонда (сентябрь 1975 г.).

Кризис золота — одной из форм мировых денег не сопровождался, как это можно было бы ожидать, укреп-

плением другой их формы — резервных валют в лице фунта стерлингов и доллара США. Наоборот, обострение первого вело к обострению кризиса и этих альтернативных вариантов мировых денег. Причины такой взаимосвязи кризисных явлений были показаны при разборе вопроса доверия к кредитным деньгам и проблемы золотого запаса в современных условиях. Там же были также разобраны и теоретические аспекты неспособности национальных валют удовлетворительно выполнять роль мировых денег. Поэтому здесь отметим только фактический ход событий и индивидуальные особенности процессов развенчания ореола мировых валютных кумиров, которым долгое время были наделены английский фунт стерлингов и американский доллар.

Для фунта стерлингов события развивались следующим образом: 1931 г. — прекращение размена на золото и девальвация на 30%; 1949 г. — девальвация на 30%; 1967 г. — девальвация на 14,3%; 1972 г. — введение плавающего курса и распад стерлинговой зоны; 1974 г. — прекращение действия системы гарантий по стерлинговым активам, хранимым центральными банками других стран в Англии по Базельскому соглашению 1968 г.

Для доллара ход событий был несколько иным: 1934 г. — девальвация на 41%; 1971 г. — прекращение размена на золото; 1972 г. — девальвация на 7,89%; 1973 г. — девальвация на 10%.

Несмотря на различия этапов кризиса двух валют, путь, по которому этот кризис развивается, в сущности один и тот же. Он характеризуется потерей валютой сначала роли эталона ценности, затем резервного средства и, наконец, средства международного расчета. На языке политэкономии это означает передачу другим формам мировых денег функций меры стоимости, накопления и платежа.

Данный путь почти полностью пройден фунтом стерлингов. Функция меры стоимости перешла от фунта стерлингов к доллару в ходе кризиса 1929—1933 гг. 50-е и 60-е годы были свидетелями быстрого снижения (также в пользу доллара) роли фунта стерлингов как резервной валюты, когда его доля в официальных запасах капиталистического мира сократилась с 23% в 1948 г. до 8% в начале 1970 г.¹³

В текущем десятилетии наблюдалась стремительная утрата английской валютой престижа предпочтительного средства международных расчетов. В этой сфере традиционно преобладал фунт стерлингов потому, что за ним стояла широкая и разносторонняя деятельность Лондонского финансового центра, специально приспособленного английской буржуазией для международного посредничества в области торговли, транспорта, страхования, экспорта капитала, кредитно-банковского дела. Другая причина заключалась в том, что в функции обращения (т. е. как покупательного средства или средства платежа) деньги циркулируют лишь в качестве мимолетного посредника, обслуживающего передвижение реальных материальных ценностей из страны в страну. «Поэтому, — отмечал С. М. Борисов, — критерии стабильности и разменности, столь важные для валюты резервов, отходят здесь в известной степени на второй план, уступая место соображениям удобства и быстроты проведения расчетных операций»¹⁴.

Американский же доллар на том же пути оставил позади себя добрую половину расстояния. После августа 1971 г. он перестал быть эталоном ценности. В середине 60-х годов доллар прошел высшую точку своего положения как резервной валюты (в млрд. СДР)¹⁵:

	1953	1955	1958	1963	1965	1968	1970	1972
Валютные резервы капиталистических стран — всего	17,0	18,5	18,8	23,7	24,4	28,5	44,1	93,7
В том числе доллары	6,5	8,3	9,7	14,3	15,4	12,5	19,6	45,5
В % к итогу	38	45	51	60	63	44	44	48

Начиная с 1965 г., когда его доля в официальных валютных резервах достигла 63%, страны все менее охотно накапливали у себя доллары (некоторое замедление падения долларовых авуаров в 1970, 1972 гг. и позже не изменило общей тенденции и было вызвано кризисом золота и энергетическим кризисом, вследствие которых выросла долларовая составляющая валютных резервов ряда стран). И только третья из рассматриваемых в этом контексте функций — средство платежа — выполняется долларом по-прежнему в полной мере. Отвоевав у фунта стерлингов право быть первой

валютой международных расчетов, доллар, вопреки сложной кризисной ситуации, пока что не уступает это право другим формам международных денег. Директор крупнейшего швейцарского банка «Суис бэнк корпорейшн» Г. Пелли, отвечая на вопрос корреспондента журнала «Юромани», заявил: «В действительности ключевая валюта (имеется в виду валюта, используемая в качестве средства международных расчетов. — Г. М.) не обязательно должна быть резервной валютой. Для нее не играет роли, является ли она сильной или слабой... Я могу использовать доллары в качестве ключевой валюты, чтобы покупать и продавать другую валюту, однако мои валютные резервы могут быть в той валюте, которую я выберу»¹⁶.

Хотя доллар еще не развенчан полностью, кризис резервных валют получил наибольшую остроту именно в связи с ним, а не с фунтом стерлингов, несмотря на то, что последний уже растерял почти все свои бывшие позиции. Дело здесь заключается в том, что падение фунта происходило в период возвышения доллара, поэтому функции мировых денег относительно безболезненно переходили к американской валюте. Другая обстановка сложилась во время кризиса доллара. Теперь уже не было той национальной валюты, которая бы подхватила эстафету. Кризис доллара стал кризисом мировых денег, во многом определяемым кризисом международных валютно-финансовых учреждений капитализма.

Созданный в 1944 г. МВФ был призван осуществлять контроль за соблюдением странами-членами решений Бреттон-Вудских соглашений (выполнение долларом США наряду с золотом функций резервной валюты, установление и поддержание твердых валютных курсов, неизменной цены золота, осуществление многосторонних расчетов), способствовать с помощью краткосрочных и среднесрочных кредитов ликвидации дефицита платежных балансов и, кроме того, консультировать правительства стран — членов Фонда по вопросам их валютной и финансовой политики.

Непосредственными причинами кризиса МВФ, выразившегося, в частности, в его неспособности сохранить Бреттон-Вудскую валютно-финансовую систему и не совсем удачных первых шагах по созданию между-

народных кредитных денег, являлись следующие моменты: несправедливое распределение голосов среди стран-членов и серьезные недостатки в организации финансовых операций Фонда.

Нет нужды говорить, насколько важно для мирового банка типа МВФ такое представительство его членов, которое бы не ущемляло интересов отдельных государств. Между тем вся история этой организации есть история господства одних стран над другими. Достаточно сказать, что в момент учреждения Фонда только три страны (США, Англия, Канада) обладали почти половиной всех голосов. Однако в связи с неравномерным характером развития экономики капиталистических стран, вызывающим периодический пересмотр квот и соответственно голосов членов МВФ (так, в 1969 г. квота Японии возросла на 65,5%, Италии — на 60, Бельгии — на 54, США — на 29,8, а Англии — только на 14,8%), роль отдельных стран в этой организации постепенно изменяется. В результате влияние США или, скажем, Англии в МВФ снижается.

Развитые капиталистические государства в настоящее время лишь в совокупности занимают в МВФ господствующее положение (на их долю приходится почти 58% голосов) (см. табл. 13). Эти страны определяют кредитную политику Фонда, поскольку, согласно его уставу, подавляющее число вопросов решается большинством голосов. В первые же годы деятельности в МВФ безраздельно правили США, так как, имея тогда более 30% голосов, они могли блокировать любые решения высшего органа Фонда — Совета управляющих, кворумом которого считается присутствие на заседании управляющих, представляющих не менее $\frac{2}{3}$ голосов стран-членов.

За время своей деятельности МВФ трижды увеличивал свой уставный капитал за счет увеличения квот: в 1958—1959 гг. — на 50%, в 1965—1966 гг. — на 25, в 1969 г. — на 35%. На начало 1975 г. его сумма равна 29,2 млрд. ед. СДР.

Своеобразие операций Фонда заключается в том, что страны-члены пользуются его ресурсами не в форме займов или кредитов, а в форме купли или продажи своей валюты на эквивалент валюты других стран-членов. Полученная в результате этого национальная валю-

Квоты и число голосов стран — членов МВФ (на 28 февраля 1975 г.)

Страны	Квоты (в млн. единиц СДР)	Число голосов	В % к общему числу голосов
Всего	29189,4	323394	100
Промышленно развитые страны	18365	187150	57,9
Из них:			
США	6700	67250	20,8
Англия	2800	28250	8,7
ФРГ	1600	16250	5,0
Франция	1500	15250	4,7
Япония	1200	12250	3,8
Канада	1100	11250	3,5
Италия	1000	10250	3,2
Другие развитые страны	2735	30600	9,5
Развивающиеся страны	8089,4	105644	32,7
Из них:			
Индия	940	9650	3,0
Аргентина	440	4650	1,4
Бразилия	440	4650	1,4

Рассчитано по: «International Financial Statistics», April 1975, p. 10—12.

та поступает в полную собственность Фонда. Однако в конце финансового года (к 30 апреля) или через специально оговоренный срок (чаще всего 3—5 лет) страна обязана выкупить то количество своей валюты, которое Фонд аккумулировал сверх ее квоты.

В соответствии с уставом страна имела право закупать каждые 12 месяцев валюту других стран в количестве не более 25% квоты, причем суммарный размер ее закупок ограничен 200% квоты, если не считать закупку под золотой взнос. Иными словами, страна имела право на 5 последовательных сделок по 25% квоты ежегодно.

Сделки по купле-продаже национальной валюты, называемые «транш»-операциями, подразделяются на три вида: автоматические, полуавтоматические и разрешаемые на определенных условиях.

Кредиты третьего вида не всегда могут быть использованы страной. Поскольку они выдаются на определенных условиях, то для их получения необходимо специальное согласие исполнительного директората МВФ. Последний же, прежде чем предоставить валюту, ставит перед страной различные условия, которые могут быть для нее неприемлемы (например, осуществление вполне определенной валютной, фискальной, социальной политики и т. д.). В то же время при каждой последующей сделке жесткость требований Фонда возрастает.

Такая политика МВФ не могла не вызвать недовольства стран-заемщиц, особенно развивающихся государств, чьи представители все настойчивее и решительнее критиковали уставные положения Фонда и требовали их пересмотра, что частично и производится начиная с 1975 г.

Не менее глубокие противоречия существуют между действиями Фонда и отдельных стран-членов или их групп, которые, защищая свои интересы в условиях хронических кризисных потрясений, нередко полностью игнорируют устав Фонда, либо используют к своей выгоде лишь отдельные его положения, либо, наконец, создают параллельные организации, наделяя их функциями, близкими или даже аналогичными функциям МВФ.

Наиболее ярким свидетельством нарушения устава Фонда служит одностороннее решение США от 15 августа 1971 г. о прекращении обмена долларов на золото и действия Англии, Италии, Канады, Франции и других стран, установивших плавающий курс своих валют, что в корне противоречило уставу Фонда.

Примером создания параллельной Фонду организации, несомненно являются соглашения по операциям «своп», заключенные в 1962 г. между 14 центральными банками и БМР в Базеле. Их цель состоит в поддержании равновесия платежных балансов стран-участниц путем предоставления взаимных краткосрочных возобновляемых кредитов, т. е. является идентичной цели МВФ. То же самое можно сказать и о «рабочей группе 3» при Организации экономического сотрудничества и развития, которая была создана в 1961 г. в Париже.

Наличие такого клубка противоречий внутри и вне Фонда существенно ограничивает эффективность его мероприятий, направленных на стабилизацию валютной

системы капитализма, и обостряет кризис этой организации до такой степени, что в настоящее время на повестку дня поставлен вопрос о полном пересмотре устава МВФ или замене этой организации другой.

Кризис валютных курсов. В условиях золотого стандарта сравнение различных валют между собой происходило по золотому паритету. При свободном движении золота отклонения валютного курса от паритета находились в пределах так называемых золотых точек. Их величина зависела от расходов по перевозке драгоценного металла из одной страны в другую. Поэтому минимальный курс валюты равнялся золотому паритету за вычетом стоимости пересылки золота, а максимальный — паритету плюс издержки на доставку золота.

Если в золотом обеспечении банкнот, свободно размениваемых на желтый металл, заключался механизм связи между товаром-деньгами и кредитными деньгами, благодаря которому совершался переход одних форм денег в другие, то золотой паритет соединял в рамках мирового хозяйства кредитные деньги различных стран в единую цепочку меновых соотношений. Эта цепочка первоначально формировалась из вексельных курсов, затем, по мере развития форм международных кредитных денег, она стала включать курсы банкнот, чеков, расчетных денег (например, особые курсы клиринговых счетов) и т. д.

Поскольку золото во внутреннем обращении все более вытеснялось кредитными деньгами в выполнении функции меры стоимости, которая как раз и является основой формирования валютных курсов, росло противоречие между внутренними ценами, определяемыми через меновую стоимость кредитных денег, и внешними ценами, все еще продолжавшими основываться на абстрактной стоимости золота как денежного товара.

Особенно сильно это противоречие обострилось в 30-х годах. Анализируя тот период, Л. И. Фрей писал: «Сравнение индексов оптовых цен в разных странах в золоте (по официальному курсу) показывает наличие резкого разрыва между внутренними ценами в странах с валютными ограничениями и ценами в странах со свободной валютой... как правило, цены в странах со свободной валютой были ниже, чем в странах с валютными ограничениями»¹⁷. Разрыв цен отрицательно влиял на

конкурентоспособность товаров на внешних рынках. Чтобы повысить ее, страны стали прибегать к девальвациям, началась так называемая валютная война, в которой капиталистические государства соревновались между собой в том, кто в наибольшей степени обесценит свою валюту.

Валютная война означала, что золотой паритет больше уже не отвечал требованиям взаимоотношений капиталистических стран на международных рынках. Он стал анахронизмом не только потому, что искаженно отражал стоимостные пропорции товаров одних стран по отношению к стоимостным пропорциям товаров других стран, но и вследствие того, что содержал в себе идею эквивалентного обмена, ибо соотносил валюты таким образом, что обязательно обменивались равные весовые количества золота. Но на современной стадии развития империализма эквивалентный обмен ценностями, в том числе валютными, находится в глубоком противоречии со всей системой эксплуатации и экономического подчинения одних стран и народов другими, более сильными государствами.

Данный кризис получил частичное разрешение в том, что в 30-х годах был повсеместно внедрен принцип валютного паритета, по которому вначале устанавливался курс валюты по отношению к эталону ценности в виде базовой валюты, а затем исчислялось ее золотое содержание от золотого содержания базовой валюты. Золотой паритет, таким образом, превратился в пустую формальность.

Базовыми валютами стали фунт стерлингов и доллар США. На основе валютного паритета к фунту стерлингов до второй мировой войны устанавливалось золотое содержание валют Дании, Норвегии, Португалии, Франции, Финляндии, Швеции, стран Южной Америки, Японии. После второй мировой войны почти все страны использовали в качестве базовой валюты доллар США, а страны стерлинговой зоны и зоны французского франка — наряду с долларом также фунт стерлингов и французский франк.

Валютный паритет более точно отражал ценностные соотношения валют, так как исчислялся на основании «паритета покупательной силы» и отражал через кредитные деньги стоимости совокупного товарного продук-

та наций, а не одного лишь золота, абстрактная стоимость которого, как мы показали, уже перестала служить во внутреннем обращении мерилom стоимости и представлять всеобщий эквивалент общества.

В 20-х годах нашего столетия шведский экономист Г. Кассель пришел к выводу, что готовность уплачивать некую цену за ту или иную валюту зависит от покупательной силы этой валюты по отношению к товарам в ее стране. «Когда мы предлагаем определенное количество нашей валюты, — писал он, — мы предлагаем в действительности ее покупательную силу по отношению к товарам и услугам в нашей стране. Курс иностранной валюты поэтому зависит главным образом от относительной покупательной способности валют двух стран»¹⁸. В целом правильно подметив новые объективные закономерности формирования валютных курсов, Г. Кассель тем не менее не увидел тех противоречий, которые возникали в связи с переходом от системы золотого паритета к валютному. Кризис валютных курсов не устранялся, а лишь отодвигался, с тем чтобы вырваться на иных, более острых и антагонистических противоречиях.

Дело в том, что в отличие от золотого паритета валютный паритет не имел стихийного механизма регулирования курсовых колебаний, не имел, так сказать, своих «золотых точек». Поэтому курсы могли отклоняться от паритета покупательной силы на сколь угодно большую величину. Следовательно, требовалось принятие специальных международных норм, ограничивающих эти колебания. Но в условиях межимпериалистической конкуренции это оказалось чрезвычайно сложной задачей. Вследствие этого законом стал неэквивалентный обмен валют в противоположность эквивалентному (на базе паритета покупательной силы). Реальный курс пробивает себе дорогу не иначе, как через глубокие кризисы и потрясения всей валютно-финансовой системы капитализма.

Культивирование неэквивалентного валютного обмена обязано, кроме факта эксплуатации одних стран другими, тому, что в эпоху государственно-монополистического капитализма валютный курс превратился в инструмент решения важнейших внутри- и внешнеэкономических задач стран капитала. Так, страна, для кото-

рой в первую очередь важен сбыт товаров, прилагает максимум усилий, чтобы сделать курс своей валюты заниженным по отношению к валюте конкурентов, и проводит ее девальвацию или добивается ревальвации валют соперников. Наоборот, если делается упор на экспорт долгосрочного капитала, то государство всячески будет противиться девальвации своей валюты или даже пойдет на ее ревальвацию.

Вспомним обстановку конца 50-х годов. Война и разруха поставили Западную Европу почти в полную зависимость от империализма янки. Используя благоприятную обстановку для экспорта капитала за границу, США навязали другим странам такое соотношение валют, при котором курс доллара оказался чрезвычайно завышенным, а курсы валют западноевропейских государств, и особенно ФРГ, а также Японии, чрезвычайно заниженными.

Однако в течение 50-х и 60-х годов положение изменилось. Из-за хронического дефицита платежного баланса США на первое место вышла проблема внешней торговли. Если в 1946—1949 гг. активное сальдо торгового баланса США (в среднегодовом исчислении) равнялось 6,9 млрд. долл., а в 1955—1957 гг. — 4,5 млрд. долл., то в 1971 и 1972 гг. оно было сведено с дефицитом (2,9 млрд. и 6,4 млрд. долл. соответственно). Более актуальной стала задача стимулирования внешнеторговых операций. Одним из мероприятий в этом направлении была последовательная девальвация доллара в 1971 и 1973 гг. и серия акций со стороны США по принуждению других стран к ревальвации их валют (например, Японии).

Неэквивалентному валютному обмену служили и международные нормы допустимых колебаний курсов. Если механизм «золотых точек» стабилизировал валютную систему, не допуская значительных отклонений от золотого паритета, то отмеченные нормы не играли такой стабилизирующей роли, так как закрепляли несправедливо установленные валютные паритеты. В данных условиях не ограничение колебаний, а допущение полной свободы колебаний стабилизирует валютную систему, поскольку благодаря этому исправляются нарушения закона стоимости и курсы приближаются к паритету покупательной силы.

С позиций анализа валютного курса, весь период после кризиса начала 30-х годов характеризовался борьбой трех экономических концепций: фиксированного курса, «плавающего» курса и двойного валютного курса.

Формально принцип фиксированных курсов состоит в обязательстве стран-участниц не допускать отклонений свободных рыночных курсов своих валют от официально заявленного паритета за рамки согласованных пределов. В уставе МВФ эти пределы были установлены в размере 1% в каждую сторону. После кризиса 1971 г. они были расширены до 2,25%. В марте 1973 г. ряд западноевропейских стран перешел к поддержанию колебаний своих валют по отношению друг к другу в пределах 1,25%.

Несмотря на то что этот принцип имеет целый ряд положительных моментов (при неизменных курсах лучше развиваются внешнеторговые и платежные отношения между странами, меньше возникает трений и разногласий, реже — торговые войны), он не смог выдержать испытания временем главным образом потому, что консервировал валютные курсы на длительный срок, закрепляя таким образом то соотношение сил между капиталистическими государствами, которое складывалось в момент фиксации курсов. В конечном итоге это явилось причиной его краха. С марта 1973 г. почти все ведущие валюты перешли на «плавающий» курс по отношению к доллару, который в силу этого также оказался фактически «плавающим».

Практика «плавающего» курса использовалась некоторыми странами и раньше (Канадой — с 1950 по 1962 г., а затем снова с 1970 г., ФРГ — в 1969 и в 1971 гг.). Но столь массовый характер она приобрела впервые. Введение «плавающего» курса облегчило задачу уравнивания платежного баланса и избавило буржуазные правительства от необходимости поддерживать курс валюты в определенных рамках. Но оно также обострило противоречия между капиталистическими государствами, поскольку приблизило курсы к паритетам покупательной силы и подорвало принцип неэквивалентного обмена. Поэтому ни одна страна не допускает сейчас так называемого чистого плавания своих валют, а продолжает регулировать колебания их курсов, что фактически возвращает валютную систему капитализма к вре-

менам фиксированных курсов, только с более широкими пределами колебаний.

Третья из отмеченных концепций — двойной валютный курс — является как бы компромиссным вариантом двух первых. Она нашла применение в Бельгии, Италии, Франции. Смысл этой системы заключается в том, что большинство расчетов по текущим операциям осуществляется на основе твердо фиксированного официального курса валюты, называемого коммерческим и поддерживаемого в установленных пределах, а преобладающее число платежей, связанных с движением капитала — по курсу свободного рынка, т. е. «плавающему» курсу, называемому финансовым. Здесь как бы соединяется автоматизм рынка с государственно-монополистическим регулированием. Это дало определенный результат лишь в борьбе с наплывом «горячих денег» и во внешнеторговых операциях. Но двойной валютный курс не спасает страну от воздействия на нее валютной политики других стран. Так, если ее основные торговые партнеры ревальвируют свои валюты, то это будет равнозначно девальвации валюты данной страны, и наоборот, при девальвации валют других стран произойдет фактическая ревальвация валюты данной страны.

Таким образом, мы видим, что противоречия возникшие в связи с переходом к системе валютного паритета, не нашли своего разрешения ни в одной капиталистической стране, какой бы концепции валютного курса она не придерживалась. Все это говорит о кризисе системы валютного паритета, которая представляет из себя безуспешную попытку соединить автоматизм рынка с государственно-монополистическим регулированием в такой сложной сфере международных взаимоотношений, как меновые соотношения национальных денежных единиц.

Кризис платежных балансов. Неуравновешенность платежного баланса с чередованием активного и пассивного сальдо для любой страны является объективно закономерным явлением, вызываемым сезонными причинами, особенностями производственного цикла, спецификой международных расчетов и платежей. В условиях золотого стандарта такая неуравновешенность, приводящая в конечном итоге к равновесию и балансу поступлений и платежей по международным обязательствам,

стихийно устранялась с помощью перелива золота из страны в страну.

Переход к государственно-монополистическому регулированию экономики и оплате международных требований и обязательств с помощью неразменных национальных валют существенно модифицировали механизм уравнивания платежных балансов. Правилom стала неуравновешенность платежного баланса с длительной тенденцией к активному или пассивному сальдо, что вступило в противоречие с действующим здесь объективным законом.

Неуравновешенность этого типа развилась в результате действия двух причин: а) несовпадения задач регулирования экономики и платежного баланса; б) противоречия между состоянием платежного баланса и ролью валюты на международной арене.

Так, если страна ставит задачу повышения занятости населения, высоких темпов роста экономики (что было, например, официально и фактически важнейшей целью экономической политики США в последние годы), она сталкивается с ростом дефицита платежного баланса. В то же время сокращение внутреннего спроса (безработица и др.), снижение темпов роста экономики, кредитные ограничения, дефляция приводят в качестве одного из результатов к активному сальдо платежного баланса (в данном случае характерен пример Англии, которая в течение всего послевоенного периода проводила такого рода мероприятия в ущерб экономическому росту и в угоду факторам платежного баланса).

В подобных ситуациях возникает конфликт приоритета, когда стране приходится выбирать, чему отдать предпочтение: платежному балансу или экономике в целом. Этот конфликт перерастает в кризис, когда ход циклического развития и тенденции формирования платежного баланса как бы переходят в одну и ту же фазу — например, наступает глубокий спад и сохраняется дефицит платежного баланса (США — 1969—1970 гг.) или имеет место подъем и рост активного сальдо (ФРГ — 1971—1973 гг.). Хотя дефицит платежного баланса более остро ставит задачу его ликвидации (правительство спешит ограничить импорт, поощряет экспорт, осуществляет экономию государственных расходов за границей и т. д.), его влияние на экономику не более

пагубно, чем активного сальдо. Бытующее среди некоторых буржуазных экономистов представление, что активное сальдо представляет для страны большой плюс, в корне неверно.

Активный баланс означает, во-первых, инфляцию, которая в этом случае развивается вследствие относительного или абсолютного сокращения импорта, а следовательно, общего уменьшения объема товаров и услуг во внутреннем обращении. В то же время он порождает так называемую импортируемую инфляцию, поскольку под поступающую иностранную валюту нередко эмитируются национальные денежные знаки. Во-вторых, активное сальдо является той суммой средств, которая обычно не инвестируется и не используется как ссудный капитал, что ведет к потере соответствующих доходов и рассматривается как «неиспользованная возможность». В-третьих, такой баланс зачастую в значительной части состоит из «горячих денег», представляющих прямую угрозу внешнеэкономическим позициям страны. Обращая внимание на этот факт, авторы годового отчета МВФ за 1973 г. предупреждают, что такого рода активы «потенциально опасны для официальных резервов, так как могут вызвать внезапную утечку капиталов, размеры и продолжительность которой трудно предугадать, а потому страна вынуждена держать дополнительные резервы или стремиться обеспечить себе свободный доступ к огромным кредитам»¹⁹, что, как известно, нереально.

Несмотря на это, в финансовых кругах Запада все еще продолжается дискуссия о том, кто должен нести ответственность за неуравновешенность платежных балансов: страны с активным или пассивным сальдо. А какие-либо «согласованные действия капиталистических стран-кредиторов и должников по взаимному регулированию платежных балансов остаются, — как отмечает советский экономист А. В. Апикин, — нереалистичной утопией»²⁰.

Межимпериалистические противоречия не позволяют капиталистическим странам предпринять коллективные действия по «наведению порядка» в области международных расчетов. Каждая надеется преодолеть все трудности за счет «наведения порядка в собственном доме». Для этого используется ряд финансовых и тор-

говых мероприятий. Это — налоги, регулирование валютного курса, введение обязательных резервов по засмным операциям с заграницей, установление минимальных резервов, отмена выплаты процентов по вкладам нерезидентов, организация операций на международном открытом рынке, выдача экспортных субсидий, манипулирование с импортным налогообложением и таможенными тарифами и т. п.

Между тем действует еще одна важнейшая причина неуравновешенности платежных балансов, на которую указанные мероприятия не оказывают, да и не могут оказать никакого влияния. Речь идет о том, что отсутствие действительных мировых денег и замена их суррогатами в лице национальных денежных единиц с необходимостью выдвигает условием дефицит баланса тех стран, чья валюта используется как резервное средство и средство международного расчета, и активное сальдо других стран, чья валюта принимает на себя функцию эталона ценности.

Впервые такая закономерность была замечена в отношении США. С. М. Борисов назвал ее парадоксом системы резервных валют. «Насыщение международно-го денежного оборота средствами, необходимыми для уравновешивания платежных балансов, — писал он, — осуществляется в результате более или менее систематической неуравновешенности платежей у страны, чья валюта выполняет функции такого средства. Отсюда вытекает особая уязвимость системы, ибо потенциальная возможность потери международного доверия, объективно заключающаяся в самом явлении пассивности платежного баланса, при определенных условиях может превратиться в действительность. А тогда неизбежно появляется стремление избавиться от скомпрометированной валюты, заменить ее более надежными ценностями, в том числе золотом»²¹.

С тех пор как были написаны эти строки, не раз возникали ситуации, при которых отмечалось массовое бегство от доллара и фунта стерлингов как скомпрометировавших себя резервных валют. Но это бегство, несмотря на серию так называемых золотых лихорадок, все же не пошло по направлению замены данных валют на золото. Как раз в наиболее острые кризисные годы (1969—1973 гг.) официальные золотые резервы не толь-

ко не возросли, а уменьшились с 39,1 млрд. ед. СДР в 1969 г. до 35,8 млрд. ед. СДР в начале 1973 г.²² «Бегство» произошло в другие наиболее устойчивые валюты (западногерманские марки, швейцарские франки и др.), в результате чего резко возросли резервы у одних стран и снизились — у других. Отсюда можно сделать вывод, что возник другой парадокс — парадокс эталона ценности, по которому устойчивые валюты не только не ведут к стабилизации валютно-финансовой системы капитализма, а, наоборот, делают ее весьма уязвимой, поскольку еще более закрепляют неуравновешенность платежных балансов и вызывают относительное падение международной ликвидности.

Так, с конца 1969 по начало 1973 г. мировые резервы (без социалистических стран) возросли почти в 2 раза, с 75,5 млрд. до 144,6 млрд. ед. СДР. Из этого прироста на промышленно развитые страны в 1970 г. пришлось 80%, а в 1971 г. — 85%. Поэтому в 1971 г. эти страны сосредоточили у себя 63% мировых резервов, а молодые государства получили только 17,6%. (В 1973 г. вследствие энергетического кризиса произошло повышение доли развивающихся стран в мировых резервах до 20%, что, однако, совершенно не изменило общей картины неравномерного распределения последних.) Среди самих развитых капиталистических стран контрасты в этом плане также чрезвычайно резки: на четыре государства — ФРГ, Францию, Японию и Канаду — в 1970 г. пришлось 63% прироста валютных резервов, в 1971 — 70 (вместе с Англией), а в 1970 г. — 40%. Общая ликвидность капиталистического мира за эти годы возросла и даже превысила норму: в конце 1971 г. этот показатель увеличился на 20—27 млрд. ед. СДР, а в начале 1973 г. — на 23—31 млрд. (За показатель ликвидности принято отношение золото-валютных резервов к импорту. Этот показатель используется МВФ, эксперты которого, подсчитав показатель по странам за период 1954—1970 гг., согласились считать его нормой коэффициент 0,5.) По данным МВФ, на конец февраля 1973 г. более 50% излишка нормы ликвидности пришлось на четыре промышленно развитые капиталистические страны (ФРГ, Японию, Швейцарию и Австралию), 25% — на пять нефтедобывающих государств (Ирак, Кувейт, Ливию, Саудовскую Аравию, Венесуэлу) и 25% — на 16

других стран (Бразилию, Португалию, Испанию и др.). Поэтому, делают заключение эксперты МВФ, «большинство стран не получили, согласно данной методике подсчета ликвидности, достаточных резервов; их неравномерное распределение фактически снизило мировой уровень резервов»²³.

Анализ кризиса платежных балансов показал, что он не разрешает вызывающих его противоречий, не ведет к установлению равновесия платежных балансов через их неравновесие, т. е. через сезонные или иные колебания в ту и другую сторону, а создает постоянную тенденцию к поляризации стран по этому показателю. Это еще более углубляет современный валютный кризис и делает его неразрешимым для капитализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблем кредитных денег при капитализме показал, что пришедшая на смену товара-денег денежная форма не разрешила противоречий капиталистического обращения. Более того, как элемент капиталистического способа производства, она сама вступила в период перманентного кризиса. Кризис кредитных денег стал составной частью общего кризиса капитализма. «Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — переплелись с такими серьезными потрясениями мирового капиталистического хозяйства, как валютный, энергетический, сырьевой кризисы»¹.

Эволюция форм кредитных денег и тех институтов, которые обеспечивают их функционирование, достигла такого уровня, что для них стали узки рамки способа производства, основанного на действии стихийных законов конкуренции и спроса или предложения. Поэтому роль кредитных денег стала заключаться не только в том, чтобы составлять переходную форму к новому способу производства, но и содействовать его появлению.

Это содействие находит свое выражение в том, что кредитные деньги, подобно ржавчине, начинают разъедать капиталистическое общество изнутри.

Так, в области производства их роль сводится к обеспечению непрерывности процесса кругооборота капитала. Она осуществляется за счет того, что кредитные деньги облегчают переход денежного капитала в товарный и товарного в денежный с целью создания требуемых пропорций как между этими формами капитала, так и между долгосрочным и краткосрочным капиталами. Но именно в выполнении такого рода задач механизм кредитных денег чаще всего сейчас отказывает в действии.

Формулы обращения товара $T — D — T$ и обращения капитала $D — T — D'$ асимметричны. Их асимметрия заключается в том, что одна их часть всегда легче реализуема, чем другая. При функционировании золота в качестве денег, как правило, было проще и быстрее обменять деньги на товар, чем товар на деньги. В случае с кредитными деньгами чаще случается наоборот — легче продать в кредит, чем купить в кредит. На практике это ведет к скрытому перепроизводству товаров, к накоплению диспропорций в системе обращения, к более разрушительному кризису.

Если в течение XIX и в начале XX вв. диспропорции между денежным и товарным капиталами разрешались с помощью циклических кризисов, то с вступлением капитализма в государственно-монополистическую стадию развития стало отмечаться — вследствие модификации циклов — постоянное опережение накопления денежного капитала по сравнению с товарным, причем это накопление не служило более целям воспроизводства капитала. В этих условиях диспропорция получает лишь частичное разрешение и чаще всего за счет хронического обесценения денежного капитала, происходящего благодаря высоким темпам инфляции или участившимся биржевым крахам.

Кредитные деньги не способны восстановить нарушения пропорций и между долгосрочными и краткосрочными капиталами. Денежные и валютные кризисы привели к тому, что владельцы ссудного капитала и других денежных ресурсов из-за боязни потерь от обесценения денег или изменения валютного курса все менее склоняются помещать свои средства на длительный срок. Отсюда нехватка предложения долгосрочного капитала и избыток предложения капитала краткосрочного. Другая причина нарушения этих пропорций — «горячие деньги».

В работе, специально посвященной этому новому явлению современности, мы установили, что «горячие деньги» нарушают кругооборот ссудного капитала в том смысле, что препятствуют обратному превращению части краткосрочного капитала в долгосрочный — деньги перекачиваются из сферы долгосрочного капитала в сферу краткосрочного капитала, оседают там и накапливаются. Это происходит в области международных отношений. В то же время внутри стран из-за действия

тенденции падения: доли кредитных денег в пользу квазикредитных ликвидность денежных систем ухудшается и краткосрочные капиталы теряют свой денежный инструментарий.

В целом можно сказать, что в настоящее время, когда, как подчеркивается в Программе КПСС, «неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины»², кредитные деньги теряют некогда отмеченную К. Марксом способность «развивать движущую силу капиталистического производства»³. Становясь в большей мере разрушительной, чем созидательной силой, кредитные деньги тем самым приближают всемирное торжество социализма и содействуют борьбе рабочего класса за новый строй.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 440.
- ² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 49.
- ³ *Андрес Э.* Основы теории денег социалистического общества. М., 1975, с. 4.
- ⁴ Там же, с. 9, 35.
- ⁵ Там же, с. 50—51.
- ⁶ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 1, с. 507—508; т. 36, с. 134—135; т. 38, с. 122.
- ⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 484, 485.
- ⁸ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 37.
- ⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, с. 223.

Глава I

- ¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 67—68.
- ² Там же, с. 104.
- ³ Там же, с. 136.
- ⁴ Там же, с. 153.
- ⁵ Там же, с. 135.
- ⁶ Там же, с. 136.
- ⁷ Там же, с. 136—137.
- ⁸ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 99.
- ⁹ Там же, с. 102.
- ¹⁰ Там же, с. 104.
- ¹¹ Там же, с. 104—105.
- ¹² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 164—165.
- ¹³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 24, с. 66—67.
- ¹⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 153.

Имеется в виду английский экономист-финансист Джон Ло, который основал в 1716 г. во Франции частный банк, преобразованный затем в государственный банк. Одновременно с неограниченной эмиссией кредитных билетов банк Ло изымал из обращения звонкую монету. В результате получили неслыханное развитие биржевой ажиотаж и спекуляция, завершившиеся в 1720 г. полным банкротством государственного банка и самой «системы Ло» (см. Примечания к третьему тому «Капитала» К. Маркса. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 491—492).

- ¹⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 153.
- ¹⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 357.
- ¹⁷ «Под знаменем марксизма», 1929, № 7, с. 64.
- ¹⁸ Там же, с. 65.
- ¹⁹ *Бендиксен Ф.* Деньги. Пг., 1923, с. 58.

- 20 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 102.
 21 Там же, с. 103.
 22 *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1959, с. 121.
 23 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 69.
 24 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 348.
 25 Там же.
 26 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 4.
 27 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 450.
 28 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 88.
 29 Там же, с. 11.
 30 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 483.
 31 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 484.
 32 Там же.
 33 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 335.
 34 Там же, с. 334.
 35 *Варга Е. С.* Избранные произведения. Начало общего кризиса капитализма. М., 1974, с. 28.

Глава II

- 1 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 59—60.
 2 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 24—25.
 3 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 26, ч. III, с. 126.
 4 Там же, с. 150.
 5 *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1969, с. 63—64.
 6 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 145.
 7 Там же, с. 102.
 8 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 26, ч. III, с. 133.
 9 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 80.
 10 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 50.
 11 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 192.
 12 «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 7, с. 115.
 13 «Вопросы экономики», 1974, № 1, с. 81.
 14 «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 8, с. 109.
 15 «Вопросы экономики», 1974, № 1, с. 81.
 16 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 106.
 17 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 473.
 18 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, с. 185.
 19 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 24, с. 121.
 20 Деньги и денежное обращение в освещении марксизма. Под ред. К. Ф. Шмелева и А. Б. Штерна. М., 1929, с. 90.
 21 Там же, с. 127.
 22 Там же, с. 139—140.
 23 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 108.
 24 *Борисов С. М.* Золото в экономике современного капитализма. М., 1966.
 25 Там же, с. 159.
 26 Государственно-монополистический капитализм. Экономические проблемы. М., 1971, с. 94.
 27 Там же, с. 96.
 28 Там же, с. 97.
 29 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 109.

- 30 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 52.
- 31 Там же, с. 55.
- 32 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 28, с. 309.
- 33 *Гильфердинг Р.* Указ. соч., с. 62—63.
- 34 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 440.
- 35 Там же, с. 487.
- 36 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 24, с. 97.
- 37 *Гильфердинг Р.* Указ. соч., с. 125.
- 38 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 456.
- 39 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 24, с. 90, 91.
- 40 "Euromoney", October 1971, p. 18.
- 41 "International Currency Review", May-June 1972.
- 42 "American Banker", July 19, 1972.
- 43 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 106.
- 44 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 174.
- 45 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 24, с. 134.
- 46 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 169.
- 47 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. I, с. 362.

Глава III

- 1 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 38, с. 154.
- 2 См.: *Зибер Н. И.* Давид Рикардо и Карл Маркс. СПб., 1897, с. 227.
- 3 *Кротков В. Т.* Очерки по денежному обращению и кредиту иностранных государств. М., 1947, с. 45.
- 4 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 3, с. 24.
- 5 Там же, с. 367, 26—27.
- 6 Деньги и денежное обращение в освещении марксизма. Под ред. К. Ф. Шмелева и А. Б. Штерна. М., 1929, с. 179.
- 7 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 150.
- 8 Там же, с. 165—166.
- 9 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 25, ч. II, с. 96.
- 10 *Бендиксен Ф.* Деньги. Пг., 1923, с. 38.
- 11 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 38, с. 156—157.
- 12 *Аникин А. В.* Юность науки. М., 1971, с. 98.
- 13 *Фишер И.* Покупательная сила денег, ее определение и отношение к кредиту, проценту и кризисам. М., 1925, с. 11.
- 14 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 13, с. 104.
- 15 *Кассель Г.* Основные идеи теоретической экономии. М., 1929, с. 105.
- 16 *Фишер И.* Указ. соч., с. 16.
- 17 См.: *Энтоу Р.* Скорость обращения денег в условиях современного капитализма.— «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 2.
- 18 Там же, с. 25.
- 19 *Фишер И.* Указ. соч., с. 13.
- 20 *Быстров Ф. П.* Валютные и кредитные отношения в международной торговле. М., 1972, с. 56.
- 21 *Lindert Peter H.* Key Currencies and Gold 1900—1913, Princenton (N. J.), 1969, p. 75.
- 22 *Шефер Карл А.* Классические системы стабилизации валюты (Пер. с нем.) Пг., 1923, с. 27.
- 23 "Finance and Development", vol. 9, N 2, June 1972, p. 48—52.
- 24 "American Banker", October 10, 1972.
- 25 "Euromoney", March 1972, p. 14.
- 26 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 417.

Глава IV

- ¹ Имеются в виду статьи В. М. Усоскина «Денежная сфера капитализма: структурные изменения», «Капиталистический платежный механизм в условиях научно-технической революции» (см.: «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 1; 1974, № 12; 1975, № 1).
- ² Подсчитано по: "Federal Reserve Bulletin", August. 1972, p. A16.
- ³ См.: "The Banker", September 1973, p. 1031.
- ⁴ См.: "Federal Reserve Bulletin", August 1972, p. A14.
- ⁵ Аникин А. В. Кредитная система современного капитализма. М., 1964, с. 284.
- ⁶ См.: Шенаев В. Н. Банки и кредит в системе финансового капитала ФРГ. М., 1967, с. 261—264.
- ⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. I, с. 451—452.
- ⁸ Энтов Р. М. Государственный кредит США в период империализма. М., 1967, с. 17.
- ⁹ Куш С. и Элькин В. Центральные банки. Пер. с англ. М., 1933, с. 84.
- ¹⁰ Scott Ira O. The Euro-Dollar Market and its Public Policy Implications. Materials Prepared for the Joint Economic Committee. Congress of the United States. Washington, 1970, p. 2.
- ¹¹ См.: "Financial Times", March 4, 1974.
- ¹² International Monetary Fund. Annual Report, 1971. Washington, 1971, p. 103.
- ¹³ "Financial Times", November 7, 1973.
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: Матюхин Г. Г. «Горячие деньги». М., 1974.
- ¹⁵ Inflation et ordre monétaire international. Genève, 1967, p. 44.
- ¹⁶ Кассандра — прорицательница, персонаж греческой мифологии.
- ¹⁷ Convertibility, Multilateralism and Freedom. Wien—New York, 1972, p. 80.
- ¹⁸ "Euromoney", November 1973, p. 12.
- ¹⁹ Robert Triffin. The Evolution of the International Monetary System: Historical Appraisal and Future Perspectives. International Financial Section, Department of Economics. Princeton University, 1964, p. 41.

Глава V

- ¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. II, с. 33.
- ² Мировые экономические кризисы. В трех томах. Под ред. Е. С. Варги. М., 1939, т. 3, с. 54—55.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. II, с. 60.
- ⁴ Там же, с. 62.
- ⁵ См.: "Financial Times", July 18, 1974.
- ⁶ The Peril of Inflation. Union Bank of Switzerland, Zurich, 1973, p. 6.
- ⁷ Мировые экономические кризисы, т. 3, с. 27.
- ⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 149.
- ⁹ Мировые экономические кризисы, т. 3, с. 30—31.
- ¹⁰ Составлено по: Мировые экономические кризисы. В трех томах. Под ред. Е. С. Варги. М., 1937, т. 1, с. 708—719.
- ¹¹ См.: Аникин А. В. Валютный кризис на Западе. М., 1975, с. 62—63; Богданов С. С. Валютная система современного капитализма. М., 1976, с. 18—20.
- ¹² «Наука и жизнь», 1973, № 6, с. 75.

- ¹³ The Present and Future Status of the Key Currencies. Remarks by Otmar Emminger. The International Financial Conference on the Financial Outlook (National Industrial Conference Board). Geneva, May 19, 1970, p. 3.
- ¹⁴ Борисов С. М. Золото в экономике современного капитализма. М., 1966, с. 134.
- ¹⁵ Рассчитано по: International Monetary Fund. Annual Report, 1973. Washington, 1973, p. 35; International Financial Statistics, 1971, Supplement, p. 276—277; Bank for International Settlements, Forty-Fourth Annual Report. Basle, 1974, p. 132.
- ¹⁶ "Euromoney", October 1971, p. 22.
- ¹⁷ Фрей Л. И. Валютные ограничения и клиринги. М., 1940, с. 38—39.
- ¹⁸ Cassel G. Money and Foreign Exchange after 1914. London, 1927, p. 138—139.
- ¹⁹ International Monetary Fund. Annual Report 1973, p. 43.
- ²⁰ Политическая экономия современного монополистического капитализма. В двух томах. М., 1970, т. 2, с. 100.
- ²¹ Борисов С. М. Указ. соч., с. 131.
- ²² International Monetary Fund. Annual Report 1973, p. 35.
- ²³ Ibid., p. 35—43.

Заключение

- ¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.
- ² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 25.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. I, с. 485.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	10
Глава I	
Этапы развития форм денег	20
1. Товар-деньги	20
2. Символы товара-денег	28
3. Кредитные деньги	32
4. Квazикредитные деньги	49
Глава II	
Изменение денежных функций	58
1. Функции меры стоимости и масштаба цен	58
2. Функция средства обращения	79
3. Функции сокровища и накопления	82
4. Функция распределения и перераспределения прибавочной стоимости	90
Глава III	
Эволюция денежных систем	94
1. Эволюция внутренних денежных систем	94
2. Эволюция буржуазных теорий денег	112
3. Эволюция мировых денег	128
Глава IV	
Современные кредитно-денежные системы	146
1. Новые тенденции и противоречия национальных кредитно-денежных систем	146
2. Особенности развития современной валютной системы капитализма	160
3. Буржуазные теории мировых денег	173
Глава V	
Денежные и валютный кризисы	179
1. Денежные кризисы	179
2. Валютный кризис	193
Заключение	216
Примечания	219

96 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»